

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

VII международная научная конференция

(Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.)

Том 1

Материалы конференции

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.)

Материалы конференции

Том 1

Москва
2023

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Рекомендовано Ученым советом
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

В. В. Лебединский, канд. ист. наук, ИВ РАН

Редакторы-составители:

Н. В. Гинькут, ГИАМЗ «Херсонес Таврический», ИВ РАН

Ю.А. Пронина, канд. ист. наук, ИВ РАН

Рецензенты:

С.Б. Ланцов, канд. ист. наук, ИАК РАН

В.А. Нессель, ГИАМЗ «Херсонес Таврический»

В.П. Степаненко, док.ист.наук, проф., УрГУ

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая - 5 июня 2023 г.). В 2 т. Т. 1: Ин-т востоковедения Росс. акад. наук: отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2023. – 246 с. : ил.

ISBN 978-5-907671-27-0 (общ.)

978-5-907671-28-7 (т.1)

Данное издание представляет собой публикацию материалов VII Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», которая проходила в г. Севастополе 29 мая – 5 июня 2023 г. Тематика докладов, представленных на конференции, была посвящена проблемам политических, торговых и культурных связей Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье, новое время; проблемам межнациональных и политических отношений народов Крыма в прошлом и настоящем, а также археологии, нумизматики и эпиграфики Крыма, и многим другим вопросам.

ISBN 978-5-907671-27-0 (общ.)

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

978-5-907671-28-7 (т.1)

© ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2023

© Севастопольский государственный университет, 2023

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

VII Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока» (29 мая – 5 июня 2023 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

*Заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма
и Средиземноморья ИВ РАН, доцент кафедры «Востоковедение»
СевГУ, к.и.н.*

Члены Организационного комитета

Аликберов А.К. Директор ИВ РАН, д.и.н.

Нечаев В.Д. Ректор Севастопольского государственного университета,
д.п.н., проф.

Морозова Е.А. Директор ФГБУК Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес–Таврический»

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Косов Г.В. Зам. директора по научной работе Институт общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.биол.н.

Седикова Л. В. Зам. директора по научной работе ФГБУК
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес–Таврический», к.и.н.

Гинькут Н.В. Ученый секретарь ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Пронина Ю.А. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Прудников В.В. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. директора по научной работе ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
к.и.н.

Члены Программного комитета

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В. ученый секретарь ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

Абибуллаева Э. Э.

АРАБОГРАФИЧНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ XVII В.
ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ 9

Алексеев Н. А.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН В НУМИЗМАТИЧЕСКИХ НАХОДКАХ
АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА И ЕГО ОКРУГИ 12

Байбуртский А. М.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН В КРЫМ XIII–XIV ВВ.
К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 18

Баранов А. В.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ КРЫМА В 1920-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЧК–ОГПУ) 23

Белоруссова Т. Е.

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ СИНТЕЗ В КУЛЬТУРЕ ПЕЛОПОННЕСА (XIII–XIV ВВ.) 28

Болт В. С.

О ВЫПЛАТАХ ГРАФОМ М.С. ВОРОНЦОВЫМ ОФИЦЕРСКИХ ДОЛГОВ
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ФРАНЦИИ 1815–1818 ГГ.:
ИСТОРИЯ ПРОДАЖИ ИМЕНИЯ «КРУГЛОЕ» 33

Бочаров С. Г.

СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА ГЕНУЭЗСКОГО ГОРОДА ЧЕМБАЛО В XIV–XV ВВ. 36

Быстрицкий Н. И., Гришин Е. С., Крутов Д. А.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАРТ КРЫМА
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 40

Вдовиченко И. И.

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК КЕРКИНИТИДЫ В 1981 Г.
В КОЛЛЕКЦИИ ЕВПАТОРИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 45

Виноградов Ю. А.

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ БОСПОРСКИХ РАСПИСНЫХ СКЛЕПОВ 49

Велиева С.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
В СОБРАНИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА 54

Верченкова В. В.

ПАСКАЛЬ ПАОЛИ И КОРСИКАНЦЫ В НАРРАТИВАХ БРИТАНЦЕВ
В ПЕРИОД АНГЛО-КОРСИКАНСКОГО КОРОЛЕВСТВА (1794–1796 ГГ.) 56

Гинькут Н. В.

ИСПАНСКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
КОНЦА XIII–XIV В. ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА:
К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА В XIV В. 61

Гладышев А. В.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ЧЕСТИ» 73

Днепровский Н. В.

К ВОПРОСУ О ЛИТУРГИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВАХ
ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ БАЗИЛИКИ 80

Дорошко В. В., Самойленко В. Г.

БРОНЗОВАЯ ПАНЦИРНАЯ ЧЕШУЙКА С МЕДИАЛЬНЫМ РЕБРОМ
ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО 84

Демешко Н. Э., Калинкина Ю. В.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И ЗАРУБЕЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМУ УСИЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ 91

Дорошко О. П.

КУХОННАЯ ПОСУДА ГРУППЫ AEGEAN COOKING WARE / ECW
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ: К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ГОРОДА С ЭГЕЙСКИМ РЕГИОНОМ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ 95

Дробышев Ю. И.

ПУТЬ МОНГОЛОВ В КРЫМ (1222/1223 Г.) 101

Дружинина И. А.

ОБРАЗЦЫ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МАМЛЮКОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА 108

Дружинина Н. С.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА П.С. НАХИМОВУ В СЕВАСТОПОЛЕ
(ПО ДАННЫМ ЗАСЕДАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНОГО
СОВЕТА ПО МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ) 113

Дубровская Д. В.

ТРЕБУШЕТЫ С ЧУМНЫМИ ТРУПАМИ,
ИЛИ КАК РАЗВЯЗАТЬ БИОЛОГИЧЕСКУЮ ВОЙНУ СВОИМИ РУКАМИ
(КАЗУС ОСАДЫ КАФФЫ МОНГОЛАМИ; 1346 Г.) 119

<i>Евдокимова А. А.</i> ДИАЛЕКТЫ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КРЫМУ НА МАТЕРИАЛЕ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ	125
<i>Ефимов А. В.</i> ОСМАНСКИЕ ТАПУ-ТАХРИР ДЕФТЕРЫ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМА В НАЧАЛЕ XVI В.	129
<i>Жигалова Н. Э.</i> ОСМАНСКИЕ ПРИНЦЫ ПРИ ДВОРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В XV В.: ЗАЛОЖНИКИ, МЯТЕЖНИКИ, ДИПЛОМАТЫ	132
<i>Зайцева Д. В.</i> КАК ОБУСТРОИТЬ НЕАПОЛЬ? ВЗГЛЯД М.-А. ЖЮЛЬЕНА НА ПОЛИТИКУ ФРАНЦУЗОВ В ПАРТЕНОПЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	136
<i>Зайцева Е. С.</i> СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ЭКСКУРСЫ В СОЧИНЕНИЯХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО И КОНЦЕПТ MARE NOSTRUM В VI В.	140
<i>Захаров В. А.</i> ЕЩЕ РАЗ О «ХРАМЕ С АРКАДОЙ» В СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ	144
<i>Зедгенидзе А. А.</i> УКРЕПЛЕНИЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА: ТИП ФОРТИФИКАЦИИ И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО	151
<i>Иванов А. В.</i> КРУШЕНИЕ БОТА «КУРЬЕР» В АКВАТОРИИ У ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА 4.09.1777 Г. К ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ АХТИАРСКОЙ ГАВАНИ	156
<i>Калинина Т. М.</i> ИСТОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ О МОРЕ МЕОТИС	166
<i>Калиновский В. В.</i> КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ СВЯЗЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	171
<i>Карашайски К. М.</i> «ОН ПРИБЫЛ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬСЯ НАЕМНИКОМ»: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ХРИСОХИРА, «РОДИЧА» КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА	175

Катюшин А. Е.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА:
ПРОВАЛ РОССИЙСКОГО ПРОЕКТА
«НЕЗАВИСИМОГО» ГОСУДАРСТВА МУСУЛЬМАН 180

Колганова В. А.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ ЧУМЫ СЕРЕДИНЫ XIV В.
НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
(ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ) 186

Конкин Д. В.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ
КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЭЛИТЫ НАКАНУНЕ
И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 192

Костромичев Д. А.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СНАБЖЕНИИ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА ХЕРСОНЕСА
В ТАВРИКЕ 197

Крол А. А., Толмачева Е. Г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕРАХЕЙБ (АЛЬ-АЛЛАКИ)
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ: ПО ПИСЬМЕННЫМ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ 208

Абибуллаева Э. Э.

ГБУ РК БИКАМЗ, Мемориальный комплекс Исмaила Гаспринского,
г. Бахчисарай

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан

АРАБОГРАФИЧНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ XVII в. ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Abibullaeva E. E.

ARABOGRAPHIC WRITTEN SOURCES OF THE 17th CENTURY. ON THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN THE CRIMEAN KHANATE

Доклад представляет собой обзор некоторых аспектов повседневной жизни периода Крымского ханства на основе письменных арабографиче-ских источников XVII–XVIII вв.

Историография данного вопроса очень тесно связана с истoрией изучения Кадиаскерских тетрадей (XVII–XVIII вв.), ввиду содержания в этих документах фактических материалов. Проследив хронологию изучения и выявления Кадиаскерских тетрадей, можно утверждать, что сохранилась лишь часть некогда существовавшего большого архива этих нормативных документов. В свое время, профессор В. Д. Смирнов, в 1886 г. писал о целой залежи этих рукописей [РНБ: Ф. № 917. Оп. № 899].

Тема повседневной жизни раскрывается и в эпистолярном наследии, которое представлено в труде В. В. Вельяминова-Зернова «Материалы для истории Крымского ханства», изданной в 1864 году в Санкт-Петербурге [Velyaminov-Zernov (1864) 2009: 785–787].

Картина взаимоотношения людей в повседневной жизни с тех пор практически не поменялась: люди женились и разводились, брали в долг

деньги, а затем возвращали, продавали и покупали дома. Для разрешения конфликтных ситуаций, люди обращались в суд. Например, жители квартала Хаджи Эсенгельди в Карасубазаре жаловались на соседку Ум-мюгульсум, которая выстроила свое ограждение так, что во время ливневых дождей дома соседей и квартальную мечеть постоянно затапливало [Özdem 2010: 47].

Рассматривая повседневную жизнь в городах Крымского ханства, нельзя обойти вниманием медицину, так как люди во все времена искали пути лечения и избавления от недугов. Больше всего упоминаний об учёных-медиках встречается у Эвлия Челеби. Например, при описании столицы Крымского ханства путешественник написал следующее: «Этот древний город — источник учёных и собрание премудрых, место жительства поэтов, поэтому там много и учёных-медиков. Искусные врачи и хирурги-кровопускатели — очень большие мастера в науке пульса, подобные Галену» [Эвлия Челеби 2008: 111].

В материалах Кадиаскерских тетрадей упоминаются имена аптекарей, а также некоторые обезболивающие средства. Отдельные рецепты и методы лечения некоторых болезней описаны в рукописном трактате по медицине.

Относительно специальных учреждений (имархане) для больных, известно, что около мечети Сахиб Герай хана, в Бахчисарае, была больница, где присматривали за больными [Эвлия Челеби 2008: 113]. Особое отношение Сахиб Гирая к медицине подтверждается и его покровительством крымско-турецкому учёному-медику первой половины XVI в. Недаи [Абибуллаева 2019: 733–743].

Изучение и исследование повседневной жизни помогает выявить не только объективную сферу бытия человека, но и сферу его субъективности. Вырисовывается картина того, как укладом повседневности детерминированы поступки людей, влияющие на ход истории.

Библиография

Российская национальная библиотека, Кады-аскерские книги Крымского ханства. Собрание. Ф. № 917. Оп. № 899 б.

Velyaminov-Zernov V. V. Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıklar ve hatlar (St. Perersburg, 1864). Hazırlayanlar A. Melekozyetgin, İlyas Kamalov. Ankara: TURK TARİH KURUMU BASIMEVİ, 2009. — 964 s.

Özdem Zeyneb. Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17 yüzyıl sonlarından 18 yüzyıllarına kadar). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 2010. — 199 s.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008. — 272 с.

Абибуллаева Э. Э. Медицина Крымского ханства сквозь призму повседневной жизни // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 733–743.

Алексеевко Н. А.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН В НУМИЗМАТИЧЕСКИХ НАХОДКАХ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА И ЕГО ОКРУГИ

Alekseenko N. A.

THE NEAR EASTERN REGION IN THE NUMISMATIC FINDINGS OF ANCIENT TIME FROM CHERSONESE AND ITS NEIGHBOURHOOD

Данные нумизматики существенно дополняют свидетельства других источников об экономической жизни Херсонеса-Херсона и сопредельного ему региона в самые различные периоды его истории, позволяя не только составить представление о направлении развития внешних связей этого центра на краю греческой ойкумены, но и демонстрируют местную специфику товарно-денежных отношений на внутреннем рынке. Пестрота и разнообразие монетной массы в денежном обращении региона уже не раз отмечалась применительно как к византийскому или римскому периодам его истории, так и к ранним эпохам — от классики и эллинизма до времени понтийского владычества и боспорского влияния. Об этом красноречиво свидетельствуют как единичные находки, так и монетные клады.

В свое время А. М. Гилевич обозначила основные векторы городских внешнеэкономических связей на примере находок привозной монеты из раскопок Херсонеса [Гилевич 1968]. Иногородняя монета в нумизматике античного Херсонеса представлена выпусками более чем 60 античных центров (исключая монетные дворы Римской империи) [Гилевич 1968: 34].

Среди наиболее массовых, особо представительными оказались монеты, как правило, хорошо известных торгово-экономических городов-портов

Малой Азии и Западного Причерноморья, которые по определению исследователя, в первую очередь указывали на роль Херсонеса как транзитного пункта на торговых путях Севера и Юга [Гилевич 1968: 38]. В тоже время внешние связи Херсонеса как, впрочем, и соседнего Боспора простирались далеко за пределы Причерноморья. Новые находки продолжают расширять нумизматическую карту контактов региональных центров, называя имена как хорошо знакомых партнёров из самых разных областей греческой ойкумены, так и совершенно новые, ранее не встречавшиеся, в том числе и в нумизматических памятниках [см., например: Абрамзон 2020: 21–29].

К категории достаточно редких артефактов относятся нумизматические находки, представляющие восточные области Средиземноморья.

Одним из таких регионов является ближневосточное побережье Средиземноморья, территория, входившая в состав одного из древних государств Сирийского царства Селевкидов IV–I вв. до н.э.

За всё время более чем двухвекового исследования Херсонеса среди известных по находкам на городище древнего города и его некрополе монет к чеканке сирийской Антиохии отнесено лишь три экземпляра (все монеты медные): одна из них времени селевкидского царя Александра Балы (150–145 гг. до н.э.) типа портрет царя — фигура обнажённого Аполлона [Babelon 1890: 106, nr. 829, pl. XVII, 16], ныне хранящаяся в собрании Государственного Эрмитажа (ГЭ, № 504); две других, неудовлетворительной сохранности, — провинциального чекана первых веков н.э., одна также хранится в Эрмитаже (ГЭ, № 1/1959) другая — в херсонесской нумизматической коллекции (ГИАМЗ ХТ, № Н-4761) [Гилевич 1968: 51, № 32.1–3].

Монета Александра Балы происходит из некрополя и применялась во вторичном использовании уже как подвеска [ОАК 1892: 106, могила № 120]. В этом случае сам факт находки в погребении, по мнению А. М. Гилевич, может свидетельствовать или «служить косвенным указанием» на происхождение погребённого из антиохийского региона [Гилевич 1968: 22].

Сегодня группу сирийских нумизматических находок можно дополнить ещё одной монетой, обнаруженной в окрестностях древнего городища Херсонеса (Рис. 1).

Частная коллекция (Севастополь).

Диаметр — 19×20 мм; соотношение осей — 12 час; вес — 5,96 г.

Аверс. Голова Медузы Горгоны с развевающимися волосами-змеями, вправо. Легенды нет.

Реверс. Фигура бодающего быка (опирается на правое колено, голова опущена вниз) влево; хвост колечком. Справа от крупа литера *кси* (Ξ). Сверху и снизу фигуры животного греческая надпись: ΒΑΣΙΛΕΩΣ | ΣΕΛΕΥΚΟΥ.

Сирийское царство. Селевк I Никатор (312–280).

АЕ 20. Чекан г. Антиохии (совр. Antakya, Турция). Выпуск 285–280 гг. до н.э.

Монета не несёт никаких следов вторичного использования и, скорее всего, в своё время имела непосредственное отношение к денежному обращению.

В широко известных каталогах монет селевкидских царей такой тип монет давно известен в двух вариантах реверса: с бодающим быком вправо [Gardner 1878: 6, 7, nr. 62–68, Pl. II, 14; Babelon 1890: 13, 14, nr. 86–95 pl. III, 8–11] с различными дифферентами и реже, как на нашей находке, влево [Gardner 1878: 7, nr. 69, 70] с единственным дифферентом обозначенным греческой литерой *кси* (Ξ). В Online Каталоге селевкидских монет не известно четыре аналогичных монеты: по две в собраниях Парижской Национальной библиотеки и Археологическом музее Вестфальского Университета Вильгельма (Мюнстер, Германия) [<https://numismatics.org/sco/id/sc.1.24?lang=en>].

Примечательно, что сюжет изображения на реверсе рассматриваемого экземпляра находит аналогии в монетных типах античного Херсонеса. К примеру, изображение бодающего быка влево мы находим на распространённых дихалках с именами пяти местных магистратов [Анохин 1977: 139, №№ 77–81, табл. V, 77–81; SNG 1993: pl. XXXI, 806–809]. Исследователи датируют эту серию по-разному: А. Н. Зограф временем около 300–250 гг. до н.э. [Зограф 1951: 243, табл. XXXV, 24–25] В. А. Анохин 300–290 гг. до н.э. [Анохин 1977: 139], а Е. Я. Туровский — 305–300 гг. до н.э. [Туровский, Горбатов 2013: 92, 93, №№ 100–105]. В то же время за-

падные нумизматы, как правило, датируют её достаточно широко концом IV–III в. [SNG 1993: pl. XXX,766–774; SNG 2000: pl. XXII,474–481]. В целом, рассматриваемый монетный тип стилистически достаточно близок и херсонесским дихалкам конца III в. до н.э. с именами Агасикла и Героеида [SNG 1993: pl. XXXI,806–809] с тем лишь отличием, что в Херсонесе портрет Девы заменяет изображение Горгоны и вес селевкидской монеты (5,96 г) несколько выше херсонесских (3,39–4,84).

В своё время В. А. Анохин отмечал, что изображение бодающего быка, «ставшее на несколько столетий одним из основных сюжетов монетной типологии Херсонеса, представляет собой почти точную копию позы быка на монетах Гераклеи, относимых к 415–364 г. до н.э.» [Анохин 1977: 19]. При этом известный советский нумизмат подчёркивал, что «резчик штемпелей этих монет ... работал под впечатлением гераклеийского типа или даже старался как можно более точно воспроизвести его» [Анохин 1977: 20]. Действительно близкое изображение быка присутствует на сериях серебра Гераклеи Понтийской датируемых временем около 400–340 гг. до н.э. [SNG 2000: pl. XXXVI,809–810] или широко — IV в. до н.э. [SNG IX: pl. LVIII,1573,1574,1579–1583]. В то же время тип бодающего быка хорошо известен и на других античных монетах: например, на серебре Западно-причерноморской Тире 350–300 гг. [SNG 1993: pl. XII,334–336; SNG 2000: pl. XVI,329–330] или Пелопоннесского Филиуса (AR и AE) 431–370–280 гг. [Gardner 1877: 33–35, nr. 1–7, 13–27, pl. VI,19–23, VII,1–3].

Появление в таврическом регионе новой восточно-среднеземноморской монеты с сюжетом вполне соответствующим типам местных монет, видимо, не только очевидное свидетельство существования контактов Херсонеса с селевкидской Сирией в эпоху эллинизма, но и, надо полагать, определённое доказательство того, что привозная монета могла являться предметом товарообмена на местном денежном рынке. Как представляется, близкая монетная типология лишнее тому подтверждение.

В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан, говоря об относительной редкости некоторых иногородних монет в Херсонесе, обращали внимание на то, что «внешняя торговля осуществлялась не только в денежной форме, но и форме товарного обмена» [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 6], приводя свидетельство

Ксенофонта о вынужденных обратных рейсах приезжих купцов в большинстве городов с местными товарами поскольку «монеты этих городов не имеют хождения за границей» [Ксенофонт 1933: 34, III.5–7].

Следует отметить, что экономические связи Юго-Западной Таврики с этим ближневосточным регионом прослеживаются и в археологическом материале. К примеру, в Херсонесе и его округе известны находки керамических изделий круга Eastern Sigillata A II в. до н.э. [Тюрин, Филиппенко, Жукова 2021: 280, 281]. К сирийскому импорту относятся также бокалы I–II вв. н.э. с рельефным орнаментом в виде бутонов лотоса и другие стеклянные изделия [Кадеев 2000: 145, прим. 48–50]. Анализ находок (в том числе и нумизматических) из новейших масштабных раскопок в Южном пригороде Херсонеса может существенно расширить этот список.

Таким образом, благодаря появлению рассматриваемой монеты сегодня с определённой уверенностью можно говорить, что так или иначе контакты крымского региона с Сирией прослеживаются уже с первой четверти III в. до н.э., т.е. когда на мировой арене появляется держава Селевкидов.

Библиография

АБРАМЗОН М. Г. Новые находки античных привозных монет IV–I вв. до н.э. на Тае манском полуострове // «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». VII Международнй нумизматический симпозиум (Судак, 21–25 сентября 2020 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Колорит. 2020. С. 21–29.

АНОХИН В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.— XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977.— 176 с.

ГИЛЕВИЧ А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Киев: Наукова думка, 1968. Вып. 3. С. 3–63.

ЗОГРАФ А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. Т. 16.— 264 с. L табл.

КАДЕЕВ В. И. Про торговлю Херсонеса з Середземномор'ям у I–IV ст. н.е. // История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000. С. 138–147.

КАДЕЕВ В. И., СОРОЧАН С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э.— V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.— 134 с.

Ксенофонт. О доходах (перевод Пригоровского) // Античный способ производства в источниках. Л.: ГАИМК, 1933. С. 32–39 (№ 38).

Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894. 174 с.

ТУРОВСКИЙ Е. Я., ГОРБАТОВ В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. — 156 с.

ТЮРИН М. И., ФИЛИППЕНКО А. А., ЖУКОВА П. А. Краснолаковое блюдо позднеэллинистического времени из укрепления Масляная гора // «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». V Международная научная конференция (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). Материалы конференции / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 279–282, 333, 334.

BABELON E. Les Rois de Syrie d'Arménie et de Commagène // Catalogue des monnaies Grecques de la Bibliothèque Nationale. Paris: Chez C. Rollin & Feuarent, 1890. — 268 p. XXXII pl.

GARDNER P. The Seleucid Kings of Syria // A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. London, 1878. Vol. IV. 126 p. XXVIII pl.

GARDNER P. Peloponnesus (Excluding Corinth) // A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. London, 1887. Vol. X. — 230 p. XXXVII pl.

Seleucid Coins Online [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://numismatics.org/sco/?lang=en> (дата обращения 20.03.2023)

Silloge Nummorum Graecorum (SNG). — London: British Museum, 1993. Vol. IX. Part 1: The Black Sea. — 128 p.

Silloge Nummorum Graecorum. — Oxford: Oxford University Press, 2000. Vol. XI. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. — 126 p.

Байбуртский А. М.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН В КРЫМ XIII–XIV вв. К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Bayburtsky A. M.

ABOUT THE MIGRATION OF ARMENIANS TO THE CRIMEA XIII–XIV CENTURIES. TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION AND ARCHAEOLOGICAL ASPECT

Заявленная тема доклада в контексте общей проблематики истории армян Таврики-Крыма в XIII–XIV вв. и более широко всего его населения в указанное время, в разных аспектах являлась предметом изучения многих авторов XIX–XXI вв. В их числе М. Бжишкянц [Բժշկեանց 1830], Г. Айвазовский [Айвазовский 1867], А. Л. Якобсон [Якобсон 1956: 166–169], Э. М. Корхмазян [Корхмазян 1978: 7–9], В. А. Микаелян [Микаелян 2004: 9–17], Т. Э. Саргсян [Саргсян 2013: 47–50], Л. С. Хачикян [Хачикян 2014: 27–44]. Таков не полный перечень исследователей, которые по данным исторических источников освещали в своих работах, как вопросы хронологии заселения армянами Крыма в средневековую эпоху, так и пути предшествующих этому миграций. При этом, несмотря на значительную изученность вопроса, к настоящему времени по нему отсутствуют комплексные исследования с обобщающими публикациями в полной мере учитывающие данные именно археологических источников в их современной интерпретации.

Наиболее ранние свидетельства появления армян в Крыму и Северном Причерноморье относятся к античному времени [Неверов 1981: 33–78; Виноградов, Кадеев 1984: 11–12; Микаелян 2004: 10; Макаров 2005: 239–248]. А. Л. Якобсон начало массовой армянской эмиграции в Крым связы-

вал с сельджукским вторжением в Армению в 1060-х гг. Учёный отмечал, что вряд ли она была длительной и значительной в отличие от миграций армянского населения на полуостров в XIII–XIV вв., вызванных монгольским завоеванием Армении в 1230–40-х гг. и последующим вторжениями на ее территорию персов, туркменских племен и Тимура [Якобсон 1956: 166–167].

Средневековая крымско-армянская традиция, основанная на устных преданиях и письменно зафиксированная только во второй половине XVII в., связывала заселение армянами полуострова с 1330/31/40 годом, когда они, вышедшие не ранее 1299 года из Аксарая/Сарай-Бату, следуя через Азак достигли Каффы и Сурхата/Солхата. В свою очередь армяне переселились в Нижнее Поволжье (вероятно и через Маджары) из разоренного монголами Ани (рис. 1) [Բժշկեանց 1830: 332, 338; Айвазовский 1867: 551–552; Хачикян 2014: 30–32, 36]. Вплоть до середины XX в. исследователями указанные сведения принимались априори, без критического осмысления. Л. С. Хачикян, подвергая эту информацию о «великом» переселении обоснованному сомнению, как в деталях исторически не достоверную, допускал, «что в эти годы на самом деле в городах Крыма обосновались многие армянские семьи, переселившиеся сюда от устья Волги» [Хачикян 2014: 33–36]. Пребывание армян в XIV в. в Сарай-Бату и Азаке хорошо документируется многочисленными письменными и археологическими свидетельствами [См., например: Волков 1995; 2009; Масловский 2018]. При этом самые ранние известные армянские рукописи и точно датированные лапидарные надписи, созданные в Каффе и Солхате, относятся к началу — середине XIV в. [Айбабина 2001: 62–63; Крамаровский 2022: 239; Саргсян 2013: 25–28]. В предшествующем XIII в. присутствие армян в Крыму отмечается только в Каффе и Сугдее по свидетельствам из генуэзских нотариальных актов и греческого рукописного синаксаря [Микаелян 2004: 28–29; Архимандрит Антонин 1863: 603, 609], и в Херсоне, по единичным армянским надписям [Март 1904], и нигде на полуострове по бесспорным археологическим данным.

В течение всего XIV в. переселение армян в Крым, по сведениям письменных источников, фиксируется и из Киликии и различных

областей Армении. Переселенцы в основной массе направлялись в пределы Юго-Восточного Крыма во владения Улуса Джучи и Латинской Газарии. Тот же Л. С. Хачикян, сообщая о путях проникновения армян на полуостров, перечисляет морские и сухопутные маршруты, связывающие их историческую родину с Крымом. Первым из них отмечен морской путь через порты южного и восточного побережья Черного моря, прежде всего — Трапезунда и Синопы (рис. 1) [Хачикян 2014: 54].

Э. М. Корхмазян основываясь на данных, полученных из памятных записей и колофонов армянских рукописей XIV в., пришла к заключению, что значительная часть армян переселялась в Крым из городов «Баберд, Ерзынк, Карин и др. и близлежащих к ним селениям», то есть из северо-западной Армении (рис. 1) [Корхмазян 1978: 8]. В этой связи она писала, что определяющими для крымско-армянских миниатюристов являлись традиции искусства книжной живописи Бардзр Айка (Высокой Армении). Миниатюры рукописей, «созданных в этом регионе в конце XIII в., имеют черты ставшие характерными и для ряда крымских иллюстрированных кодексов» [Корхмазян 2008: 10].

Схожий пример, но в области культовой архитектуры применим к группе храмов XIII–XIV вв. из Юго-Восточного Крыма (в монастыре Сурб Степанос в окрестностях Старого Крыма, Святой Параскевы, 12-ти Апостолов, на участке куртины XI в Судакской крепости и ее посаде, на мысе Ай-Фока у села Морское и других). Их отличительной конструктивной особенностью являются выступающие пятигранные центральные апсиды. По В. В. Майко подобная форма апсиды имеет происхождение из армянских храмов (XIII–XIV вв.) Трапезунда и его ближайших окрестностей. И именно эти «армяно-трапезундские традиции послужили основой и при сооружении одноапсидных храмов Восточного Крыма, возведенных также армянскими зодчими» [Майко 2018: 143].

В целом, материальное наследие крымских армян XIV–XV вв. обширно и многообразно, в археологическом плане оно включает культурные напластования и строительные остатки древних городов, селений, монастырей и могильников [См., например: Айбабина, Бочаров 1998]. Специально отметим, что этнокультурная атрибуция и выделение армянских

древностей из массива средневековых памятников Крыма связаны с присутствием в археологических комплексах самобытных и устойчивых «этнических маркеров» — объектов эпиграфики, архитектуры, иконографии, каменной резьбы и пластики, декоративно-прикладного искусства.

В новейшее время археологические памятники крымских армян XIV в., включающие ритуально-культовые и погребальные комплексы, изучались на территории средневековых городов Каффы и Солхата и их округов (рис. 1). Например, в Каффе (современная Феодосия) раскопки армянских древностей указанного времени проводились на Карантине, территории известной из средневековых армянских письменных источников под названием Айоц Берд (Армянская крепость) [Բժշկեանց 1830: 333]. Материалы раскопок храма Иоанна Предтечи в Каффе [Айбабина 1981], монастырей — в Двужорной долине [Бочаров 2019: 748], Сурб Хач и Сурб Степанос в округе Солхата [Байбуртский, Тимиргазин 2008: 32–43, 70, 75–76] в комплексе со строительными и посвятельными надписями обозначают время возведения названных обителей не ранее середины — второй половины XIV в.

Приведенные сведения хронологически соотносятся с датой (1330/1340 год) массового заселения армянами Крыма, указанной авторами XVII в. Как выше отмечалось, памятные записи армянских рукописей и эпиграфические находки в Крыму также подтверждают дату этого события не ранее первой трети XIV в. и очевидно растянувшегося на десятилетия.

Библиография

АЙБАБИНА Е. А. Плиты с рельефами из раскопок церкви Иоанна Предтечи в Феодосии // ВОН. Ереван, 1981. № 6. С. 86–92.

АЙБАБИНА Е. А., БОЧАРОВ С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы ВВ. № 57. 1998. С. 211–233.

АЙБАБИНА Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001.

АЙВАЗОВСКИЙ Г. Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 550–557.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН. Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V. С. 595–628.

БАЙБУРТСКИЙ А.М., ТИМИРГАЗИН А. Д. Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. Монастыри Сурб Хач и Сурб Степанос, поселения Эски-Юрт и Алан-Тепе 2. Симферополь, 2008.

БОЧАРОВ С. Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань, Кишинев, 2019. С. 741–770.

ВИНОГРАДОВ Ю.Г., КАДЕЕВ В. И. Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // II Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван, 1984. С. 12–13.

ВОЛКОВ И. В. Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур». Астрахань, 1995. Ч. 2. С. 24–27.

ВОЛКОВ И. В. Армяне // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009. С. 390–392.

КОРХМАЗЯН Э. М. Армянская миниатюра Крыма. Ереван, 1978.

КОРХМАЗЯН Э. М. Крымская армянская миниатюра. Симферополь, 2008.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Христианская община Солхата XIII–XIV веков: принципы формирования и векторы развития // Труды Государственного Эрмитажа. Т. CXIII. Византизм в контексте мировой культуры. СПб., 2022. С. 223–252.

МАЙКО В. В. Пятигранные апсиды христианских храмов Крыма // Археология античного и средневекового города. Севастополь — Калининград, 2018. С. 142–148.

МАКАРОВ И. А. Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 239–248.

МАРР Н. Я. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Известия ИАК. Т. 10. СПб., 1904. С. 106–108.

МАСЛОВСКИЙ А. Н. Армяне в золотоордынском Азаке // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции. Ростов на Дону, 2018. С. 136–139.

НЕВЕРОВ О. Я. Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя // ВОН. № 3. Ереван, 1981. С. 73–78.

САРГСЯН Т. Э. Свод армянских памятных записей 14–15 вв., относящихся к Крыму и сопредельным регионам. Симферополь, 2010.

ЯКОБСОН А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. Т. VIII. М., 1956. С. 166–191.

ԲԺՇԿԵԱՆՑ Մ: Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան եւ այլ կողմանս բնակեալս ի հայազանց, սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին, շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբբ: Վենետիկ, 1830:

Баранов А. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры
политологии и политического управления», Краснодар

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ КРЫМА В 1920-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЧК–ОГПУ)

Baranov A. V.

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PEOPLES OF THE CRIMEA IN THE 1920s (BY THE MATERIALS OF THE VCHK-OGPU)

Именно в 1921–1929 гг. определились нормы и практики национальной политики, до сих пор влияющие на взаимоотношения народов Крыма. Межнациональные отношения в Крыму в 1920-х гг. изучены фрагментарно и недостаточно, что зависит от состояния источниковой основы исследований. Важным историческим источником по теме являются документы ВЧК–ОГПУ, характеризующие общественное мнение и взаимоотношения народов.

Цель работы — определить состояние и тенденции развития межэтнических отношений в Крыму (1921–1929 гг.) по сведениям информационных сводок и обзоров ВЧК–ОГПУ.

Данный вид источников стал изучаться только в 1990-х гг. Можно выделить по информативности работы В. Г. Чеботарёвой [Чеботарёва 2006: 23–43], В. Н. Пащени [Пащенко 2008], Р. И. Хаяли [Хаяли 2017], Г. Н. Кондратюка [Кондратюк 2020: 85–93], В. С. Христофорова [Христофоров 2021: 154–165]. Опубликованы тематические сборники документов [Советская деревня... 1998: т. 1; 2000: т. 2; «Совершенно секретно» 2001–2017: в 10 т.].

Государственные информационные сводки составлялись ЧК Крымской АССР в соответствии с приказом ВЧК № 132 от 12 мая 1921 г., имели стандартную краткую форму. Полученные из различных регионов РСФСР

сводки обобщались Информационным отделом ВЧК в виде сводок и обзоров политического состояния республики. Позже стали составляться также специализированные сводки, на материалах Крыма представляют большой интерес документы Восточного отдела ОГПУ о политических настроениях мусульман и их активности.

Сводки КрымЧК за 1920–1923 гг. дают достаточно детальное представление о повстанческих выступлениях «бело-зелёных» в горном Крыму, вызванных политикой военного коммунизма, прежде всего — продразвёрсткой. Кроме антибольшевистских лозунгов, «бело-зелёные» выдвигали этнические требования, выделялись русские и крымскотатарские по составу банды. Так, 28 марта 1921 г. для уничтожения повстанцев в Алуштинском уезде выслан отряд красноармейцев из 210 чел. [Советская деревня... 1998: т. 1: 399]. В сводке от 28 декабря 1921 г. отмечено усиление голода (340 тыс. голодающих из 700 тыс. чел.), особенно — в Ялтинском округе и Карасубазарском районе [Советская деревня... 1998: т. 1: 559]. Значительные усилия по уничтожению банд предпринимались в мае 1922 г. вплоть до создания выездных сессий с правом вынесения смертных приговоров [Советская деревня... 1998: т. 1: 625].

Национальная политика РКП(б) в Крыму 1920-х гг. предполагала «коренизацию», т.е., обеспечение пропорционального представительства народов в органах управления, внедрение крымскотатарского языка в систему образования и делопроизводства, земельную реформу на основе уравнительного пользования угодьями.

Данный курс в основном благосклонно воспринимался крымскими татарами, но их протест вызывало ограничение религиозной активности и блокирование возврата в Крым татар-эмигрантов, на чём настаивала партия «Милли фирка» (в ней в прошлом состояли многие руководители Крымской АССР). «Обзор политико-экономического состояния СССР за апрель — май 1923 г.», составленный Информотделом ОГПУ, содержит оценку: «...деятельность националистов оживляется. В группировке миллифирковцев объединилось духовенство и учительство». Всекрымский съезд работников просвещения прошёл при участии этой организации, которая «стремится к освобождению учащихся татар от коммунистического влияния и к усиле-

нию влияния духовенства», действует посредством сельскохозяйственной кооперации «Ширпет» [«Совершенно секретно» 2001, т. 1, ч. 2: 276].

В январе 1923 г. органы власти Крымской АССР разрешили проведение съезда мусульман, на котором было избрано «Народное управление религиозными делами мусульман Крыма» (НУРДМК). Но этот орган выдвинул требования разрешить шариатский суд, обучение детей при мечетях, возвратить мусульманам конфискованные вакуфные участки. В итоге НУРДМК был распущен. Но уполномоченный по мусульманскому духовенству Восточного отдела ОГПУ Алексеев дал 4 июля 1924 г. заключение, признав полезным организовать Второй съезд мусульман Крыма, дабы закрепить раскол духовенства и победу его «прогрессивно-лояльной группы». Съезд в сентябре 1924 г. обеспечил лояльный властям состав муфтиев [Ислам 2010: 81–85].

В сравнении с Северным Кавказом конфессиональная политика в Крыму была умереннее, что диктовалось стремлением обеспечить союз с кемалистской Турцией. В том числе, осенью 1924 — летом 1928 гг. в Крыму были разрешены шариатские суды, религиозное образование молодёжи старше 14 лет, добровольные сборы закята. Но на основании директив ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК РСФСР в Крыму 20 июля 1928 г. запрещается преподавание ислама в медресе и мектебах, а к концу года НУРДМК был ликвидирован, началось закрытие религиозных общин.

Ключевым аспектом межэтнических отношений в Крыму был земельный вопрос. Уравнительный передел угодий до 1928 г. не проводился, сохранялись даже некоторые помещичьи хозяйства, активно применялась аренда земли и инвентаря. Это вело к усиленному имущественному расслоению и взаимным претензиям на землю и государственную финансовую помощь. Так, по подсчётам О. В. Волобуева, на 1928 г. посевы средних русских и украинских хозяйств в Крыму достигали 6,6 га, немецких — 12,8 га, а крымскотатарских — лишь 3,0 га. За годы Гражданской войны и НЭПа выросло землепользование всех народов полуострова, кроме немцев (их владения конфисковались с 1915 г.); наибольший прирост наделов (на 90%) проявлялся у степной части крымских татар [Волобуев 1999: 92; Чеботарёва 2006: 25–26].

Противоречия на земельной почве тщательно описывались в сводках ОГПУ. Так, в госинфсводке № 20/45 (574) от 23 февраля 1923 г. отмечены случаи самовольного захвата крестьянами земель совхозов [Советская деревня... 2000: т. 2: 73]. В обзоре ОГПУ за июль, август и первую половину сентября 1923 г. указано: «необходимо отметить усиление национальной вражды между русскими крестьянами и коренным населением... Обострению вражды способствует как рост националистических тенденций у местного кулачества, так и неработоспособность местных органов власти, особенно земельных органов» [Советская деревня... 2000, т. 2: 141]. В 1924–1926 гг. отмечался срыв землеустроительных работ зажиточными крестьянами, а также самовольный захват земли. Ф. Э. Дзержинский подал в июне 1924 г. докладную записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой откровенно указывал на систематические недороды урожая в Крыму как причину «весьма сильного озлобления крестьян — русских, немцев, болгар», что привело к деятельности монархической подпольной организации, якобы связанной с русской эмиграцией [Советская деревня... 2000, т. 2: 203, 236–237]. В докладной записке Информационного отдела ОГПУ об антисоветских проявлениях в деревне (март 1928 г.) указано на рост призывов создать Крестьянский союз в Крыму с 4 случаев в 1925 г. до 65 в 1927 г. [Советская деревня... 2000, т. 2: 631].

Ситуация осложнялась разногласиями в руководстве Крымской АССР, соперничеством между «правой» группировкой во главе с председателем ЦИК Советов В. И. Ибраимовым и председателем Совнаркома О. Г. Дерен-Айерлы, а также «левыми» во главе с секретарём Крымского обкома ВКП(б) С. Д. Петропавловским. ЦИК и СНК Крымской АССР проводили курс на преимущественное предоставление наделов жителям южноземельных и предгорных местностей — крымским татарам, стремясь приостановить переселение в Крым из других регионов; предполагалась репатриация крымских татар из Турции, Румынии и Болгарии. Одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) план Комитета по землеустройству евреев-трудящихся по переселению в Крым реализовался крайне неохотно. «Обзор политического состояния СССР за апрель 1927 г.» содержит негативные оценки межэтнических отношений в связи с миграцией [«Со-

вершенно секретно» 2003, т. 5: 330]. Весной 1928 г. в Джанкойском уезде произошло нападение на переселенцев, что отмечено в обзоре политического состояния СССР за апрель 1928 г. [«Совершенно секретно» 2004, т. 6: 172]. Руководители ЦИК и СНК Крымской АССР сняты с должностей, что ускорило проведение уравнительного землеустройства и создание национальных районов, сельсоветов в Крыму. Решения Политбюро ЦК ВКП(б) по крымскому вопросу стали частью поворота к форсированной коллективизации и централизованному контролю над ситуацией в полиэтнических регионах СССР.

Итак, информационные сводки и обзоры ВЧК — ОГПУ являются ценным источником по истории межэтнических отношений в Крыму 1920-х гг. Они позволяют (с учётом перепроверки по иным источникам) оценить развитие земельных отношений, представленность этнических групп в республиканских и местных органах управления, общественные отношения и политическую деятельность.

Библиография

ВОЛОБУЕВ О. В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX в. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 89–99.

ИСЛАМ и советское государство (1917–1936). Сборник документов / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2010. Вып. 2.

КОНДРАТЮК Г. Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань, 2020. № 1. С. 85–93.

ПАЩЕНЯ В. Н. Строительство Крымской АССР в 1920–30-х гг. Симферополь, 2008.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2001–2017.

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: Документы и материалы в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М., 1998. Т. 1; 2000. Т. 2.

ХАЯЛИ Р. И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818>

ХРИСТОФОРОВ В. С. Муфтий Крыма Хаджи Мусляхиддин о Мекканском конгрессе 1926 г. (по материалам журнала «Асрий мусульманлык») // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2021. № 4. С. 154–165.

ЧЕБОТАРЁВА В. Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

Белоруссова Т. Е.

Институт Всеобщей истории РАН, Москва

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ СИНТЕЗ В КУЛЬТУРЕ ПЕЛОПОННЕСА (XIII–XIV вв.)*

Belorussova T. E.

GRECO-LATIN SYNTHESIS IN PELOPONNESE CULTURE (13TH – 14TH CENTURIES)

Завоевание Греции крестоносцами в начале XIII в. изменило ее облик и привнесло в византийскую культуру некоторые западноевропейские черты. С первых лет сосуществования ромеев, франков и венецианцев на Пелопоннесе между ними установились довольно тесные контакты. Завоеватели, в свою очередь, также восприняли многое от своих греческих соседей. В докладе будет рассмотрен синтез греко-латинских традиций в архитектуре, изобразительном искусстве и литературе позднесредневекового Пелопоннеса.

Уже в XIII в. на полуострове наблюдалось смешение византийских и западных строительных практик. Строения, возведенные по заказу феодальной знати Ахейского княжества, заимствовали черты местной византийской архитектуры [Sanders 2015: 588]. В синтезе архитектурных традиций выразилось стремление ахейских князей достичь, насколько это было возможно, гармоничного сосуществования с местным населением. Не исключено, что данному стремлению, проявившемуся в правление князя Гийома II (1246–1278), спояствовало греческое происхождение его третьей супруги. Княгиня Агнес де Виллардуэн сама финансировала строительство монастыря св. Марины близ Андравида, о чем сообщает краткая запись конца XIII в. на рукописи X в. (Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. ГИМ, № 81) [Фонкич 1981: 12–13], которая гласит: «Я,

* Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

Анна, княгиня Ахайи, посвящая сию книгу монастырю Христовой мученицы Марины во спасение моей души» [Gerstel, Kappas 2018: 191]. Примечательно, что в рукописи фигурирует ее греческое имя, хотя при замужестве она приняла латинское.

Решающим фактором в развитии архитектурного стиля княжества стало растущее число местных мастеров и строителей, отчасти перенимавших методы и стиль латинян. Результат совместной работы франкских каменщиков и местных греческих строителей заметен в базилике св. Николая в Исове, где высококачественная готическая скульптура сочетается с каменной кладкой в византийском стиле. Эти элементы впоследствии проявились и в других православных храмах княжества, что иллюстрирует особенности греко-латинского культурного диалога [Athansoulis 2009: 143–144, 151]. Архитектурный облик полуострова, сформировавшийся в ходе XIII в., отражает культурный синтез, происходивший в смешанном обществе Пелопоннеса.

Всего на Пелопоннесе известно десять византийских церквей, возведенных во франкский период под заметным западным влиянием. Из них необходимо отметить церкви Панагии в Мербаке, Влахернский монастырь в Элиде, церковь св. Георгия в Андрусе, церкви св. Георгия и св. Праскевы в Гераки [Page 2008: 232, 234]. Последние две располагались на территории баронства семьи Нивеле. И хотя внутренняя роспись этих церквей относится к началу XIV в. — времени, когда Гераки вернулся под власть византийцев, в украшении обеих церквей применен западный стиль каменной резьбы, не свойственный византийским церквям других регионов [Gerstel, Kappas 2018: 184].

Примеры изобразительного искусства того периода немногочисленны, однако сохранившиеся образцы также демонстрируют смешение византийских и латинских традиций. В церкви св. Франциска в Кларенце над гробницей № 1 частично сохранилась настенная роспись с изображением всадника — святого воина с надписью на латыни, но выполненной в византийском стиле. Фигура рядом с ним, изображенная в западной одежде, вероятно, представляла покойного. Могила была расположена в толще стены и, по-видимому, современна постройке церкви, что позволяет

предположить, что она могла принадлежать знатному франку — покровителю храма [Athansoulis 2009: 124–125]. В целом, синтез традиций в изобразительном искусстве наблюдался на всех захваченных латинянами территориях Византии. В качестве яркого примера смешанного латино-византийского искусства можно привести икону с изображением св. Георгия XIII в. из Кастории, выполненной в византийской традиции, но с вкраплениями западных элементов в изображении воинского доспеха святого [Илл. 1]. Эти образцы культурного смешения были обусловлены рефлексией населения над столкновением с представителями иной культуры и их совместном проживании на когда-то византийских территориях. Судя по всему, латиняне не воспринимались местным населением исключительно в негативном свете, как завоеватели и угнетатели — иначе западная атрибутика не появилась в изображении почитаемых греками святых.

Уже в конце XIII в. греки финансировали возведение новых церквей в лаотинской части Пелопоннеса. Наиболее ярким примером такого строительства является церковь Панагии в Гастуни, в которой под влиянием западной традиции появились готические архитектурные детали. Согласно датированной греческой надписи, церковь была возведена в 1278–1279 гг. по заказу братьев Каллигопулов, представителей греческой знати, интегрированных в феодальную систему [Athansoulis 2009: 145]. Возведение православной церкви вблизи франкской столицы по инициативе греческой знати и с заимствованием, пусть и немногочисленных, готических архитектурных элементов говорит о том, что как минимум часть греков не просто приняла франкское владичество, но и адаптировалась к нему. Но греки не утратили собственной культурной идентичности, некоторые черты которой переняли и завоеватели, очутившиеся в принципиально новой для себя среде.

Помимо обоюдных заимствований с области архитектуры и искусства часть знатных греков переняла обычаи и вкусы франкской знати. Подтверждением этому служит, в первую очередь, существование двух греческих версий «Морейской хроники», которая является ярким образцом смешанной письменной культуры Пелопоннеса. Тот факт, что хроника сохранилась в восьми рукописях на четырех разных языках, сам по себе

является свидетельством этнокультурного смешения в позднесредневековой Эгеиде [Page 2008: 178]. Греческая версия хроники рисует (хоть и несколько гиперболизировано) готовность двух этно-религиозных групп к мирному сосуществованию. Согласно хронисту, завоеватели и побежденные постепенно осознавали свой статус не только как греков и латинян, православных и католиков, но и как народа Мореи. Иными словами, текст описывает смешанное общество, члены которого, будь то завоеватели или завоеванные, были связаны друг с другом патриотическими чувствами к своему общему месту проживания. В то же время хроника неоднократно противопоставляет латинян и греков друг другу, а также отделяет греков княжества от прочих (эпирских, никейских или константинопольских) [The Chronicle of Morea 1904: 188. 2823; 260. 3923; 362. 5569; 320. 4850; 428. 6595; Chronique de Morée 1911: 329. 830]. Примечательно также, что фрагмент хроники с предостережением о вероломстве греков после предательства при Пелагонии (1259) отсутствует в греческой рукописи «Р» (BNF, gr. 2898), наверняка предназначенной для греческих читателей [Lurier 1964: 187. № 6.]. «Морейская хроника», составленная в XIV в., таким образом, отразила столкновение и синтез двух культур. Являясь продуктом культуры смешанного общества, она содержит противоречивые, но очень ценные сведения о характере социокультурного взаимодействия между завоевателями и завоеванными, в котором наблюдались как готовность к сотрудничеству и компромиссам, так и обоюдное отторжение.

Активный культурный обмен привел к зарождению идеи о культурной общности ромеев и латинян. Перемены в оценке уровня развития западной мысли, как и растущий на Западе интерес к Античности, создавали благоприятную почву для сближения двух культур [Куш 2013: 379]. Возможно, отчасти подобные соображения, помимо политических мотивов и культурного подъема Запада к этому времени, были связаны и с активными греко-латинскими коммуникациями в Восточном Средиземноморье, принимавшими отнюдь не всегда конфликтные формы. И хотя трудно говорить о единой форме смешанной греко-латинской культуры, сложившейся на Пелопоннесе в ходе рассматриваемого периода, общий культурный облик

Мореи впитал в себя как византийские, так и латинские черты. Безусловно, и языковая преемственность способствовала культурному сближению латинян с греками Пелопоннеса, ведь именно через вербальную коммуникацию проводился наиболее активный информационный обмен.

Библиография

КУЩ Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии Екатеринбург, 2013.

ФОНКИЧ Б. Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // Памятники культуры: новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. СПб., 1981. С. 11–27.

ATHANSOULIS D. The Triangle of Power Building Projects in the Metropolitan Area of the Crusader Principality of the Morea // Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese / ed. Sh. E. Gerstel. Washington, D.C., 2009. P. 111–151.

Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête de la Princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon. Paris, 1911.

Crusaders as Conquerors: The Chronicle of Morea / ed. H. Lurier. New York, 1964.

GERSTEL Sh., KAPPAS M. Between East and West: Locating Monumental Painting from the Peloponnese // Cross-Cultural Interaction Between Byzantium and West, 1204–1669. Whose Mediterranean Is It Anyway? / ed. A. Lymberopoulou. London; New-York, 2018. P. 175–202.

PAGE G. Being Byzantine. Greek Identity Before the Ottomans Cambridge, 2008.

SANDERS G. D. R. William of Moerbeke's Church at Merbaka: The Use of Ancient Spolia to Make Personal and Political Statements // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 2015. Vol. 84. № 3. P. 583–626.

The Chronicle of Morea, Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century / ed. J. Schmitt. London, 1904.

Болт В. С.

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

О ВЫПЛАТАХ ГРАФОМ М.С. ВОРОНЦОВЫМ ОФИЦЕРСКИХ ДОЛГОВ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ФРАНЦИИ 1815–1818 гг.: ИСТОРИЯ ПРОДАЖИ ИМЕНИЯ «КРУГЛОЕ»*

Bolt V. S.

ABOUT PAYMENTS BY COUNT M.S. VORONTSOV OF OFFICER DEBTS DURING THE OCCUPATION OF FRANCE 1815–1818: THE HISTORY OF THE SALE OF THE ESTATE «ROUND»

Фигура М. С. Воронцова, как и многих российских полководцев, окружена немалым количеством мифов. Часть из них уже рассеяна стараниями историков, но часть — продолжает кочевать из книги в книгу. Рассказ о том, как молодой командир русского оккупационного корпуса во Франции 1815–1818 гг. в момент ухода своих войск на родину оплатил долги подчиненных ему офицеров, в полной мере легендой назвать было бы не справедливо. Однако, судя по дошедшим до нас источникам, есть в этой истории и немало вымысла.

За трехлетний период пребывания во Франции русские офицеры действительно наделали долгов. Ф. Ф. Вигель, например, в своих воспоминаниях о путешествии по занятой русскими войсками территории писал: «Находящиеся тут русские имели право жить постоем; но у них было много денег, и они предпочитали жить шире и показывать себя щедрыми, чего в соседстве не делали ни англичане, ни прусаки» [Вигель 1892: 139]. В июле 1817 г. супрефект округа Авен (зона размещения русских воен-

* Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи»

ных) написал мэрам коммун о том, что Воронцов с нескрываемым осуждением сообщает о многочисленных жалобах местных жителей на русских офицеров, которые наделали больших долгов перед отъездом в Россию при сокращении оккупационного контингента [Les Archives départementales du Nord]. Точной суммы этих долгов мне в источниках обнаружить не удалось, хотя биографы Воронцова — О. Ю. Захарова и В. А. Удовик — в своих работах приводят без ссылок на конкретные документы цифру в 1,5 млн рублей [Захарова 2001: 156; Удовик 2004: 109]. Из жалованья офицеров, согласно регламенту, на уплату долгов удерживалась треть суммы, но в таком случае пришлось бы ждать достаточно долго полного погашения задолженности.

Исследователи биографии графа нередко упоминают о его решении выплатить эти долги из личных средств, продав имение Круглое Могилевской губернии, доставшееся ему от бездетной тетки Е. Р. Дашковой [Будко, Селиванов 2004: 64; Удовик 2004: 110; Breuillard 2007: 312]. Источником этих сведений, вероятнее всего, стала опубликованная в журнале «Русский архив» за 1911 г. анонимная заметка с заглавием «Из Записной Книжки “Русского Архива”». Автор ее от первого лица рассказывает в нескольких словах о своих отношениях с С. М. Воронцовым (сыном М. С. Воронцова), что должно свидетельствовать о его близости к семье графа, и в конце заметки сообщает, что офицеры за время оккупации наделали столько долгов, что Воронцов вынужден был для их уплаты продать то самое Могилевское имение [Из записной книжки «Русского Архива»: 320].

Между тем в фонде семьи Воронцовых ОПИ ГИМ сохранилось дело № 1574 под заголовком «Бумаги о продаже господину Добржанскому Круглянского имения и о взыскании с него по заемным письмам 200 000 р., предоплаченных за оное имение. Начато в 1820 г.». Помимо расчетных документов в деле сохранился и договор о купле-продаже имения между М. С. Воронцовым и Д. Н. Добржанским, датированный 16 апреля 1820 г. [ОПИ ГИМ: л. 8–16] Стоимость имения определялась в 610 тыс. рублей ассигнациями. Таким образом продал имение Воронцов через 1,5 года после ухода корпуса из Франции и за сумму гораздо меньшую, нежели упомянул В. А. Удовик.

Еще одно мнение об этой истории высказала другой российский исследователь биографии графа — С. В. Самойлова. В своей кандидатской диссертации она со ссылкой на письма близкого к семье Воронцовых Никанора Лонгинова писала о недовольстве Воронцова тем, что в период оккупации ему не платили «столовых денег», а из корпусной казны он брать их отказывался сам. При этом жил граф в Мобёже на достаточно широкую ногу, в частности для того, чтобы «поддерживать честь мундира». В итоге из Франции Воронцов уехал с огромными долгами, которые и покрывал в дальнейшем за счет приданного новоиспеченной супруги и продажи Круглянского имения [Самойлова 1999: 209]. С другой стороны, она же несколько ранее упоминает о том, что еще в 1814 г., после ухода из Франции российской армии, Воронцов оплачивал долги своих солдат и офицеров [Самойлова 1999: 125], не приводя, однако, никаких источников в подтверждение собственных слов.

Таким образом, изложенная в «Русском Архиве» и ставшая весьма популярной среди российской читательской аудитории история о том, как М. С. Воронцов в 1818 г. выплатил из личных средств французам долги за русских офицеров, подтверждения в источниках не находит.

Библиография

БУДКО А. А., СЕЛИВАНОВ Е. Ф. Генерал-фельдмаршал М. С. Воронцов — один из «энергичнейших и культурнейших администраторов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 63–65.

ВИГЕЛЬ Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Ч. 5–7.

ЗАХАРОВА О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

Из записной книжки «Руссаго Архива» // Русский Архив. М., 1911. Т. 2.

ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 2. Д. 1574.

САМОЙЛОВА С. В. Граф М. С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: дис... кандидата исторических наук. М., 1999.

УДОВИК В. А. Воронцов. М., 2004.

Les Archives départementales du Nord. Série 8R Affaires militaires, organismes de temps de guerre. D. 12.

BREUILLARD J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817–1818) // Slavica Occitania. Toulouse, 2007. T. 24. P. 307–342.

Бочаров С. Г.

Севастопольский государственный университет,

Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению
Византийского Причерноморья, кафедра Всеобщей истории
и мировой культуры, Севастополь

СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА ГЕНУЭЗСКОГО ГОРОДА ЧЕМБАЛО В XIV–XV вв.*

Bocharov S.

RURAL NEIGHBORHOOD OF THE GENOESAN TOWN CEMBALO IN THE XIV–XV CENTURIES

Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII–XV вв. является одной из приоритетных тем разрабатываемой в Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета. Своим докладом я бы хотел привлечь внимание коллег к вопросам исследований сельских округ крымских средневековых городов [Бочаров 2005; Бочаров 2011; Бочаров 2019; Бочаров, Яворская 2022]. И сделать это на примере территории, прилегающей к городу Чембало находившегося под властью Генуэзской республики в XIV–XV вв.

Границы сельской округи Чембало, в том или ином виде, неоднократно привлекали внимание исследователей [Бертье-Делагард 1920; Мыщ 2009; Неделькин 2013; 2016; Бочаров 2017; Bocharov 2021; Шик 2019; Таран 2022]. Предложены три версии размера территории, составлявшей сельскую округу города. А. Л. Бертье-Делагард — относит к ней селения Карань, Камары, Варнаутка, Мускомья и точно не указанную «часть Байдарской долины». Границу между генуэзскими владениями на Южном берегу Крыма и консульством Чембальским автор проводит по «отрогу главной

* Исследование проведено в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья», соглашение № 075-15-2022-1130.

гряды гор, кончающемуся мысами Сарыч и Форос» [Бертье-Делагард 1920: 19]. В. Л. Мыц указывает — Чембальское консульство занимало значительную территорию. На юге он отмечает границу по горной гряде Чабан-Таш разделяющей Ласпинскую долину и мыс Форос. На севере по реке Чёрной, территории на левом берегу принадлежали генуэзцам, а на правом — феодоритам. При этом к селениям указанным А. Л. Бертье-Делагардом он добавляет Байдары, Биюк-Мускамью и Кайту. При этом Херсонес автор причисляет к владениям княжества Феодоро. Всего в сельской округе города В. Л. Мыц размещает девять селений. Здесь необходимо выделить мнение исследователя, что в границах консульства на протяжении его почти полуторавекового существования могли происходить изменения [Мыц, 2009: 149–150]. Теме выявления границ Чембальского консульства посвящена статья Е. В. Неделькина. К традиционной аргументации предшественников автор добавил предложенный ранее тезис В. П. Кирилко и В. Л. Мыца о маркировании пределов княжества Феодоро пограничными замками [Кирилко, Мыц, 1991: 147] и активно развивает его, отнеся укрепления Загайтанское, Чоргуньское, Сарджик, Камара, Кала-Фатлар, Карань, Чоргуньскую башню и Херсонес к владениям феодоритов. Автор сузил границы консульства только до территории «довольно обширной» Балаклавской долины с одним селением Кадыкой [Неделькин, 2013, рис. 4]. В следующей статье были приведены те же границы изучаемой территории [Неделькин, 2016, рис. 2]. Н. В. Шик не высказав своего четкого мнения о территории занимаемой сельской округой Чембало, считает что пограничье между генуэзскими владениями и княжеством Феодоро имело рукотворные межевые границы «намеренно устроенных в условленном месте», не как не связанные с особенностями рельефа. Граница обустроивалась менгирами — пограничными камнями и низкими каменными стенами [Шик 2019: 64–65]. Вслед за Е. В. Неделькиным автор видит одну из границ сельской округи Чембало прямо в Балаклавской долине в районе с. Камара (совр. Оборонное) относя селение к владениям княжества Феодоро [Шик 2019: 65]. Оригинальная пограничная теория Н. В. Шика была поддержана В. С. Таран, тем не менее авторский взгляд на территорию, занимаемую сельской округой Чембало студенткой высказан не был [Таран 2022: 39].

По мнению автора настоящего доклада сельская округа города занимала территорию, протянувшуюся на 30 км с северо-запада на юго-восток от Севастольской бухты до мыса Сарыч и вглубь полуострова на 12–16 км от морского берега [Бочаров 2017: 210–212]. На момент присоединения в 40–50-е гг. XIV в. границы сельской округа Чембало (рис. 1) в современной географической номенклатуре можно представить таким образом: вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Чернореченская долина по левобережью реки, левобережье каньона реки Чёрная, часть Байдарской долины юго-западенне реки (или вся Байдарская долина целиком), Байдарская яйла и скалы Чабан-Таш.

Во второй четверти XV в. после генуэзско-феодоритской войны 1433–1434 гг. границы были изменены (рис. 2). После захвата Чембало в феврале 1433 г. князем Алексем вся территория консульства переходит под контроль Феодоро более чем на год. Генуэзцы возвращают себе эти территории благодаря военной экспедиции под руководством Карло Ломеллини в 1434 году. Тогда же ими был захвачен город Каламита — главный феодоритский форпост в Юго-Западном Крыму и единственный морской порт княжества. Генуэзцы на ранее принадлежавшем феодоритском правом берегу реки Чёрной строят передовую Чергуньскую башню. В 1441 г. Каламита вместе с Херсонесом и территорией Гераклейского полуострова были переданы коммуной Каффы княжеству Феодоро [Boscharov 2021:354]. После этих событий территория генуэзского Чембальского консульства не изменялась до 1475 г. — времени его захвата османскими войсками.

Библиография

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия таврической ученой архивной комиссии. 1920. Вып. 57. С. 1–136.

БОЧАРОВ С. Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV. Консульство Солдайское // Античная древность и средние века. Екатеринбург. 2005. Вып. 36. С. 282–294

БОЧАРОВ С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве». Казань, Астрахань. 2011. С. 137–145.

БОЧАРОВ С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская Археология. 2017. № 2. С. 204–223. doi:10.24852/ra2017.2.20.204.223

БОЧАРОВ С. Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019. С. 741–770.

БОЧАРОВ С. Г., ЯВОРСКАЯ Л. В. Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 228–235 doi.org/10.24852/2587–6112.2022.4.228.235

НЕДЕЛЬКИН Е. В. 2013. К вопросу о границе княжества Феодоро и владений Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике / Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Отв. ред. М. М. Чёреф Севастополь, Тюмень: ТюмГУ, 2013. С. 53–81.

НЕДЕЛЬКИН Е. В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // Причерноморье. История, политика, культура. 2016. Вып. XIX (VI). Сер. А. С. 81–106,

МЫЦ В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум. 2009, 527 с.

КИРИЛКО В. П., МЫЦ В. Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. Отв. ред. П. П. Толчко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 147–171.

ТАРАН В. С. Межевые границы княжества Феодоро и консульства Чембало // «Потемкинские чтения». Сборник материалов VI Международной научной конференции (Севастополь, 17–19 ноября 2022 г.). Севастополь: СевГУ, 2022. С. 38–40 doi.org/10.5281-zenodo.7275828

ШИК Н. В. О межевых границах Чембальского консульства и Феодоро в Юго-Восточной части Байдарской долины // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура. Сборник материалов XVII Международной научной конференции (Севастополь, 02–04 октября 2019 г.). Севастополь: СевГУ, 2019. С. 64–66.

BOCHAROV S. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th — 18th centuries. Ed. by L. Bacumenco-Pirnaeu. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros, 2021 (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitates et Madii Aevi. Vol. XXIV), 433 p.

Быстрицкий Н. И.

Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета,
Севастополь

Институт востоковедения РАН, Москва

Гришин Е. С.

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Крутов Д. А.

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАРТ КРЫМА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Bystritskiy N. I.

Grishin E. S.

Krutov D. A.

METHODOLOGICAL ISSUES OF COMPILING ECONOMIC MAPS OF CRIMEA AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE

Важным направлением историко-пространственных исследований считается тематическое картографирование, которое зачастую сопряжено с рядом сложностей, связанных с недостаточной проработкой методических вопросов построения тематических карт. Практика составления комплексного тематического атласа по истории Крыма в составе Российской империи [Быстрицкий, Гришин 2021] дает нам возможность системно подойти к решению методологических вопросов и поиску эффективных семантических форм информационного наполнения исторических карт.

Экономические карты относятся к ключевым компонентам комплексного регионального картографирования. В свою очередь историко-

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

экономическая карта является наиболее ёмкой пространственной моделью, которая характеризует различные аспекты состояния региона — ресурсы, хозяйственное освоение, производство, торговлю, экономические связи с соседними территориями и многие другие. При этом экономическое картографирование не является дискретной задачей составления тематических карт, а замыкает на себе многие другие направления, интегрирует их в единый результат.

В рамках подготовки комплексного регионального атласа Крыма предусмотрен особый раздел по экономическим картам. В его состав входят: карта природных ресурсов; карта внутренней торговли; карта внешних экономических связей; карта производства; отраслевые карты сельского хозяйства; карты водных ресурсов; карты функционального значения населенных пунктов в связи с их экономическим развитием; карты процессов, влияющих на экономическое состояние региона; комплексные экономические карты по отдельным периодам.

К источникам историко-экономического картографирования Крыма относятся отчеты губернаторов, статистические сборники, военно-топографические описания полуострова, картографические источники и другие. Многообразие исходных данных ожидаемо приводит к их разнородности, что затрудняет сопоставление и картографирование по общим методическим правилам. Особенно это касается разновременных данных, которые имеют свою уникальную структуру и не могут быть унифицированы с другими сведениями. Так, данные по «Камеральному описанию Крыма», сведения из доклада губернатора С. С. Жегулина, отчетов П. С. Палласа и других путешественников, очевидно, не могут быть совмещены и нанесены на карту по единой методике. Для каждого значимого источника приходится подбирать отдельные приемы картографирования. Вместе с тем, на комбинированных картах экономического содержания следует отражать всю совокупность данных различных источников во всей полноте.

Видимые сложности методологического характера заключаются в отсутствии готовой методики историко-экономического картографирования. Эта проблема не может быть решена путем механического переноса приемов по составлению современных экономических карт на ретроспективные,

так как последние имеют другой набор задач и исходных данных. Кроме того, в историко-экономическом картографировании важно проследить динамику изменения экономических параметров региона.

Экономическое картографирование осуществляется посредством отражения характеристик и показателей опорных пунктов. Применительно к Крыму к таковым относятся: населенные пункты всех уровней; рыболовные заводы; каменоломни; соляные озера, станции почтовых и железных дорог. По материалам источников к опорным объектам добавляются атрибутивные таблицы, которые служат основой для построения картографических материалов. В этой связи наблюдаются проблемы с подробной характеристикой площадных объектов, которые, как правило, приурочены к административным единицам. Ввиду того, что многие статистические данные даются именно на уровне уездов, которых было всего пять после образования Ялтинского в 1838 г., картографируемые показатели районов агрегируются для большей территории, без дифференциации и учета особенностей развития. Устранение этой проблемы заключается в активном использовании точечных опорных объектов и выделении экономических районов, не ассоциированных с административным делением.

Региональная специфика Крыма сказывается при картографировании использования природных ресурсов. Деятельность по добыче известняка, яшмы, мрамора, гранита хорошо описана в источниках. Однако помимо твердых минеральных руд важное место в экономике Крыма занимало освоение соленых озер. Картографирование таких производств потребовало дополнительной проработки их характеристик, например, объемов добычи соли и направлений её транспортировки. Наряду с этим, фактор ограниченности водных ресурсов определил дифференциацию отдельных территорий по наличию пресных вод и благоприятных условий для их извлечения и использования. Так, при картографировании учитывалось, что значительная часть Перекопского и Евпаторийского уездов были плохо обеспечены источниками поверхностных пресных вод, а доступ к подземным водам требовал сооружения многочисленных артезианских колодцев. Таким образом, вопросы обеспеченности населения водными ресурсами потребовали особой проработки и составления отдельных

карт, что заметно отличило методику картографирования Крыма и других территорий Российской империи.

Удалось выявить специфику Крымского региона и при построении карт внутренней торговли. В отличие от материковых уездов Таврической губернии ярмарки в Крыму не получили широкого распространения: в течение XIX в. их число составило от 2 до 5. Между тем, система внутренней торговли опиралась на базары и постоянную пространственную активность населения. Тем самым усиливалось значение путей сообщений, связанности пространства.

Помимо чисто количественных показателей при комплексном экономическом картографировании следует учитывать общий исторический контекст и различные процессы позитивного и негативного воздействия. К последним относятся массовые миграции населения, в том числе принудительного характера; военные действия, гражданские столкновения; эпидемии; пожары; природные бедствия. По большей части проявления подобных процессов так или иначе получают отражение в источниках. Так, в материалах Ф. Лашкова [Лашков 1890] приводятся сведения о переселении жителей прибрежной зоны южного Крыма вглубь полуострова в начале русской-турецкой войны 1787–1792 гг. Несмотря на то, что это переселение в основном имело временный характер, оно заметно отразилось на хозяйственно-экономическом положении затронутых населенных пунктов. Заметные сдвиги в экономическом развитии Крыма наблюдаются после 1860-х гг., когда произошёл массовый уход татарского населения после Крымской войны. В результате многие сотни деревень вовсе оказались без жителей; вместе с тем отдельные территории стали осваиваться переселенцами из других регионов со своим подходом к ведению хозяйства. Тем самым мы наблюдаем совмещение этнических процессов с экономическими.

Экологические вопросы часто напрямую связаны с экономической деятельностью и поэтому также становятся тематикой экономического картографирования. Как известно, вырубка лесов и эрозионные процессы наносили заметный вред хозяйственной деятельности в горной части полуострова. Вызванные этим, оползни и селевые потоки отражаются как факторы, причинявшие вред развитию виноградарства. Характерными

именно для Крыма явлениями были распространение филлоксеры и борьба с ней, что явилось тематикой отдельных карт.

При оценке экономического развития городов и прилегающих территорий представляется неверным ограничиваться рассмотрением только лишь материально-производственных ресурсов. Драйверами роста многих населенных пунктов являлись их особые функции, либо преимущества, получаемые через реализацию таких функций. Так, развитие отдельных населенных пунктов обуславливается открытием курортно-лечебных центров (Саки); города и селения Южного берега превращаются в туристическую зону; со строительством железных дорог Джанкой становится узловой станцией и по своему значению начинает конкурировать с уездным центром.

Таким образом, историко-экономические карты являются своеобразной квинтэссенцией комплексного исторического картографирования, аккумулируя в себе материалы карт других тематик. Практика показывает, что для их составления необходим творческий синтез: как использование универсальных требований к экономическим картам, так и учет специфики развития картографируемого региона.

Научная ценность создания цифрового атласа по истории Крыма заключается в накоплении положительного опыта комплексного исторического политематического картографирования, формировании типовых решений для наиболее востребованных историко-географических и историко-экономических задач, которые могут возникать перед исследователями при разработке различных вопросов изучения истории Крыма.

Библиография

Быстрицкий Н. И., Гришин Е. С. Актуальные вопросы тематического картографирования Крыма // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции. Москва, 2022. С. 69–72.

ЛАШКОВ Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. // ИТУ-АК № 10. 1890. С. 79–106; № 12. 1891. С. 75–81

Вдовиченко И. И.

МБУК Музей истории города Симферополя, г. Симферополь

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК КЕРКИНИТИДЫ В 1981 г. В КОЛЛЕКЦИИ ЕВПАТОРИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Vdovichenko I. I.

ANCIENT PAINTED POTTERY FROM KERKINITIDA, EXCAVATION 1981 IN THE COLLECTION OF THE EVPATORIA MUSEUM OF LOCAL LORE

Этот доклад посвящен публикации находок из раскопок Керкинитиды в 1981 году. Предыдущая статья, посвященная находкам 1980 г. была опубликована в Херсонесском сборнике. Мы надеемся, что после публикации всех находок за 7 лет планомерных раскопок и охранных работ все данные сложатся в картину, позволяющую сделать определенные выводы об экономике, культуре античного города.

В 1981 году Евпаторийский отряд Южно-крымской экспедиции продолжил исследование Керкинитиды. Раскопки этого года длились с 3 июля по 30 ноября в основном по трассе траншеи для новой теплоцентрали Детского клинического санатория Министерства обороны СССР.

Согласно договоренности между археологами и командованием санатория, раскопки с целью исследования строительных остатков и культурных отложений было решено доводить до проектной отметки теплоцентрали — 3,20–3,50 м от современного уровня. Траншея, П-образная в плане протяженностью 86 м и шириной до 4 м. разрежала с юго-востока на северо-запад наиболее возвышенную часть городища между раскопок 1980 г. и раскопок М. А. Наливкиной 1952 г. возле здания школы санатория (рис. а, б, в). Траншеею строители начали рыть без согласования с археологами, при этом экскаватором был срезан слой толщиной 0,6–1,0 м. Строительные работы

были задержаны и Евпаторийский отряд приступил к работе [Кутайсов 1982: 3–5]. По всей длине трасса траншеи была поделена на 17 пятиметровых квадратов. Раскопки проводились послойно с точной привязкой археологических находок к культурным отложениям и строительным остаткам. После достижения условной отметки сразу же начинались строительные работы для того, чтобы строители успели в сжатые сроки завершить сооружение теплотрассы для отопления лечебных корпусов санатория. Таким образом, часть культурных отложений оказались законсервированы и не исследованы. Работы осуществляли сотрудники Отдела археологии Крыма (В. С. Драчук, В. А. Кутайсов, Е. Подвысоцкая), сотрудники Евпаторийского краеведческого музея (В. Анохин, В. И. Павленков, С. Приднєв), студенты Симферопольского университета (С. Ланцов, П. Ляшук). В качестве землекопов работали 15 военных строителей в/ч 39820 [Кутайсов 1982: 3–5].

Во время раскопок было найдено большое количество фрагментов расписной столовой посуды. Они были обнаружены в культурных отложениях, которые автор раскопок относит к периодам С (первые три четверти 4 в. до н. э.) и Д (третья и четвертая четверть 5 в. до н. э.). Скопления керамики были прослежены в наибольшем количестве в квадрате 3 (9 фрагментов), 14 (4 фрагмента), а также в квадратах 1–2 (2), 4 (1), 5 (3), 6 (1), 8 (1), 9 (3), 10 (3), 11 (4), 12, 13 (3), 17 (1). (рис.)

Чернофигурная керамика представлена фрагментом амфор, киликов, чаше-скифосов и лекан конца VI — началом V в. до н. э. Среди наиболее выразительных фрагментов — обломок горла амфоры с выделенными плечиками (рис. 1). Сохранилась часть орнамента на горле сосуда — пальметки, соединенные волютами, между ними — бутоны лотоса, внизу — плетенка. Аналогия — амфора из Эрмитажа, из собрания Кампана. Мастер Лондон В.272. Конец VI в. до н. э. [Горбунова 1983: 107–108; CVA Italia. LXIX, Tav.34, P. 28]. Найдено также несколько фрагментов закрытых чернофигурных сосудов (рис. 2–3).

Интересен фрагмент стенки килика с изображением магических глаз (рис. 4). Зрачок прочерчен циркулем и обведен пурпуром. Над глазом — короткая бровь. Аналогичное изображение на килике из Эрмитажа № 35 [Горбунова 1983: 55, 56]. Класс Чаш на низкой ножке с широкой полосой по краю (Class of the Top-band stemless) 510–500 гг. до н. э.

Довольно часто встречаются в Северном Причерноморье миниатюрные килики, относящиеся к Группе чаш с растительным орнаментом, относящейся к первой половине V в. до н.э. (рис. 5). Сохранился фрагмент изображения в поясе ручек — небрежный силуэтный рисунок повторяющихся пальметт без дополнительных красок. Аналогии: миниатюрный килик из Эрмитажа [Горбунова 1983: 43, кат.25].

Часто на городище находят фрагменты лекан с лучевым орнаментом, вокруг этой зоны и посередине крышки — 2 полосы, нанесенные пурпурной краской. (рис. 6). Конец VI — нач. V в. до н.э. Аналогии: фрагменты леканы из раскопок Херсонеса [Сидорова 1992: 212,213, рис. 7]. В коллекции из материалов 1981 г. представлены фрагменты ионийских чаш (рис. 7). Такие чаши были распространены повсеместно. Сосуды похожей формы и орнаментации из Ольвии датируются первой половиной 5 в. до н.э. [Буйских 2013: 144, рис. 133, № 9.250,252].

Краснофигурная керамика представлена 4-мя небольшими фрагментами «керченских пелик» середины — третьей четверти 4 в. до н.э. (рис. 8,9,10,11). Наибольшее количество краснофигурной керамики — это обломки кратеров (рис. 13–21). Самые ранние относятся к середине — третьей четверти 5 в. до н.э. Это два фрагмента с изображением голов юношей близких по стилю росписи кругу мастера Полигнота (рис. 22,24), которые датируются третьей четвертью 5 в. до н.э.

Среди других фрагментов с частично сохранившимся рисунком (рис. 14,16), один с изображением нижней части мужской фигуры в гиматии, относящейся к кругу Полигнота и относящейся к третьей четверти 5 в. до н.э. и часть дионисийской сцены — хвост сатира, тирс и рука Диониса или Менады датирующей концом 5 в. до н.э. =

Яркий образец «керченского стиля» — фрагменты колоколовидного кратера, частично отреставрированного. На лицевой стороне — амазомахия. Сражение 3-х конных с греческим пехотинцем. Под венчиком — венок лавра. Середина 4 в. до н.э. Композиционно и стилистически роспись близка росписям сосудов, которые относят к группе Группа “G”, например, пелике из Керченского музея КМАК 48 [Шталь 2001: 166].

К этой же группе относится кратера фрагмент стенки (рис. 20) с изображением головы амазонка (аримаспа?) в колпаке в развороте влево и фрагмент стенки фрагмент с изображением крыльев грифона в профильном развороте вправо и фрагмент с изображением возникшего (рис. 18). Эти фрагменты датируются третьей четвертью 4 в. до н.э. и относятся к Группе Грифона.

Найдены были фрагменты киликов с изображением менады, атлетов (рис. 25–28), которые относятся к группе Мелеагра и мастера Иены, датируются началом 4 в. до н.э. 372. Киликии, расписанные Мастером Q датируются первой четвертью IV в. до н.э.

Аски представлены фрагментами с изображением кошачьих хищников (рис. 44).

Таким образом, раскопки 1981 г. дали большое количество фрагментов кратеров и сосудов для питья вина — киликов, скифосов. Несмотря на то, что на всю глубину культурные отложения не были исследованы, они отнесены исследователем к периодам С (первые три четверти 4 в. до н.э.) и Д (третья и четвертая четверть 5 в. до н.э.) среди керамики встречаются фрагменты первой четверти 5 в. до н.э., которые проникли в верхние слои в результате перекопов.

Библиография

Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии, К., 2013: Стародавній світ, 456 с.

Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. — Симферополь: Сонат, 2008. — 351 с.

Горбунова. К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.

Кутайсов В. А. Научный архив Института археологии Крыма, Отчет о раскопах Керкинитиды в 1981 г. — Симферополь, 1982// Научный архив Института археологии Крыма// фонд О-1, Оп. 1, Д. 32.

Сидорова Н. А. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея. 1965–1985.// Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. Пушкина. Вып.10. — М., 1992.

Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. — М., 2000. — 220 с.

Corpus Vasorum Antiquorum Italia. LXIX. Raccolta Cumana. Italia. Museo nazionale di Napoli. LXIX, Nazarena Valenza Mele, L'Erma di Bretschneider, 1995–56p.

Виноградов Ю. А.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ БОСПОРСКИХ РАСПИСНЫХ СКЛЕПОВ*

Vinogradov Yu.A.

AT THE ORIGINS OF THE STUDY OF BOSPORAN PAINTED CRYPTS

Одной из самых важных категорий памятников античного искусства, сохранившихся на территории нашей страны, являются расписные склепы Боспора Киммерийского. Их изучение имеет долгую историю. Первая из известных нам расписных гробниц была открыта И. П. Бларамбергом на г. Митридат в 1829 г. [Ростовцев 1913–14: 253–254], в 1832 г. Д. В. Карейша обнаружил Склеп пигмеев [Ашик 1848: 51–52; Ростовцев 1913–14: 137–149]. Очень важное открытие было сделано А. Б. Ашиком в 1841 г. [Ашик 1845]. Росписи на стенках найденной им гробницы были расположены в два яруса; среди них можно видеть погребальную процессию, сражение конных воинов, гладиаторов и многое другое. Катакомбы, открытые позднее, такого богатства и разнообразия орнаментальных и фигуративных композиций не дают, и склеп, открытый А. Б. Ашиком, стали именовать «Царицей камер». Очень может быть, что воспроизведение росписей, предложенное автором открытия, не всегда соответствовали оригиналу. Тем не менее, научный интерес к этим композициям не ослабевает [Burgunder 2019].

После открытия «Царицы камер» вплоть до начала XX в. на Боспоре было обнаружено около четырёх десятков расписных гробниц. Некоторые из них стали хрестоматийно известными: склеп 1872 года (Стасовский), склеп 1873 года (Двойной), гробницы 1875 и 1891 годов, склеп Сорака,

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

расписной саркофаг 1900 года и, конечно, склеп Деметры. Огромный вклад в изучение этого богатейшего материала был сделан М. И. Ростовцевым в его фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на Юге России» [Ростовцев 1913–14]. Все исследователи более позднего времени так или иначе вынуждены идти по его стопам. Определённый научный интерес, однако, имеет вопрос о том, как оценивали и как интерпретировали эти памятники во время их открытия, т.е. до появления обозначенной публикации.

А. Б. Ашик рассматривал росписи обнаруженной им гробницы как одно из проявлений развития греко-римской культуры на берегах Боспора Киммерийского. Ему резко возражал В. В. Стасов, детально изучивший фрески склепа 1872 г. и пришедший к заключению, что «они иллюстрируют нам с большою подробностью жизнь, события и нравы *частных лиц* одной из тех разнообразных национальностей, которые почти два тысячелетия тому назад жили в местности нынешней Керчи» [Стасов 1875: 239]. Этой «национальностью» исследователь считал догреческое население Боспора, культура которого получила импульс к самостоятельному развитию после Митридатовых войн [Там же: 326].

Концепция В. В. Стасова была встречена с пониманием [Котляревский 1876; П–н 1876], хотя Д. И. Иловайский видел на фресках этого склепа изображения сарматов, а не выходцев из догреческого населения Боспора [Иловайский 1876]. Очень ценные наблюдения были сделаны С. А. Усовым. Он правильно указал, что роспись потолка гробницы 1872 г. изображает небесный свод, и все представленные на нём предметы имеют «не реальное, а только символическое значение» [Усов 1876: 29]. По его мнению, рассыпанные на стенах и потолке лепестки «изображают весенний воздух, насыщенный ароматами распустившихся роз» [Там же: 28], представленные здесь основные «картины» рисуют «непрерывную во времени последовательность действия» [Там же: 30], а изображения, расположенные между ними, имеют аллегорическое значение [Там же: 32]. Не со всеми из этих идей сейчас можно согласиться, но они, как представляется, обозначили некоторые направления к правильному пониманию смысла ро-

списей боспорских склепов. Жаль, что наблюдения С. А. Усова были напрочь забыты.

Обозначенный В. В. Стасовым культурологический или этнографический подход к изучению боспорских росписей с успехом применяется до сих пор [Иванова 1961: 28–30]. Особенности костюмов изображённых здесь персонажей, набор вооружения, детали снаряжения коней и пр. позволяют искать соответствия им в археологических реалиях Северного Причерноморья. В 1877 г. был обнаружен знаменитый склеп Анфестерия, и Л. Э. Стефани сразу заключил, что роспись на его стене изображает сцену из обыденной жизни боспорского аристократа, который вместе со своей семьёй, слугами и стадами пребывал «в одной из обширных степей Южной России» [ОАК 1878–1879: 6]. Эта точка зрения нашла немало последователей [Ростовцев 1912: 113; 1913–14: 180; Кобылина 1984: 21], но орнаментальную композицию склепа Анфестерия можно объяснить совсем по-другому [Виноградов 2022].

Для изучения боспорских расписных склепов очень много сделал Ю. А. Кулаковский, исследовавший гробницу Сорака, катакомбу 1891 г. и др. [Кулаковский 1892; 1896]. Он первым попытался найти сакральный смысл некоторых сюжетов, запечатлённых на стенах гробниц, в частности, загробной трапезы [Кулаковский 1896: 44–58].

Все исследователи так или иначе отмечали невысокое профессионализм боспорских художников, низкое качество созданных ими росписей. Наиболее чётко и ясно по этому поводу высказался Б. В. Фармаковский. Будучи учёным секретарём Российского археологического института в Константинополе, он совершил поездку в Малую Азию, изучил материалы сирийской экспедиции и подготовил интереснейшее исследование о росписях катакомбы Мегарет-Абу-Схейль, расположенной в окрестностях Пальмиры [Фармаковский 1903]. Этот замечательный памятник сейчас называют гипогеем «Трёх братьев» [Бунни, Ал-Ас'ад 2016: 136–137]. Роспись этой гробницы является настоящей жемчужиной среди памятников поздней античной живописи. По заключению Б. В. Фармаковского, пантикапейские расписные катакомбы в сравнении с ней выглядят произведениями «заурядных мастеров далёкого провин-

циального захолустья» [Фармаковский 1903: 197]. Конечно, исследователь был отчасти прав, но невысокое качество исполнения боспорских настенных росписей отнюдь не служит их единственной отличительной особенностью. К тому же сам Б. В. Фармаковский отмечал, что «греческое искусство всюду и всегда угадывало местные потребности и умело удовлетворять местным вкусам» [Там же: 198].

В конце XIX в. к изучению античной декоративной живописи Северного Причерноморья приступил М. И. Ростовцев [Виноградов, Медведева 2017: 10]. В своей первой статье о керченских катакомбах он признал их чисто эллинистический характер [Ростовцев 1897: 296]. В дальнейшем его суждения стали более глубокими, в них более чётко стал выделяться религиозный аспект погребальных росписей. В статье, посвящённой склепу 1891 г., М. И. Ростовцев отметил: «Если греческие колонии северного побережья Чёрного моря сравнительно бедны памятниками религиозного культа, которыми так богаты Греция и Малая Азия, — руинами храмов, вотивными рельефами и надписями, то тем богаче одна из них, именно Керчь (др. Пантикапей), и ея область живописью религиозного содержания» [Ростовцев 1911: 119]. В статье о боспорских курганах М. И. Ростовцев столь же справедливо писал, что пантикапейские росписи «говорят нам, главным образом, о верованиях пантикапейцев, о их исключительно сильной вере в загробную жизнь; в этой области они свидетельствуют частью о проникновении их мистикой элевсинских таинств; частью о переживаниях в их среде героических представлений, перенесённых и в загробную жизнь. Рядом с богами элевсинского круга, сценами похищения Керы, поисков Деметры, рядом с изображениями мистически-просветлённых и обожествлённых покойников мы имеем шаблонные сцены из области представлений о покойниках, как о героях: и сцену трапезы, и сцену выезда, и сцены боя, и сцены охоты» [Ростовцев 1912: 116–117]. В этих словах великого учёного можно видеть завещание потомкам, указание на путь (точнее, на один из путей) в изучении расписных склепов Боспора.

Библиография

АШИК А. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.

АШИК А. Восторское царство. Т. II. Одесса, 1848.

БУННИ А., Ал-АС'АД Х. Пальмира. История. Памятники. Музей. М., 2016.

ВИНОГРАДОВ Ю. А. Расписной склеп Анфестерия в Керчи // БИ. 2022. Вып. 45. С. 93–115.

ВИНОГРАДОВ Ю. А., МЕДВЕДЕВА М. В. Из истории создания «Античной декоративной живописи на юге России» М. И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб, 2017. С. 9–30

ИВАНОВА А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.

ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Несколько замечаний о времени и народности керченских фресок // Древности. Труды Московского археологического общества. 1876. Т. 6. Вып. 2. С. 34–40.

КОБЫЛИНА М. М. Живопись // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 214–216.

КОТЛЯРЕВСКИЙ А. А. Обзор исследования о фресках керченской катакомбы // Древности. Труды Московского археологического общества. 1876. Т. 6. Вып. 2. С. 23–26.

КУЛАКОВСКИЙ Ю. А. Археологические заметки по вопросу о катакомбах в Керчи // Русская мысль. 1892. Кн. 12. С. 220–224.

КУЛАКОВСКИЙ Ю. А. Древности южной России. Две керченские катакомбы с фресками. МАР. № 19. СПб, 1896.

П-Н А. Керченские катакомбы // Вестник Европы. 1876. Т. 4. № 7. С. 139–157.

РОСТОВЦЕВ М. И. Заметка о расписных керченских катакомбах // Записки Императорского русского археологического общества. 1897. Т. 8. Вып. ¾. С. 291–298.

РОСТОВЦЕВ М. И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А. А. Бобринскому. СПб, 1911. С. 119–154.

РОСТОВЦЕВ М. И. Восторское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 1912. Июнь. С. 101–120.

РОСТОВЦЕВ М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб, 1913–14.

СТАСОВ В. Катакомба с фресками, найденная в 1872 году близ Керчи // ОАК за 1872 г. СПб, 1875. С. 235–328.

УСОВ С. А. Объяснение керченских фресок // Древности. Труды Московского археологического общества. 1876. Т. 6. Вып. 2. С. 27–34.

ФАРМАКОВСКИЙ Б. В. Живопись Пальмиры // Известия РАИК. 1903. Т. VIII. С. 172–198.

BURGUNDER P. Ombres et lumières du tombeau peint découvert par A. B. Ašik // Études de letters. 309. Étude bosporanes. Sur un confins du monde gréco-romain. Lausanne, 2019. P. 181–241.

Велиева С.

ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В СОБРАНИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Velieva S.

CRIMEAN TATAR MUSICAL INSTRUMENTS IN THE COLLECTION OF THE BAKHCHISARAY MUSEUM-RESERVE

В докладе подробно будут рассмотрены музыкальные инструменты крымских татар, которые представлены в собрании Бахчисарайского музея-заповедника и интересны для изучения музыкальной культуры в целом.

На сегодняшний день известно, что традиционными инструментами музыкального сопровождения крымских татар являются зурна, тулуп-зурна, кьавал, даре, сантыр, давул и саз. Это наиболее ранние инструменты. В период Крымского ханства давул и зурна были инструментами военного оркестра. При совместной игре они создавали оглушительное звучание.

История формирования коллекции музыкальных инструментов связана с созданием Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. В 1920–30-е гг. сотрудниками учреждения было собрано большое количество предметов старины, в том числе и музыкальные инструменты.

Ансамбль, состоявший из двух зурн и одного барабана давул, назывался давулджылар. Как правило, одна зурна играла соло, а вторая сопровождала его. На праздниках обязательно была слышна *«музыка, состоящая из двух скрипок с бубнами и огромного барабана с зурнами»* [Кондараки 1875: 52]. Таким ансамблем чаще всего исполнялись танцевальные и торжественные

мелодии долу. «Ансамбль нежных инструментов» состоял в основном из саза, сантыра, даре и думбелека [Тюркские народы Крыма 2003: 325].

В Бахчисарайском музее-заповеднике представлено 25 музыкальных инструментов. Крымскотатарский музыкальный инструментарий, собранный в стенах музея-заповедника до сих пор оставался не исследованным. Первые предметы были собраны У. А. Боданинским после открытия Музея тюрко-татарской культуры на базе Ханского дворца. Шестнадцать из них связаны с этнографией крымских татар, один инструмент из Туркестана, четыре — из Артиллерийского музея (г. Санкт-Петербург), три — из личной коллекции Попченко М. А. 1920–1960-х гг., один принадлежал жителю г. Бахчисарай.

Оригинальные названия, интересные сведения о времени и способе поступления можно почерпнуть в Инвентарных книгах довоенного периода Бахчисарайского музея-заповедника.

При проведении сверки было выяснено, что в инвентарных книгах после 1945 г. аутентичные названия некоторых музыкальных инструментов уже отсутствовали [Эминов 2017: 224]. Например: в современной инвентарной картотеке название отмечено как «барабан», а в инвентарной книге 1920–30-х гг. как «давул».

В научных работах, посвященных музыке крымскотатарского народа, исследователи в основном обращали внимание на песни, мелодии и частично упоминали о традиционных инструментах. В настоящей работе предполагается изучение вопросов комплектования, классификации музыкальных инструментов, а также определение характерных особенностей данных предметов.

Библиография

- Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Санкт-Петербург, 1875. Часть 12. 90 с.
- Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М.: Наука, 2003. 459 с.
- Эминов Р. Р. Бахчисарайский дворец-музей: История создания и формирования коллекций (1917–1945) / отв. ред. И. В. Зайцев. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2017. — 368 с.

Верченкова В. В.

Государственный академический университет
гуманитарных наук, Москва

ПАСКАЛЬ ПАОЛИ И КОРСИКАНЦЫ В НАРРАТИВАХ БРИТАНЦЕВ В ПЕРИОД АНГЛО-КОРСИКАНСКОГО КОРОЛЕВСТВА (1794–1796 гг.)

Verchenkova V. V.

PASCAL PAOLI AND THE CORSICANS IN BRITAN NARRATIVES IN THE PERIOD OF THE ANGLO-CORSICAN KINGDOM (1794–1796)

В 1794 г. британский флот под командованием Сэмуэля Худа отправляется на Корсику после трехмесячного владения французским городом Тулоном. Надеясь получить на острове стратегически важные военно-морские базы, британцы, не без участия корсиканского лидера Паскаля Паоли, создали Англо-Корсиканское королевство.

На протяжении всего существования Королевства британские офицеры и гражданские уполномоченные описывали свои впечатления и эмоции от пребывания на острове. В дневниках и письмах не обошлось без упоминания главного корсиканского лидера Паскаля Паоли, а также жизни и традициях самих корсиканцев.

Британский офицер Джон Мур по прибытию на остров подчеркивал неизменную популярность Паоли среди корсиканцев. Когда Мур прибыл в Мурато 16 января 1794 г., Паоли, по свидетельству офицера, находился в монастыре, окруженный вооруженными крестьянами. Эти люди не получали за свою службу жалованья и защищали генерала добровольно. Для Мура это было «веским доказательством привязанности этих бедных людей к генералу Паоли» [Moore 1904: 44]. По мнению будущего вице-короля Корсики Гилберта Эллиота, Паоли «наделен достаточным авторитетом, чтобы говорить от имени своих соотечественников» [Elliot 1874: 214].

Эллиот также отмечал, что всякий раз, когда британцы говорили о независимости корсиканцев, те отвергали эту идею, говоря, что «будут англичанами» [Elliot 1874: 214]. Тем не менее, Эллиот опасался, что в конечном счете столь большой авторитет Паоли на острове может оказаться вредным для устойчивости Англо-Корсиканского королевства. Впрочем, в текущий момент Эллиот считал, что присутствие Паоли на Корсике не составляет серьезной или непреодолимой проблемы. Спустя восемь месяцев нахождения на острове англичанин изменит свое мнение. В итоге разногласия Эллиота, который станет вице-королем Корсики, и Паоли вынудят последнего уехать с острова.

Другим англичанам Паоли так же казался ненадежным персонажем. Британский офицер Коллингвуд предполагал, что Паоли, даже находясь в Англии, может побудить Корсику к восстанию, всего лишь выразив на то свою волю [Collingwood 1829: 30]. Такое утверждение, конечно же, было преувеличением, но оно отражало существовавшую у англичан долю недоверия к предводителю корсиканцев. Оно было одной из причин того, почему Паоли не был назначен вице-королем. Паоли, несомненно, выступал главным связующим звеном между Британией и Корсикой. Он был англофилом и одним из основателей Англо-Корсиканского королевства. Без его инициативы британская интервенция на остров, возможно, никогда бы не состоялась. И его фактическое изгнание с Корсики в 1795 г. лишило союз между Корсикой и Британией главной опоры.

Описание корсиканцев в британских нарративах отличается на протяжении существования Королевства. Если изначально британцы были вдохновлены событиями и представляли корсиканцев борцами за свободу, то столкновение с реальностью изменило их мнение.

До того, как военные действия начались всерьез, Горацио Нельсон написал своей жене 24 февраля 1794 г., что корсиканцы — народ храбрый и свободный [Nelson 1845 a: 361]. Однако уже в письме лорду Худу от 11 марта 1794 г. Нельсон жаловался, что бедные корсиканцы ничего не умеют, кроме как стрелять из мушкета, но от них все же можно получить какую-то пользу [Nelson Vol 1. 1845: 371].

Нельсон писал, что при французском господстве каждый корсиканец носил ружье, а теперь ни один человек из пятидесяти не носил оружия: их мечи перекованы в орала [Nelson 1845 б: 5]. Правда, его оптимистичное заключение противоречит свидетельству леди Эллиот, которая по приезду на Корсику в начале 1795 г. отметила, что даже мальчики, ровесники их детей, то есть примерно 10–12 лет, не ходят без пистолета [Elliot 1874: 296].

У Мура можно найти также описание повседневной жизни корсиканцев. Он пишет, что они живут в основном в городах, на острове нет такого понятия, как загородный дом, ибо жить в таковом было бы небезопасно. Чем многочисленнее у мужчины семья, тем больше его уважают. Только ее размеры могут служить защитой от оскорблений и угнетения. Побывав на западной части острова, изобилующей каштанами, Мур отметил, что он не считает эту или любую другую часть Корсики здоровой, судя по бледным лицам жителей. Народ, в целом, немногочисленный, а мужчины и женщины здесь, по мнению Мура, уродливее, чем в любой другой части Европы [Moog 1904: 120].

Полковник Мур нарисовал далеко неоптимистичную картину военных способностей корсиканцев в целом, а Паоли в особенности. Мур жаловался, что главной причиной неудачи кампании стали именно действия Паоли и корсиканцев. Англичанин сетовал на трудности осады Бастии, удерживаемой большим французским гарнизоном. Мур признавал, что вместо активных и воинственных людей, ревностных в деле свободы, за которых он принимал корсиканцев, те оказались «бедным, праздным, подлым сборищем, неспособным на какие-либо действия, требующие постоянства или решительности, и абсолютно бесполезным для англичан с момента их высадки» [Moog 1904: 83].

Пытаясь привить корсиканцам свои политические принципы, англичане совершенно не могли понять, что им делать с печально известной вендеттой, составлявшей неотъемлемую часть правовой и политической культуры корсиканского общества XVIII в. Коллингвуд описал один из случаев вендетты в Аяччо, подчеркнув, что эта часть Корсики еще более варварская, чем Сен-Флоран, находящийся в округе Бастия. Британский офицер

рассказывает, что малейшее оскорбление одному из жителей влечет за собой удар ножом или выстрел из-за угла. Коллингвуд описывает случай, когда один корсиканец ударил ножом другого на общественной площади. Затем преступник просто ушел, вытерев лезвие. Коллингвуд с удивлением отмечает, что никто не пытался его остановить. Прилюдный удар ножом, похоже, не шокировал остальных корсиканцев, которые, видимо, решили, что тому имелаась веская причина. Кровная месть не вызывала ужаса у местных, и часто сочувствие большинства людей оказывалось на стороне «бандитов», а не на стороне их жертв. «Бандитами» же там называли всех, кто бежал «в маки», то есть укрывался в лесу, от правосудия или мести, и всех тех, кто отказывался подчиняться властям. Бандиты становились героями популярных песен, и невозможно было убедить присяжных осудить кого-нибудь из них [Gregory 1985: 26]. Коллингвуд описывал ситуацию, что когда несколько плотников были уволены в субботу за плохую работу, а уже в воскресенье утром они стреляли в комиссара, когда тот гулял в своем саду, но промахнулись [Collingwood 1829: 27]. Почти в каждой семье вендетта против ближайшего соседа — это самая почитаемая традиция.

В итоге, можно отметить, что в Британии существовали некие стереотипы о том, как должны выглядеть и вести себя корсиканцы. Эти стереотипы сформировались благодаря произведениям о Корсике во второй половине XVIII века, а особенно благодаря «Отчету о Корсике» шотландца Джеймса Боссуэла [Boswell 1768.]. Но столкнувшись с реальностью, британцы разочаровались в романтическом образе островитян, увидев в корсиканцах совсем других, отличающихся от существовавших клише, людей.

Библиография

Boswell J. An Account of Corsica, the Journal of a Tour of that Island and Memoirs of Pascal Paoli. London, 1768.

Collingwood C. A Selection from the Public and Private Correspondence of Vice-Admiral Lord Collingwood. London, 1829.

Elliot G. Life and Letters of Sir Gilbert Elliot / Ed. Countess of Minto, vol. 2. London, 1874.

Gregory D. The Ungovernable Rock: A History of the Anglo-Corsican Kingdom and Its Role in Britain's Mediterranean Strategy During the Revolutionary War, 1793–1797. London, 1985.

Moore J. The Diary of Sir John Moore. Vol. 1. London, 1904.

Nelson H. Dispatches and Letters of Vice Admiral Lord Viscount Nelson, 1795 to 1797. Vol 1. London, 1845 a.

Nelson H. Dispatches and Letters of Vice Admiral Lord Viscount Nelson, 1795 to 1797. Vol 2. London, 1845 б.

Гинькут Н. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

Институт востоковедения РАН, Москва

**ИСПАНСКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИВНАЯ
КЕРАМИКА КОНЦА XIII–XIV в.
ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА:
К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА
В XIV в.**

Ginkut N. V.

**SPANISH AND ITALIAN GLAZED CERAMICS
OF THE LATE 13th-14th CENTURIES.
FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESE:
TO THE PROBLEM OF THE EXISTENCE OF THE CITY
IN THE XIV CENTURY**

Находки импортной поливной керамики, поступавшей на территорию Таврики во второй половине XIII–XV вв., стали хроноиндикаторами для археологических слоев поселений и городов полуострова. Гончарным импортам этого времени в современной историографии посвящено множество работ. Выделены керамические материалы византийских центров, Испании, Италии, импорты Золотой Орды, продукция Изника и др. центров. В этом богатом ассортименте импортов особое место занимают итальянская и испанская поливная посуда.

Испанская керамика в археологических слоях крымских памятников (Каффы, Солхата, Чембало, Судака, Мангупа и др.) представлена как тарой, так и парадной поливной посудой с оловянной глазурью и росписью люстром, кобальтом, получившее в литературе название «испано-мавританская керамика» или «испанская майолика» [Тесленко 2021: 101]. Количество находок итальянской керамики этого времени на полуострове очень скромное (Судак, Чембало и округа) и отражено лишь в немногочисленных публикациях

[Гинькут 2019; Майко 2023]. Приток итальянской майолики и испанской люстровой посуды был тесно связан с деятельностью итальянских купцов в Причерноморском регионе. Причем, небольшое количество итальянской керамики XIII–XIV вв. в торговых колониях объясняется тем, что она так и не стала предметом торговли, а являлась лишь частью имущества итальянских колонистов и негоциантов [Pringle 1982: 112–113]. Присутствие итальянской и испанской керамики этого времени в Херсонесе исследователями ранее не отмечалось, несмотря на повышенный интерес к данным группам находок и публикацию более десятка работ, характеризующих контексты последнего этапа существования города (XIV, возможно, XV столетия).

В ходе работ в музее — заповеднике по формированию базы данных фондовых коллекций из раскопок прежних лет, удалось выделить несколько фрагментов итальянской и испанской керамики XIV в¹. Находки итальянской археомайолики и испанской керамики из раскопок Херсонеса немногочисленны и фрагментарны. Эти артефакты происходят из верхних слоев помещений в Портовом районе, раскопанных в 1968–69, 1978 гг. (раскопки д.и.н. А. И. Романчук) и 1999 г. (раскопки А. Лямина)². В коллекции музея-заповедника хранятся два фрагмента испанских люстровых чаш с полусферическим корпусом на кольцевом поддоне и несколько фрагментов кувшина и чаш итальянского производства.

1. Чаша, фрагмент венчика (ИКАМ 37328/35) (рис. 1.1). Глина бежево-розовая, плотная (5YR 7/8; 7,5 YR 7/8) с пустотами, с единичными включениями карбонатов. Орнамент выполнен люстром и кобальтом по внутренней поверхности — ленты из растительного орнамента и волнистой линии, по внешней — люстром — косые линии. Диаметр края — 14 см. Место находки: Портовый квартал 2; помещение 59, слой 2, штык 1. 1999 г. [Лямин 1999: л. 22].

2. Чаша, фрагмент стенок поля и дна на кольцевом поддоне (ИКАМ 36988/41) (рис. 1.2). Глина светло-красная (10R 6/8), плотная, без видимых примесей. Полива по белому ангобу — оловянная. Орнаментация выполнена

¹ Пользуясь случаем благодарю главного хранителя Н. Л. Демиденко и сотрудников научно-фондового отдела Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (О. П. Дорошко, Д. Зверева, Г. Жильцова, С. Данилову), за помощь, оказанную в работе, а также Е. В. Мацкову и К. В. Зыкову за подготовленные иллюстрации.

² Выражаю глубокую признательность д.и.н. А. И. Романчук и А. Лямину за возможность публикации материалов.

люстром и кобальтом. По внутренней поверхности — от центра дна — радиально расположены стилизованные листья — стрелы, окруженные поясом из квадратов с сетчатым орнаментом, ближе к краю сосуда фиксируются остатки орнамента, выполненного кобальтовой краской. Диаметр кольцевого поддона — 6 см, высота сохранившейся части сосуда 5,5 см. Место находки: Портовый квартал 2, помещение 7, слой. 1. 1978 г. [Романчук: 1978: л. 80].

Сосуды относятся к типу 4.1. по Тесленко 2021. Это чаши с полусферическим корпусом на кольцевом поддоне. В орнаментике сосуды относятся к наиболее ранним образцам испанской люстровой керамики, группе «Пула» («Pula» или «loza valencia nadorada del grupo Pula», IVDP [исп.]), производства центров Валенсии [Тесленко 2021: 102, рис. 125.3]. По мнению ряда авторов, производство керамики этой группы приходится на 30–80 гг. XIV столетия [Blake 1986: 366–367; Ray 1999: 50–51], а бытование в Крыму середина XIV — рубежа XV вв. [Тесленко 2021: 102]. Аналогии достаточно широкие; близкие к нашим фрагментам сосуды датируются серединой — второй половиной 14 столетия [Ray 1999: 52–53, №№ 107, 111, 118; Blake 1986: 379–380, Tabl. 2, 3.18, 4.20; Масловский 2006: 441, рис 53].

Остальные несколько фрагментов относятся к итальянской майолике, и в частности, к итальянской архео — и прото-майолике.

3. Сосуд открытого типа (чаша) фрагмент стенки (ИКАМ 36794/12) (рис. 1.3). Глина светло-бежевая — светло-розовая (5YR 7/6, 8/4, pink/reddish yellow), с включениями органики. Полива по белому ангобу бесцветная, орнамент выполнен темно-коричневой и синей красками — ленты из волнисто-зигзагообразных линий. Размер фрагмента 4,9 x 3,9 см. Место находки: Портовый район, Помещение 48, завал, штык 1. 1968–69 гг.

Данный фрагмент сосуда принадлежит к группе «Maioliche Arcaiche». Орнамент соотносится с группой IV по Berti 1997 [Berti 1997: Tav 76]. Грубоватость глины не исключает происхождение сосуда из южных регионов Италии [Gregory 1993: 291–293]. Близкая по орнаментике чаша происходит из раскопок Сардинии, где датируется XIV столетием³ [Blake et al. 1992: 214–215, Pl. 9, № 420]. Аналогичные сосуды встречены и Восточном Средиземноморье (Александрии, Леванте), Коринфе, где датируются до 30-х гг. XIV столетия [François 1999: 72–74; Pringle 1984: 109, Fig.9, 87; Williams

³ Место производства определяется как Каталония [Blake et al. 1992: 214–215, 420].

and Zervos 1992: 150–151, № 12–13], в целом мотив орнаментации встречается на сосудах до начала XV в. [Berti 1997: 115]. Наш фрагмент встречается в слое с материалами второй половины XIII столетия. Это — поливная керамика типа GWW IV, Polychrome Sgraffito ware (Port Saint Symeon или имитации), «ZeuxipposWare» derivate, декорированной врезными волнистыми линиями, близкой к подгруппе «Новый свет») и др. Встречаются и единичные находки белоглиняной керамики Polychrome ware, GWW II, а также стеклянные браслеты, в том числе, и с росписью. В целом материалы из завала камней датируется третьей четвертью XIII в. [Ср.: Седикова 2018: рис. 10, 16]. Это позволяет предположить, что этот единичный фрагмент присутствовал среди этих материалов как примесь сверху.

4–5. Кувшина фрагменты двух стенок (ИКАМ 36990/56) (рис. 1.4–5). Глина светло-желтая, светло-коричнево-бежевая (10YR 7/4; 5YR 7/4), плотная, без видимых включений. Полива прозрачная светло-желтая, по внутренней и внешней поверхностям. Орнамент выполнен по белому ангобу темно-коричневой и зеленоватой (цвета морской волны) красками — ленты простых полос с заливкой и из косой сетки, в том числе с включением цветочного декора. Размеры фрагментов — 4 x 1,9 x 0,6 см; 6,2 x 3 x 0,5 см. Место находки: Портовый квартал 2, помещение 11, слой 2, Двор слой разрушения, под ним слой скопления керамид. 1978 г. [Романчук: 1978: л. 41].

6. Кувшина фрагмент дна на плоском профилированном поддоне (ИКАМ 36989/52) (Рис. 1.6). Глина светло-желтая, светло-коричнево-бежевая (10YR 7/4; 5YR 7/4), плотная, без видимых включений. Полива прозрачная светло-желтая, по внутренней и внешней поверхностям. Орнамент выполнен по белому ангобу темно-коричневой и зеленоватой (цвета морской волны) красками — горизонтальные контурные линии с вертикальным рисунком из ленты из косой сетки с включением цветочного декора. Размер фрагмента: диаметр дна — 10 см, высота сохранившейся части — 6 см. Место находки: Портовый квартал 2, помещение 8, слой 1. 1978 г. [Романчук: 1978: л. 72].

Эта небольшая группа фрагментов стенок кувшинов и дна (рис. 1 №№ 4–6) с росписью с добавлением зеленоватой (голубой) раскраски относятся к группе Proto-Maiolica II (Maioliche arcaiche blu). Орнаментальный мотив соотносится с группами XIXVIII–XX по Berti 1997 [Berti 1997: Tav 135, 136]. Декорировка в целом характерна для XIV столетия [Berti 1997: Tav. 132, 194]. Близкие к на-

шим сосудам по принципу орнаментации с голубой (зеленоватой) росписью кувшины встречены среди материалов раскопок монастыря Св. Антонио (Феррара) периодов I, II (XIV — начало XV в.) [Nepoti 2006: 102–103, Tav. 9; Nepoti, Guarnieri. 2006: 122, Fig. 5.2–4, Tav. IX, 4]. В Крыму подобная керамика известна из раскопок Судака [Майко 2023: рис. 1].

7. Чаши (тарелки) с горизонтально-отогнутым краем, фрагменты края и стенки. (ИКАМ 36988/42) (рис. 1.7). Глина — красная (10R 6/8), плотная, с включениями известняка. Полива по внутренней поверхности — по белому ангобу, по внешней — без ангоба, прозрачная. Орнаментация отсутствует. Размер фрагмента: диаметр сохранившейся части края 18 см. Место находки: Портовый квартал 2, Помещение 7, слой 1, 1978 г. [Романчук 1978: л.80].

Данная чаша относится к типу Proto-Maiolica II (*Maioliche arcaiche*) тип Ва по Berti 1997 [Berti 1997: Tav 49,50,53], лигурийского происхождения (Генуи) [Blake 2021: 38–40, fig. 2.13, 2.14.2], встречается в контекстах XIV — начала XV столетия. Иногда для подобных чаш дополнительно изготавливались и серебряные оправы [Blake 2021: 38–40, fig 2.10–2.11].

Все эти немногочисленные фрагменты испанского и итальянского производства были найдены в одном районе — Портовом, в верхних слоях. Интерес представляет и факт обстоятельства находок и сопровождающие артефакты. Фрагменты дна испанской чаши № 1 (ИКАМ 36988/41) и итальянского сосуда № 7 (ИКАМ 36988/42) были найдены в одном помещении 7, слой 1; фрагмент дна итальянского кувшина № 6 (ИКАМ 36989/52) в соседнем — 8, также в слое 1, а стенки итальянский кувшинов №№ 4–5 (ИКАМ 36990/56) рядом в помещении 11 (?двор). Фрагмент испанской чаши № 2 (ИКАМ 37328/35) был найден в верхнем слое Портового района. Таким образом, найдены они все в верхних слоях. Сопровождающая эти находки керамика укладывается в пределы XIV столетия.

Помещение 7 слой 1. представлял собой каменный завал мощностью 0,45–0,50 м, внутрь помещения [Романчук 1978: лл. 77–80]. Материалы из этого слоя следующие: 1) керамиды, позднесредневековые 1 и 2 группы по Романчук с метками XIII в.; 2) поливная керамика (6 фрагментов), декорированная орнаментами в технике «sgraffito», под желтой поливой, группы «Zeuxippos Ware» *derivate*, происхождения византийских центров — которая датируется 60–70-ми гг. — второй половиной XIII в.

[Spieser 1996: Tav. 11 №№ 181–182; Рыжов, Голофаст 2000: 261–262-, рис. 8.6; Романчук 2003: табл. 46 № 156–158; Бочаров, Масловский 2012: 26, рис. 2.21,22; Vavylopoulou-Charitonidou 1989: 215, fig. 17–20]; 3) чаши (1 фрагмент) с подглазурной росписью ангобом середины — конца XIV в. [Тесленко 2018: 44, рис. 22]; 4) византийские кувшины (2 фрагмента) группы Elaborate Incised Ware XIV в. [Гинькут 2013: 446–448]; 5) сосу-ды открытого типа (16 фрагментов) Monochrome Sgraffito Ware производ-ства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Тесленко 2018: рис. 27.5; Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 1–3]; 6) сосуды открытого типа (1 фрагмент) Polychrome Sgraffito Ware производства цен-тров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Тесленко: 2018, рис. 27.5; Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 2–3].

Помещение 8 слой 1. Мощность 0,4 м над каменным завалом [Роман-чук 1978: л.21–22]. Материалы из этого слоя следующие: 1) керамиды, позднесредневековые 1 и 2 группы по Романчук с метками XIII в.; 2) сто-ловые кувшины (2 фрагмента) с росписью полосами ангобом второй по-ловины XIII — первой половины XIV вв., возможно производства Кон-стантинополя [Зеленко и др., 2012: 132; Гинькут 2022: 24–31]; 3) сосуды открытого типа (5 фрагментов), декорированные орнаментами в тех-нике «sgraffito», под желтой поливой, группы «ZeuxipposWare» derivate, происхождения византийских центров — которая датируется 60–70- ми гг. — второй половиной XIII в. [Spieser 1996: Tav. 11 №№ 181–182; Рыжов, Голофаст 2000: 261–262-, рис. 8.6; Романчук 2003: табл. 46 № 156–158; Бочаров, Масловский 2012: 26, рис. 2.21,22; Vavylopoulou-Charitonidou 1989: 215, fig. 17–20]; 4) чаши (2 фрагмента) группы Elaborate Incised Ware, украшенные геометрическим орнаментом, производства Византии (? Константинополя или Фессалоник); они датируются в регионе середи-ной — 60–80-х гг. XIV в. [Waksman et al 2009: 457–467; Тесленко 2018: 471; Paranicola-Bakirtzi 1999: 190–198, №№ 215–219, 223; Гинькут 2005]; 5) византийские кувшины (4 фрагмента) группы Elaborate Incised Ware XIV в. [Гинькут 2013: 446–448]; 6) сосуды открытого типа (18 фрагмен-тов) Monochrome Sgraffito Ware производства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Тесленко 2018: рис. 27.5; Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 2–3]; 6) сосуды открытого типа (6 фрагмен-

тов) Polychrome Sgraffito Ware производства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Тесленко 2018: рис. 27.5; Масловский 2006: рис. 20.3; Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 2–3]; 7) кувшин (1 фрагмент) со штампованным орнаментом под зеленой глазурью XIV в. [Масловский 2006: 359, рис. 18.11–12]. В качестве примеси снизу найден 1 фрагмент поливного сосуда типа Incised Sgraffito Ware (Aegean Ware) [Седикова 2018: 410]. В описи присутствует описание монеты? Тохтамыша конца XIV в., однако, в коллекции музея-заповедника она отсутствует.

Помещение 11, слой 2. Помещение, возможно, является двором, слой представляет собой напластование, каменный завал над слоем скопления керамид. [Романчук 1978: л. 41], Материалы слоя следующие: 1) керамиды, позднесредневековые 1 и 2 группы по Романчук с метками XIII в.; 2) сосуд фигурный (1 фрагмент)? XIII–XIV вв., 3) сосуды открытого типа (5 фрагментов), декорированные орнаментами в технике «sgraffito», под желтой поливой, группы «Zeuxippos Ware» derivate, происхождения византийских центров — которая датируется 60–70-ми гг. — второй половиной XIII в. [Spieser 1996: Tav. 11 №№ 181–182; Рыжов, Голофаст 2000: 261–262, рис. 8.6; Романчук 2003: табл. 46 № 156–158; Бочаров, Масловский 2012: 26, рис. 2.21, 22; Vavyloroulou-Charitonidou 1989: 215, fig. 17–20]; 4) чаша (1 фрагмент) группы Elaborate Incised Ware производства Византии (? Константинополя или Фессалоник), украшенная геометрическим орнаментом, она датируются в регионе серединой 60–80-х гг. XIV в. [Waksman et al 2009: 457–467; Тесленко 2018: 471; Papanicola-Bakirtzi 1999: 190–198, №№ 215–219, 223; Гинькут 2005: 19–21]; 5) сосуды открытого типа (11 фрагментов) Monochrome Sgraffito Ware производства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, фиг. 2–3; Тесленко 2018: рис. 27.5; Гинькут 2014: рис. 6–7]; 6) полихромные сосуды (тарелки, блюда) (4 фрагмента) с орнаментом sgraffito и подцветкой зелеными и коричневыми, в том числе и марганцевыми пятнами производства крымских центров [Масловский 2006: рис. 20.3]. В качестве примесей снизу присутствуют 1 фрагмент керамического брака амфор типа Класа 24 по Херсонесской классификации 1995 г. и 1 фрагмент поливного сосуда открытого типа группы «Zeuxippos Ware» XIII в. [Седикова 2018: 416–417].

Помещение 59; слой 2, штык 1. Слой развала камней, в углу обнаружена вымостка из черепиц [Лямин 1999: л. 22, табл. 13–19А; Папка 95, инв. 4925–4932]. Материалы слоя представлены следующими типами: 1.) сосуды открытого типа (3 фрагмента) группы «ZeuxipposWare» XIII в. [Седикова 2018: 416–417]; 2) сосуды открытого типа (10 фрагментов), декорированная орнаментами в технике «sgraffito», под желтой поливой, группы «ZeuxipposWare» *derivate*, происхождения византийских центров — которая датируется 60–70-ми гг. — второй половиной XIII в. [Spieser 1996: Tav. 11 №№ 181–182; Рыжов, Голофаст 2000: 261–262-, рис. 8.6; Романчук 2003: табл. 46 № 156–158; Бочаров, Масловский 2012: 26, рис. 2.21,22; Vavyloroulou-Charitonidou 1989: 215, fig. 17–20]; 3) чашки (4 фрагмента) группы Elaborate Incised Ware, производства Византии (? Константинополя или Фессалоник), украшенные геометрическим орнаментом, которые датируются в регионе серединой – 60–80-х гг. XIV в. [Waksman et all 2009: 457–467; Тесленко 2018: 471; Papanicola-Bakirtzi 1999: 190–198, №№ 215–219, 223; Гинькут 2005]; 4) византийские кувшины (2 фрагмента) группы Elaborate Incised Ware XIV в. [Гинькут 2013: 446–448]; 5) сосуды открытого типа (53 фрагментов) Monochrome Sgraffito Ware производства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 2–3; Тесленко 2018: рис. 27.5; Гинькут 2014: рис. 6–7]; 6) сосуд открытого типа (1 фрагмент) Polychrome Sgraffito Ware производства центров Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма XIV в. [Waksman, Romanhuk 2007: 384–385, fig. 2–3; Тесленко 2018: рис. 27.5; Масловский 2006: рис. 20.3].

Таким образом, находки испанской и итальянской посуды (за исключением № 3), происходят из слоев над каменными завалами или внутри завалов, но над слоем черепиц, характерных для крыш домов XIII столетия, т.е. слоев, относящихся к XIV столетию, и вероятно, к середине — второй половине XIV столетия. Материалы из слоев этих помещений представляют собой в основном поливную керамику местного (? Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма) XIV столетия, за небольшим исключением сосудов византийских центров конца XIII — начала XIV столетия. Ряд керамических находок находят свои аналогии среди посуды производства крепости Чембало второй половины XIV — третьей четверти XV в. [Гинькут 2014]. Проведенные археометрические исследования некоторых образцов из раскопок

Портового района выделили группу производства Юго-Западного Крыма [Waksman, Romanhuk 2007: 384–385]. Впоследствии археометрические исследования остатков производства и готовых сосудов с крепости Чембало определили сходство групп [Waksman, Ginkut 2015: 719–723]. Таким образом, с учетом датировок поливной керамики испанского и итальянского производства второй половиной XIV в., а также близость некоторых сосудов из Портового района Херсонеса с керамическими находками этого времени из Чембало и Юго-Восточного Крыма, можно говорить о наличии археологических свидетельств существования построек XIV столетия.

После своего расцвета в XIII столетии и полного угасания после разрушения третьей четверти XIII в. [Седикова 2018: 428], мы практически ничего не можем сказать о локализации оставшейся части Херсона в XIV столетии, характеристики его повседневной жизни. Вопрос о наличии слоев XIV столетия в Портовом районе вызвал бурную дискуссию в конце XX в. — 2000-х годах. [Романчук 1982: 89–114; Романчук 2007: 513–584; Сазанов 2005: 195–213]. Однако, выявленные, хотя и небольшие, слои с материалам второй половины XIV в. позволяют нам говорить с некоторой уверенностью о существовании части построек этого периода в Портовом районе средневекового Херсона. Жизнь городского поселения в XIV столетии отражена в небольшом количестве источников [Якобсон: 1950: 34–35; Богданова 1991: 96–98]. И если вопрос о зависимости города, его топографии в конце XIII–начале XIV столетия остается открытым, то во второй половине XIV столетия Херсон входил в поле зрения консульства Чембало [Богданова 1991: 96–98; Бочаров 2017: 207, 210].

Материалы из раскопок Портового района, выше описанных слоев синхронизируются с материалами из раскопок крепости Чембало и прилегающего посада у Восточной оборонительной стены (ул. Кирова-Историческая) [Гинькут 2001: 53–60, Гинькут и др. 2021: 64–70]. Это позволяет нам говорить о едином пространстве материальной культуры Чембало и Херсона во второй половине XIV столетия. Наличие итальянской и испанской керамики лишь подтверждают наше предположение. Остается открытым вопрос о «мощности» города в первой половине XIV столетия. Небольшое количество артефактов из верхних слоев Портового района все же позволяют говорить о существовании поселения в это период. Возможно,

что ревизия материалов раскопок прежних лет (попытки отделения слоев третьей четверти XIII в. и материалов XIV в.) позволит локализовать постройки, относящиеся к последнему этапу жизни города, и представить масштаб поселения на этот период.

Библиография

БОГДАНОВА Н. М. 1991. Херсонес в X–XV вв. Проблемы истории византийского города. // Причерноморье в средние века, 1, с. 8–172.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. 2012. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода 2012 г. (вторая половина XIII — КОНЕЦ XIV вв.) // Поволжская Археология. № 1. С. 20–36

БОЧАРОВ С.Г. 2017. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское. Поволжская археология. 2: 204–223 // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Том: 3. Номер: 1. 16–41

ГИНЬКУТ Н.В. 2001. Поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок «консульской церкви» Чембало. // В: Бабинов Ю. А. (гл. ред.). Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: сборник научных трудов. Севастополь: Вебер. 53–60

ГИНЬКУТ Н. В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // Херсонесский сборник. — Севастополь, 2005. Вып. XIV. С. 99–120.

ГИНЬКУТ Н.В. 2013. Византийская поливная керамика Чембало (Крым) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи / ред.-сост. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М. 441–459

ГИНЬКУТ Н.В. 2014. Производство поливной керамики во второй половине XIV — середине XV в крепости Чембало // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. № 19.— С. 311–344.

ГИНЬКУТ Н.В. 2019. Итальянская поливная керамика генуэзского и османского времени с территории консульства и крепости Чембало / Н. В. Гинькут // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та,. — Вып. 47. — С. 170–194

ГИНЬКУТ Н.В., ИВАНОВ А.В., САВЕЛЯ Д.Ю. 2021. Керамика генуэзского времени из предместья крепости Чембало (по результатам охранных исследований в 2003–2005 гг., г. Балаклава, ул. Кирова — Историческая). Предварительный обзор // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции. — Москва. — С 64–70.

ГИНЬКУТ Н. В. 2022. Редкие типы поливной кухонной и столовой керамики из раскопок крепости Чембало и ее окружи // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь, 2022. Издательство: «Антиква» (Симферополь). — С. 24–31.

- ЗЕЛЕНКО С. М., ТЕСЛЕНКО И. Б., ВАКСМАН С. Й. 2012. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збіркан наукових праць. — Киев. — С. 129–148.
- ЛЯМИН А. В. Отчет о раскопках Портового квартала – 2 в 1999 г. // НАО ГИАМЗ. Ф. 1. Д. 3444
- МАЙКО В. В. 2023. Средиземноморский импорт средневековой Сугдеи XIV–XV вв. Старые находки — новые проблемы // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VII Международной научной конференции. — Москва. В печати.
- МАСЛОВСКИЙ А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 Азов. — С. 308–473.
- РОМАНЧУК А. И. 1982. Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. / А. И. Романчук // Античная древность и средние века. — Свердловск. — [Вып. 19]: Византия и ее провинции. — С. 89–114.
- РОМАНЧУК А. И. 1984. Отчет о раскопках 2-го квартала Портового района. 1978 г. // НАО ГИАМЗ. Ф. 1. Д. 1984. 59 л
- РОМАНЧУК, А. И. 2003. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: УрГУ.
- РОМАНЧУК А. И. 2007. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: монография: [в 2 т.]. Т. 2: Византийский город. Екатеринбург. — 664 с.: ил..
- РЫЖОВ С. Г., ГОЛОФАСТ Л. А. 2000. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т. — Вып. 31. — С. 251–265
- САЗАНОВ А. В. 2005. К вопросу о комплексе XIV в. из портового района Херсонеса. Причерноморье в средние века, VI, с. 195–213.
- СЕДИКОВА, Л. В. 2018. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, XXIII, с. 402–458
- ТЕСЛЕНКО І. Б. 2018. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улут Улусу // Археологія і давня історія України, вип. 4 (29). — С. 2–83
- ТЕСЛЕНКО И. Б. 2021. Керамика Крыма XV века. Киев: ИА НАН Украины.
- ЯКОБСОН, А. Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). Материалы и исследования по археологии СССР, 17. Москва: Наука.
- BERTI G. 1997. Pisa. Le “Maioliche Arcaiche”. Secc. XIII–XV (Museo Nazionale di San Matteo). All’Insegna del Giglio s.a.s. Firenze.
- BLAKE, H. 1986. The Ceramic Hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula Type of Spanish Lusterware. In: Zozaya, J. (ed.). Actas II Coloquio cerámica medieval del Mediterráneo occidental, Toledo, 1981. Madrid: Ministerio de Cultura, p. 365–407.
- BLAKE, H., HUGHES, M., MANNONI, T., PORCELLA, F. 1992. The earliest Valencian lustreware? The provenance of the pottery from Pula in Sardinia. In: Gaimster, D., Redknap, M. (eds.). Everyday and Exotic Pottery from Europe. Oxford: Oxbow, p. 202–224

BLAKE H. 2021. Archaic Maiolicas in the North, c. 1280–1450. In: *Maiolica In Italy and beyond. Papers of a symposium held at Oxford in celebration of Timothy Wilson's Catalogue of Maiolica in the Ashmolean Museum*. Edited by J. V. G. Mallet and Elisa Paola Sani.— p.25–56.

FRANÇOIS V. 1999. *Céramiques médiévales à Alexandrie*. Institut Francais d'Archeologie Orientale. Le Caire.

GREGORY T. E. 1993. Local and imported medieval pottery from Isthmia // *La ceramic nel Mondo Bizantino tra XI e XV secolo e i suoi rapporti con l'Italia*. Atti del Seminario Certosa di Potignano (Siena), 11–13 marzo 1991. Firenze. P -. 283–306

NEPOTI S. 2006. Le ceramiche // S. Antonio in Polesine. *Archeologia e storia di un monastero estense* (Cura di Ch. Cuarnieri). All'Insegna del Giglio, Bologna 2006. P. 91–114.

NEPOTI S. NIERI CH. 2006. 3.1. Le ceramiche // S. Antonio in Polesine. *Archeologia e storia di un monastero estense* (Cura di Ch. Cuarnieri). All'Insegna del Giglio, Bologna 2006. P. 117–133.

PAPANICOLA-BAKIRTZI, D. (Ed.). (1999). *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens.

PRINGLE D. 1982. Some more Proto-Maiolica from 'Athilit (Pilgrims'Castle) and a Discussion of its Distribution in the Levant // *Levant*. Vol. XIV. 1982. P. 104–117

PRINGLE D. 1984. Thirteenth—Century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // *Levant*, Vol. XVI (1984). P. 91–111

RAY A. 1999. *Spanish Pottery 1248–1898 with catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum*.-London.

SPIESER J.-M. 1996. *Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon // Pergamenische Forschungen*. Band 9.— Berlin New York, 1996.

VAVYLOPOULOU-CHARITONIDOU A. 1989. Céramique d'Offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'Hippodrome de Thessalonique // *Bulletin de Correspondence Hellénique*.— Sup. XVIII (1989), p. 210–232

WAKSMAN S.Y., ROMANHUK A.I. 2007. Byzantine Chersonesos, an Investigation of the Local Production of Ceramics by Chemical Analysis // *Çanak*. Vol. 7. P. 383–398.

WAKSMAN S.Y., ERHAN N., ESKALEN S. 2009. Les ateliers de céramiques de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2008 // *Anatolia Antiqua*.— XVII. P. 457–467

WAKSMAN S. Y., GINKUT N. 2015. Late medieval pottery production in South Western Crimea: laboratory investigations of ceramics from Cembalo (region of Sebastopol / Chersonesos) // *Actas do X Congresso Internacional a cerâmica medieval no Mediterrâneo*, Oct 2012, Silves & Mértola, Portugal. 2015. P. 719–723

CHARLES K. WILLIAMS II AND ORESTES H ZERVOS. 1992. Frankish Corinth: 1991 // *Hesperia*. Vol. 61, No. 2 April-June, 1992. P.133–179.

Гладышев А. В.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ЧЕСТИ»*

Gladyshev A. V.

FROM THE HISTORY OF IDEAS ABOUT «HONOR»

«Честь» — один из самых популярных и в то же время туманных императивов поведения. Во имя нее сражались и умирали, но четко определить, что же это такое всегда затруднялись. Толкования ее часто амбивалентны. Словарь В. И. Даля определяет честь и как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистую совесть», и в то же время как «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое». Сегодня это область междисциплинарных исследований. Вопросы защиты чести и достоинства сегодня рассматривают правоведы, культурологи пытаются определить генезис понятий «честь» и «дуэль», позиционируя дуэль как норму европейской культуры, понятийный слой концепта «честь» разбирают лингвисты. Проблематика чести с разных сторон затрагивается в работах по различным направлениям философии, этнологии, педагогики. Среди историков одно время бытовало убеждение о «чести» как важной составной части некоего эвентуального «рыцарского кодекса морали» [СТЕФАНОВИЧ 2003].

Что касается историков, то специалисты в самых разных областях (от гендерных исследований до исторической антропологии и истории чувств) изучают социальные практики и ритуалы, связанные с честью. Но в большинстве исторических исследований вопросов чести и связанных с ней ритуалов речь идет о традиционных сословных обществах, в которых честь выполняет роль социального регулятора с моральным

* Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи»

содержанием. Принято считать, что для общества XIX в. эта функция чести теряет актуальность, и историки интересуются главным образом дуэлями, рассматривая их при этом как анахронизм [SPEITKAMP 2010].

Между тем, приносящая в мирное время из-за дуэлей или кровной мести едва ли не больше вреда, чем пользы честь становится одним из эффективных и не слишком затратных инструментов поднятия боевого духа в военное время. Наполеоновская эпоха дает массу примеров использования понятия «честь». Отдельный случай — поведение гражданских властей в условиях военной оккупации. Возможно ли, вообще говорить о сохранении чести в таких условиях? Как совместимы честь и коллаборационизм? Любопытный пример отстаивания «чести департамента» со стороны французской гражданской администрации дает история оккупации австрийцами в январе 1814 г. Савойи, в частности, Шамбери — главного города департамента Мон-Блан.

Савойя относительно недавно до описываемых событий была присоединена к Франции, в 1792 г. Наступление союзников оживило идеи вернуть Савойю под скипетр Сардинского короля. С одной стороны, за 22 «французских» года из местных военных или госслужащих здесь сложилась партия сторонников империи. С другой стороны, была масса недовольных появлением новой аристократии, антиклерикализмом французских солдат, ростом едва ли не в три раза налогов и особенно воинской повинностью. Т.е., имел место определенный «раскол элит».

При приближение австрийских войск помалкивавшая до этого в своих замках старая савойская аристократия подняла голову. Наиболее активно повел себя долго служивший сардинскому королю семидесяти семи летний генерал-майор граф Янус (Жан) Жербе де Сонна или Жербе-Сонна. Он поспешил встретиться с командующим главной армией союзников Карлом Шварценбергом. Сонна изложил Шварценбергу свой план по освобождению Савойи от французов. План, в частности, формирование войска из местных добровольцев, создание временного правительства и последующую передачу Савойи под власть Виктора Эммануила I. Шварценберг отдал соответствующие распоряжения наступавшему на Южную Францию во главе корпуса Фердинанду фон Бубне унд Литтицу, а тот —

наступавшему на Шамбери генералу Т. Й. Цехмейстеру. Ф. Бубна обещал передать Сонна управление Савойей, экипировать и вооружить формировавшиеся отряды савойских добровольцев [GUICHONNET 1996].

20 января 1814 г. Шамбери был занят частями австрийского генерала Т. Й. Цехмейстера. Оккупационному командованию предстояло наладить систему управления департаментом. Т. Й. Цехмейстер объявил членам муниципалитета о решении назначить губернатором Савойи Януса де Сонна. Но неотложные задачи расквартирования и снабжения войск не позволяли ему ждать прибытия де Сонна. Обязанности временного префекта по управлению всей оккупированной зоной были возложены на мэра Шамбери Жана-Батиста д'Онсьё (d'Oncieu или Doncieu), маркиза де Ла Бати (La Bâtie) (1765–1847).

Жан-Батист д'Онсьё, бывший пьемонтский офицер, служивший лейтенантом в «Женевском полку» (существовал с 1660 по 1802 гг.) и демобилизовавшийся в 1798 г., стал мэром Шамбери в 1813 г. Т. Й. Цехмейстер, объявив о грядущем назначении губернатором Савойи Сонна, упомянул и о намерениях этого генерала создать несколько полков от имени короля Сардинии. Д'Онсьё было поручено всячески содействовать Сонна в этом предприятии.

Полный надежд 29 января Янус Сонна прибыл в Шамбери. Но здесь его ждало разочарование. Представления о чести сардинского генерала столкнулись с представлениями о чести мэра Шамбери. Бывший сардинский лейтенант и бывший сардинский генерал-майор не смогли договориться.

7 марта, в период, когда французы на время вернули себе Шамбери, д'Онсьё составил на имя чрезвычайного комиссара в 7-м военном округе графа Жан-Дени-Рене де Сен-Валье меморандум или, выражаясь современным канцелярским языком, своего рода объяснительную, в которой он пояснил мотивы своего сотрудничества с оккупационными войсками австрийцев в январе-феврале 1814 г. Текст опубликован в книге Ксавье Ру. Здесь же опубликовано и постановление Сен-Валье по делу о коллаборационизме д'Онсьё [ROUX 1894: 221–237].

Д'Онсьё писал, что согласился управлять департаментом, чтобы не оставить департамент на откуп «агенту короля Сардинии», и его «преступной партии». Д'Онсьё, по его собственным уверениям, намеревался

«противопоставить железный заслон всем проектам в пользу короля Сардинии и сохранить в неприкосновенности честь департамента (*l'honneur du département*) или погибнуть, защищая ее» [ROUX 1894: 225–226]. Больше всего Д'Онсьё тревожили планы Сонна по набору полков добровольцев. Когда прибывший в Шамбери де Сонна потребовал от мэра предоставить ему дом под штаб-квартиру и провиант для его людей, тот ответил, что не знает ничего ни о какой штаб-квартире, ни о самом де Сонна, да и знать не хочет. Более того, д'Онсьё отправился к генералу де Цехмейстеру с жалобой на дерзость г-на де Сонна и заявил, что он скорее покинет город, чем подтвердит, даже своим присутствием, миссию человека, которая приведет к гибели страны и ее позору (*déshonneur de pays*). Престарелый де Сонна приболел и, очевидно, не мог адекватно выполнять функции губернатора Савойи (он скончается 15 февраля). Д'Онсьё, понимая это, грозил Цехмейстеру своей отставкой. Цехмейстер передал мэру формальный приказ от имени графа Бубны не чинить никаких препятствий миссии г-на де Сонна, выделять ему деньги, а для его офицеров жилье и припасы. Но агитация в пользу Сардинского короля, по признанию самого д'Онсьё, заставила его еще лучше ощутить все опасности ловушки, расставленной для страны, честь (*l'honneur*) которой была временно доверена ему. Когда по просьбе Т. Й. Цехмейстера в доме мэра был организован званый ужин, де Сонна с его людьми сюда не пригласили.

В конце своего меморандума д'Онсьё выразил надежду, что, оценивая поведение мэра в период оккупации, Сен-Валье найдет «честь департамента нетронутой» (*l'honneur du département*).

Сен-Валье интересовали вопросы не столько «чести департамента», сколько честности (верности императору) конкретных лиц. План Януса де Сонна провалился (вместо пяти-шести полков удалось набрать менее двух сотен), но активность просардинской партии во время оккупации была налицо. Прибыв в освобожденный Шамбери, он сразу же приступил к выявлению «пятой колонны». И вернувшийся в Шамбери префект Фино, и заместитель Сен-Валье в его миссии Анри Бейль, известный всему миру как Стендаль, отзывались о д'Онсье, как о человеке в высшей степени честном.

В результате расследования в отношении поведения д'Онсье ничего предосудительного обнаружено не было. Логика Сен-Валье такова: в принципе д'Онсье дал австрийцам только то, в чем не мог отказать. Поэтому Сен-Валье, несмотря на то, что его очень настойчиво убеждали в обратном, постановил: «Г-н д'Онсье-старший продолжит выполнять свои функции мэра города Шамбери. Его поведение в целом одобряется!» [ROUX 1894: 237].

Если бы история на этом закончилась, то можно было бы констатировать, что бывший пьемонтский лейтенант Жан-Батист д'Онсье, став мэром, проявил примерную преданность Императору.

Но последующие события и дальнейшее поведение д'Онсье, кажется, позволяют нюансировать его позицию. 25 марта 1814 г. войска Бубны вновь заняли Шамбери, началась вторая австрийская оккупация города и региона. Первый Парижский договор от 30 мая 1814 г. савояры, с одной стороны, встретили с облегчением: иностранные войска подлежали эвакуации, а с другой стороны, Савойя оказалась разделена на две части. 30 мая 1814 г., как выразился Жозеф де Местр, «разделили неделимое»: департамент Мон-Блан был разделен между Францией и Сардинией. Шамбери остался за Францией. При этом границу между Францией и Сардинией провели столь произвольно, что дом мог оказаться в одном государстве, а виноградник — в другом [DREYFUS, GAUCHON 2015]. Д'Онсье оставался мэром до конца мая: после заключения мира 30 мая он отправился в Турин, куда вернулся к тому времени король Сардинии Виктор-Эммануил I.

Сложно сказать имела ли место личная встреча д'Онсье с сардинским королем: у части либеральных савояров имелись опасения относительно личных способностей и политических намерений Виктора-Эммануила [Palluel-Guillard 1999: 488], а дело мэра Шамбери — коллаборациониста, бонапартиста и разрушителя планов де Сонна в одном лице — не могло не быть известно в Турине. Видимое изменение политического курса д'Онсье связано, кажется, не столько с Туринем, сколько с Шамбери: он отныне решительно выступает против раздела Савойи между Францией и Сардинией и готов рассмотреть любые варианты ее воссоединения. Поскольку

самым реальным был вариант воссоединения Савойи под скипетром Виктора-Эммануила, мы находим д'Онсье в рядах просардинской партии.

Летом 1815 г. д'Онсье стал организатором «оккультного плебисцита» в пользу возвращения Савойскому дому герцогства, восстановленного в его территориальной целостности. По условиям Второго Парижского мирного договора от 20 ноября 1815 г. Франция вернула Сардинии часть Савойи, которая вновь стала единой. В конце концов, сардинский режим осыпал Ж.-Б. д'Онсье почестями [MILBACH 2016: 89]. Он был реинтегрирован в сардинскую армию. 1 ноября 1816 г. в звании полковника был назначен командующим Королевским корпусом карабинеров. К началу 1830-х гг. д'Онсье стал символической фигурой проекта сардинской Савойи [SORREL 2001: 109–110]. В 1831–1833 гг. д'Онсье достиг пика своей карьеры став генерал-губернатором герцогства. Теперь он, ожидая прибытия в Шамбери с инспекцией наследного принца Карла-Альбера, вновь в своих воззваниях к савоярам апеллировал к понятию «чести»: усердие, энтузиазм и мужество солдат лишь увеличиваются при мысли о чести, которая выпала сражаться под командованием принца из дома Савойи, который уже показал себя достойным своих предков.

Зимой 1814 г. д'Онсье всячески противился просардинскому проекту де Сонна. При этом и де Сонна, и д'Онсье оба апеллировали к понятию «чести». Летом 1815 г. «делом чести» для него стало служить королю Сардинии. Обыкновенная политическая мимикрия или нечто большее? «Честь» в дискурсе д'Онсье — пустой звук, не более чем обиходная форма оправдания своих поступков или же она все еще составляющая системы ценностей?

Видимо, эту историю с «департаментской честью», следует поместить в контекст истории противостояния савойского партикуляризма и сардинского легитимизма.

Проект де Сонна д'Онсье рассматривал как «преступную авантюру, которая несла с собой гибель и позор савойской нации (*nation savoyarde*)». Наполеон, меняя содержание «чести» как мотива поведения граждан, придавал большее значение продвижению по службе и отличиям, поддерживал корпоративный дух [LYNN 1989: 163]. Но д'Онсье, апеллируя понятием

«честь», имел в виду совершенно иную корпорацию, нежели император. Он вел речь о «честь департамента» и при этом в его дискурсе присутствовала «савойская нация». Д'Онсье, сопротивляясь проекту де Сонна, выступил даже не как имперский функционер, а в первую очередь как савойский функционер. Дебаты 1814–1815 гг. о судьбе Савойи способствовали утверждению идеи самостоятельности (идея «независимости» этого региона была чужда их политической культуре). Так идеал самоуправления глубоко укоренился в сознании местных элит. Д'Онсье не являлся аутентичным роялистом и не мог принять идеи сардинского легитимизма де Сонна, ничего не «выторговав» ни для себя, ни для Савойи.

Савойское дворянство, вернув себе в годы империи власть, при поддержке части буржуазии стало выдавать себя за защитника интересов некоей «савойской нации», которые являлись, прежде всего, интересами этой господствующей группы и отождествлялись ею с реставрацией и долговечностью монархического строя [SORREL 2001: 109]. Карьера маркиза д'Онсье прекрасно иллюстрирует этот вариант.

Библиография

- Dreyfus É., Gauchon Ch. Cartographies d'un territoire éphémère le département du Fier (Savoie, 1814–1815) // Bulletin du Comité Français de Cartographie. 2015. N°224.
- Guichonnet P. (dir.). Nouvelle histoire de la Savoie. Toulouse, 1996.
- Lynn J. A. Toward an Army of Honor: The Moral Evolution of the French Army, 1789–1815 // French Historical Studies. 1989. T. 16. № 1.
- Milbach S. Elites en transition. Gérer le territoire en guerre et assurer le changement de nationalité // Savoie occupée, partagée, restaurée, 1814–1815. Chambéry, 2016.
- Palluel-Guillard A. L'aigle et la croix: Genève et la Savoie, 1798–1815. Yens; Morges, 1999.
- Roux X. L'invasion de la Savoie et du Dauphiné: par les Autrichiens, en 1813 et 1814: d'après des documents inédits. 2 v. Grenoble, 1892. T. 2.
- Sorrel Ch. Une tumultueuse mission à Chambéry en 1832 ou la Savoie à la croisée des chemins // Recherches regionales. Alpes-Maritimes et Contrées limitrophes. 2001. № 158.
- Speitkamp W. Ohrfeige, Duell und Ehrenmord. Eine Geschichte der Ehre. Stuttgart, 2010.
- Стефанович П. С. «Честь» и «Слава» на Руси в X — начале XIII вв.: Терминологический анализ // Мир истории. 2003. № 2.

Днепровский Н. В.

Издательство «Невская Лавра», Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ЛИТУРГИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВАХ ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ БАЗИЛИКИ

Dneprovskiy N. V.

ON THE QUESTION OF THE LITURGICAL DEVICES OF THE ESKI-KERMEN BASILICA

Эски-Керменская базилика, созданная, по мнению Ф. И. Шмита, выходцами из Коммагены [Шмит 1932: 240], изучалась, главным образом, с архитектурной точки зрения. Так, на иллюстрациях к статьям Ю. Г. Лосицкого и Е. А. Паршиной [Лосицкий, Паршина 2002: табл. I — план и перспективная реконструкция; Паршина 1988: 37, рис. 1 и 54, рис. 10 — планы, 56, рис. 12 — перспективная реконструкция] интерьер храма больше похож на концертный зал, где ничто не напоминает о богослужении. Даже трёхступенчатый синтрон в абсиде выглядит как трибуна или амфитеатр зрительских скамей, поскольку в его центре нет и намёка на архиерейское седалище, хотя подножье последнего ясно видно на архивных снимках (рис. 1, *а–в*). Правда, в статьях упоминаются архитектурные детали, которые могли быть частями «предалтарной преграды» [Лосицкий, Паршина 2002: 106, рис. 5; Паршина 1988: 55, рис. 11], а в одной из них [Лосицкий, Паршина 2002: 109, рис. 7;] даже указано место последней, но лишь на разрезе — ни на планах, ни перспективном чертеже её нет.

Настоящая публикация имеет своей целью в какой-то мере восполнить указанный пробел и посвящена остаткам литургических устройств базилики.

Один из этих остатков сейчас установлен в главной абсиде храма. Это ножка престола. Однако найдена она был не в этой абсиде, а в южной, и, к тому же, в опрокинутом состоянии (рис. 2, *а*). На своё место она была установлена для фотографирования — кстати, обратной стороной

к зрителю (рис. 2, б), и фиксации на плане базилики (рис. 1, з) и продольном разрезе её южного нефа (рис. 2, в).

Столб четырёхгранный, грани его плавно изгибаются кверху. На рис. 3, а представлена его лицевая сторона, отсутствующая на архивных снимках. Высота его 0,98 м, размер основания — 0,44х0,34 м. Углы до высоты 0,19 м острые, а выше скруглены, угловые фаски отсутствуют. Верхняя площадка плоская, размером 0,26х0,33 м. В лицевой грани на высоте 0,27 м от основания выбито прямоугольное углубление для мощей высотой и глубиной 65 мм и шириной 43 мм. Над самым отверстием вырезан «латинский» крест с дельтовидными окончаниями ветвей. Его размер — 0,124х0,24 м, размер верхней ветви — 78 мм. Другой крест вырезан на тыльной грани столба на высоте 0,4 м. Его размеры 0,08х0,22 м, длина верхней ветви около 80 мм, концы вертикальной ветви раздвоены, концы горизонтальной имеют дельтовидные окончания. Ночью при касательном освещении видно, что оба креста были «надчеканены» поверх других изображений (рис. 3, б).

Фрагмент второго престола — это верхняя часть сильно оббитого столба в виде прямоугольной призмы общей длиной 0,55 м (рис. 3, в). На его верхней площадке размерами 0,22х0,28 м имеется посадочный выступ размерами 12х15х9 см. В 0,25 м от верхней площадки вырублено некогда прямоугольное, а ныне сильно оббитое гнездо для мощей шириной 35 мм, высотой 55 мм и глубиной 70 мм. Крестов на столбе нет.

Третий фрагмент представляет собой верхнюю часть подобного же столбика сечением 0,19х0,21 м, имеющего угловые фаски шириной 40 мм и посадочный выступ на верхней площадке (рис. 3, з). Размеры последнего — 0,115х0,130х0,038 м. Общая длина обломка — 0,26 м.

Кроме того, архитектурные детали, имеющие отношение к обсуждаемой теме, представлены и на одном из полевых чертежей Эски-Керменской экспедиции, а их эскизы с дополнительной информацией содержится в двух полевых блокнотах, датированных 1930 г.

В числе прочего там описаны и «остатки престола из центральной абсиды» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 217. Л. 8]. К сожалению, номер этой важнейшей находки не указан. Нет её и на фотографиях центральной абсиды. Это — нижняя часть сужающегося кверху

четырёхгранного столба со снятыми угловыми фасками, высотой 0,46 м (рис. 3, д). Размер основания столба — 0,31х0,40 м при ширине граней в 0,29 и 0,235 м и ширине угловых фасок по 0,06 м. В верхней части размеры столба уменьшаются до 0,18х0,23 м, а ширина фасок — до 0,05 м. В узкой грани столба на расстоянии 0,27 м от его основания вырублено углубление для мощей высотой 0,045 м и глубиной 0,025 м (ширина не указана).

Вторая интересная архитектурная деталь, зарегистрированная под «№ 28/а» — «квадратный столб со вставкой из местного крупного нуммулит. известн. Найден в северн. нефе». [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 217. Л. 40]. Он четырёхгранный, высотой 0,96 м, со слегка скруглёнными углами без фасок (рис. 3, е). Размеры основания — 0,28х0,30 м, верхней площадки — 0,22х0,24 м. В центре последней имелся прямоугольный выступ размерами 0,14х0,15 м (высота не указана). Об отверстии для мощей не говорится. Однако не исключено, что это — основание жертвенника.

И, наконец, без указания места находки, под «№ 235 (238?)» (так в тексте; на беловом чертеже она имеет номер 228 — *Н. Д.*) описана «восьмигранная колонка из местного известняка (рис. 3, ж). По широким граням вертикально идёт плетение, которое слабо сохранилось на двух гранях» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 217. Л. 28]. Эта «колонка» представляла собой сужающийся кверху четырёхгранный столб с фасками по углам (рис. 3, ж). Верхняя часть его обломана. Высота обломка — 0,48 м, ширина основания — 0,20 м (второй размер не указан), габариты верхней части — 0,15х1,15 м, ширина основных граней вверху — 0,11 м, ширина угловых фасок вверху — 0,05, 0,06, 0,085 и 0,055 м.

Ещё для двух находок текстовое описание отсутствует, сообщается лишь, что их материал — это «мелкий нуммулит», а на эскизах проставлены размеры.

Под № 306 изображен четырёхгранный столбик высотой 0,65 м [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 218. Л. 2]. Верх его обломан, а нижняя часть до высоты в 0,2 м прямоугольная в плане без угловых фасок (рис. 3, з). Выше этого уровня столб сужается кверху и имеет угловые фаски. Размеры основания столба — 0,22х0,27 м, размер верхней части — 0,19х0,21 м. Ширина граней вверху — 0,13 м, ширина фасок — 0,075 м.

Второй подобный столбик с фасками (рис. 3, и) изображён под № 320 и сохранился, напротив, лишь в своей верхней части [там же]. Высота этого обломка — 0,45 м. Ширина граней внизу — 0,11 и 0,15 м, при ширине фасок в 0,06 м. Общие поперечные размеры на эскизе не указаны. Для верхней площадки столбика указаны, напротив, только они (0,18х0,21 м) при ширине фасок в 0,06 м. В середине верхней площадки присутствует гнездо глубиной 0,11 м. На эскизе его форма близка к прямоугольной, однако вместо длины и ширины имеется единственное указание: «d = 0,06».

Приведённый выше анализ архитектурных деталей позволяет говорить о наличии в Эски-Керменской базилике как минимум трёх престолов, имеющих однотипные углубления для хранения мощей, однако относительная хронология их использования остаётся неизученной. Кроме того, существовали и другие архитектурные фрагменты, которые могли быть интерпретированы как части престолов и жертвенника.

Библиография

ЛОСИЦКИЙ Ю. Г., ПАРШИНА Е. А. Эски-Керменская базилика. // Православные древности Таврики. — Киев: Стилос, 2002. — С. 99–113.

ПАРШИНА Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К.: Наукова думка. 1988. — С. 36–59.

ШМИТ Ф. И. Эски-Керменская базилика // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. Т. 12, вып. 1–8. С. 213–254. (Готский сборник / Отв. ред. В. И. Равдоникас. [Л.], 1932).

Эски-Кермен. Полевые чертежи. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 214.

[Эски-Кермен, 1930 г. Полевая опись находок (авторское название документа отсутствует)]. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 217.

[Эски-Кермен, 1930 г. Полевая опись находок (авторское название документа отсутствует)]. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. № 218.

Эски-Кермен 1930 г. Базилика. РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-І. Д. 125. Л. 15.

Сокращения

РО (ФО) НА ИИМК РАН — рукописный отдел (фотоотдел) научного архива Института истории материальной культуры РАН.

ФО НА ИИМК РАН — фотоотдел научного архива Института истории материальной культуры РАН.

Дорошко В. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

Самойленко В. Г.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

БРОНЗОВАЯ ПАНЦИРНАЯ ЧЕШУЙКА С МЕДИАЛЬНЫМ РЕБРОМ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Doroshko V. V.

Samoilenko V. G.

BRONZE ARMORED SCALE WITH A MEDIAL RIB FROM THE EXCAVATIONS OF TAURIC CHERSONESE

Херсонес, будучи расположенным на окраине античного мира, постоянно противостоял своему варварскому окружению. Очевидно, в этой борьбе совершенствовалось военное дело граждан полиса, представление о котором у нас формируется, в основном, на примере изучения воинских надгробий и оборонительных сооружений. Что касается изучения деталей защитного и наступательного вооружения, то помимо многочисленных находок наконечников стрел, для изучения остается набор из нескольких предметов. Поэтому не удивительно, что мы уделяем пристальное внимание панцирной чешуйке, единственной найденной за всё время раскопок в Херсонесе (рис. 1, 1).

Она была обнаружена в конце 2016 г. экспедицией Херсонесского музея-заповедника под руководством В. Г. Самойленко, во время исследований участка к северо-востоку от городского водохранилища, получившего обозначение «квартал у Южных ворот». Основной объем работ проводился на участке 3, под полом т.н. «помещения с пилястрами». Здесь исследовалась мощная засыпь, образовавшаяся во второй половине II в.

при строительстве городского водохранилища (рис. 1, 2). В ней найдены многочисленные фрагменты амфор и столовой посуды I–II вв., а также в незначительном количестве находки эллинистического времени. Таким образом, верхняя граница контекста находки — вторая половина II в.

Форма пластины сохранилась полностью, если не считать небольших утрат по краям (КПР 11533). Длина — 3,1 см, ширина — 1,73 см. Металлическое ядро находки не сохранилось, но можно судить, что толщина её была близка к 0,5 мм. В верхней части, ближе к углам, расположены по две пары отверстий для подшивания к основе. Форма отверстий и вдавление от нажима свидетельствуют о том, что их выбивали керном квадратного сечения. В центральной части расположено медиальное ребро, на одну пятую длины не достигающее до верхнего прямого края пластины. Ближе к низу она немного сужается и плавно переходит в заостренное окончание.

Наличие вместе таких признаков как медиальное ребро и две пары отверстий крепления позволяет очертить круг аналогичных находок и точнее обозначить временные рамки для панцирной чешуйки из Херсонеса.

Чешуи панцирей с медиальным ребром и двумя парами отверстий впервые появляются в погребальных комплексах на левом берегу Кубани в курганах рубежа эр, более известных как Зубовско-Воздвиженская группа. Здесь чешуйки были частью так называемых кубанских комбинированных доспехов, представляющих собой железную кольчугу, которую они частично покрывали [Хазанов 1971: 59–61].

В кургане у Зубовского хутора обнаружены бронзовые и железные панцирные чешуи длиной 2,9 см, шириной 1,8 см с медиальным ребром (рис. 2, 2), с той лишь разницей, что имеют скругленный нижний край [Гущина, Засецкая 1989: 87, 116, табл. XI, 112]. М. Б. Щукин, подробным образом изучавший хронологию комплексов Зубовско-Воздвиженской группы, датировал погребение кургана у Зубовского хутора третьей четвертью I в. до н.э. [Щукин 1992: 108].

Большее сходство имеют чешуйки другого комбинированного доспеха, найденного в погребении кургана у станицы Воздвиженской [Гущина, Засецкая 1989: 100, табл. V, 44]. Их длина составляет от 3 до 3,2 см, при

заостренном нижнем крае (рис. 2, 3). Однако комплекс этого погребения датируется не так узко, как в предыдущем случае. М. Б. Щукин широкую датировку определял I в. до н.э. — I в. н.э., но наиболее подходящим предполагал время последней четверти I в. до н.э. или самый рубеж эр [Щукин 1992: 109].

Остатки ещё одного комбинированного доспеха были обнаружены в разграбленном погребении кургана № 2 Никольского могильника, расположенного в Нижнем Поволжье. Его панцирные чешуи также очень схожие по форме с херсонесской находкой, однако отличаются несколько большими размерами: длина — 3,6 см, ширина — 2,3 см [Засецкая 1979: 103–104, рис. 13, 3,4] (рис. 2, 4–5). И. П. Засецкая датировала комплекс погребения второй половиной I — началом II в. н.э. [Засецкая 1979: 112], в котором из хорошо датируемых предметов во фрагментах присутствует гераклейская светлоглиняная узкогорлая амфора варианта C IVZ (первая треть I в.) или подварианта C IVA₁ (вторая — начало последней четверти I в.) по С. Ю. Внукову [Внуков 2016: 44, рис. 2, 7–18]. Поэтому временные рамки этого комплекса, предложенные И. П. Засецкой, следовало бы сместить на четверть столетия раньше.

Ещё одна очень близкая аналогия херсонесской находке обнаружена при раскопках городища Артезиан и хорошо датируется по контексту находки, поскольку происходит из слоя пожара времени римско-боспорской войны 45–49 гг. [Винокуров 2010: 40, рис. 5] (рис. 2, 6). Вероятно, эта чешуйка была частью панциря боспорского воина.

К западу от черноморского региона мы также наблюдаем использование панцирных пластин с медиальным ребром. В Ракатау, на территории современной Румынии, при раскопках доримского гето-дакийского поселения, были обнаружены чешуи панцирей, отличающиеся чуть большими размерами: 3,1 x 2,2 см и 3,5 x 2,4 см (рис. 2, 7–8) и скругленным нижним краем [Beldiman 1989: 127–128, fig. 2, 3–4]. Там же, в Ракатау, было изучено аристократическое погребение I в. н.э. с остатками панциря, состоявшего из пластин, уже более схожих по форме и размерам с херсонесской находкой: 2,3 x 1,7 см [Beldiman 1989: 128, fig. 2, 1–2] (рис. 2, 9–10). В том же регионе, в Шимлеу-Силванией была обнаружена панцир-

ная пластина, также очень схожая с находкой из Херсонеса [Bârcă 1997: 925, fig. 2, 14] (рис. 2, 11).

Все вышеперечисленные места находок на карте от Нижнего Поволжья до Южных Карпат вытягиваются изогнутой линией, в середине которой оказывается Херсонес. Это территории проживания разных народов, и, как видим, синхронно здесь были распространены чешуи с медиальным ребром, схожие по размерам и форме. Например, находки из Шимлеу-Силваний и Никольского могильника, разделенные расстоянием более 1700 км, вообще не отличаются друг от друга. То же самое можно сказать о чешуях из поселения в Ракатау и погребения в кургане у Зубовского хутора с дистанцией более 1300 км.

В тот же временной период производились панцирные чешуи с медиальным ребром и на Ближнем Востоке. Речь идет о многочисленных находках из Масады [Stiebel, Magness 2007, pl. 1–2] (рис. 2, 12–14) и Гамлы [Stiebel 2014: 76–77, fig 4.13. 49–50] (рис. 2, 15–16), которые имеют заметные от вышеописанной группы отличия: большая их часть имеет выступающие края, пары отверстий крепления часто расположены ближе к центру, нижний край всегда скругленный, а сами пластины выглядят более вытянутыми. Две соединенные чешуи из Гамлы (рис. 2, 16), скорее всего, изготовлены в римских мастерских, поскольку полностью повторяют форму гладких римских и имеют отверстия для соединения между собой посредством металлических скоб. Эту же находку можно считать наиболее поздней среди чешуй с медиальным ребром — вероятно, последняя треть I в.

В науке уже изучался вопрос о месте производства чешуек с медиальным ребром. На сходство чешуек кубанских и найденных в Израиле панцирей обратил внимание Е. В. Черненко и предполагал, что они изготовлены в римских мастерских [Черненко 1968: 30]. Его доводы поддержал А. В. Симоненко, полагая, что обнаруженные в погребениях курганов Зубовско-Воздвиженской группы комбинированные доспехи являются трофеями, добытыми сираками во время рейда в Малую Азию в 48–47 гг. до н.э. Соответственно, сами доспехи рассматриваются им как римская *lorica plumata*, которую он видит в рельефах из Палаццо Дукале и на надгробии Квинта Сертория Феста из Вероны [Симоненко 2015: 127, рис. 35,

1–2]. Хотя ни в том, ни в другом примере не получается рассмотреть кольчужное плетение в сочетании с панцирными чешуями, а только лишь чешуйчатый панцирь — *lorica squamata*. Как подтверждение А. В. Симоненко приводит редкую находку фрагментов римской кольчуги с прикрепленным чешуйками из Ньюстеда [Robinson 1975: 173, pl. 481]. Чешуи и вправду имеют медиальное ребро, но это, пожалуй, единственное сходство с кубанскими находками. Кольца кольчужного плетения и чешуйки находки из Ньюстеда бронзовые и очень малы: диаметр колец 0,5 и 0,3 см, а размер каждой чешуйки 1 x 0,7 см. Перечисленные признаки делают просто несравнимыми находки из Ньюстеда и курганов Зубовско-Воздвиженской группы. К этому мы добавим разницу по времени их изготовления примерно в столетие.

Не лишним будет вспомнить о фрагментах римских кольчуг рубежа эр, происходящих из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. На более 900 таких находок приходится только одна железная чешуйка без медиального ребра [Новиченкова 2015: 73, 75, рис. 128]. К тому же это были фрагменты разных кольчуг, которые М. В. Новиченкова разделила на 9 типов [Новиченкова 2011: 273–276]. Большинство найденных фрагментов были сплетены из колец меньших диаметров, нежели те, которые находили в погребениях сарматской знати. В этом случае, можно судить только о том, что таврам в качестве трофеев достались только кольчужные римские доспехи (*lorica hamata*), а не комбинированные (*lorica plumata*). К этому добавим, что и в местах дислокации римских войск эпохи Августа — Веспасиана панцирные чешуйки любого вида — большая редкость.

Возвращаясь к теме римских рельефных изображений, где показаны панцири *lorica squamata*, набранные из чешуек с медиальным ребром, добавим ещё ряд примеров, датированных от конца I в. до н.э. — до начала II в. н.э., дающих представление, что в это время они встречались в римской армии [Robinson 1975: pl. 446–447; Watson 1969: 18; D’Amato, Sumner 2009: fig. 6, 74, 92, 154, 158, 264]. Находка из Гамлы (рис. 2, 16) показывает, что при производстве римского доспеха учитывали местные традиции, отчеканивая ребро. Нельзя исключать и того, что доспехи из таких чешуек римляне могли получать в качестве трофеев.

На наш взгляд, логичным выглядит местное происхождение доспехов из чешуек с медиальным ребром в северопричерноморском регионе, а учитывая, что самые ранние находки происходят из Прикубанья, это, первоначально была продукция боспорских мастерских. Ещё А. М. Хазанов предполагал возможное производство доспехов в Пантикапее [Хазанов 1971: 62]. В дальнейшем в течение I в. н. э. эти панцири могли копировать соседи боспорян, постепенно дойдя до Дакии. Не исключено, что и в Херсонесе появилось свое производство.

Однако после римско-дакийских войн начала II в. примеров использования чешуек с медиальным ребром мы уже не встречаем. Это было связано с дальнейшей модернизацией чешуйчатого панциря. На определенном этапе развития (вторая половина I в. до н. э. — начало II в.) наличие медиального ребра у чешуй способствовало меньшей пробиваемости доспеха, но, как и у всех доспехов из чешуек, закрепленных только верхним краем к основе, оставалась проблема колющего удара противника снизу-вверх или бокового со стороны открытого края чешуй. Одним из решений этой проблемы к концу I в. стало соединение между собой соседних пластин на проволоочные скобы. После середины II в. каждая пластина в панцире стала фиксироваться со всех сторон на четыре скобы.

Так закончилась «мода» на панцирные чешуи с медиальным ребром и четырьмя отверстиями для фиксации, распространенная со второй половины I в. до н. э. по начало II в. н. э., что показали нам как их находки, так и римское изобразительное искусство в камне. К этому времени мы и отнесем херсонесскую находку. Нельзя сказать определенно о том, кто был её обладателем, поскольку обозначенные полтора столетия были неспокойными в истории города и здесь можно вспомнить попытку боспорского царя Асандра вернуть контроль над Херсонесом или осаду города неизвестным «скифским» царем с последующей деблокадой усилиями мезийского наместника Т. Плавтия Сильвана. Но более вероятно, что чешуйка была частью доспеха херсонесского воина, ведь найдена она внутри города рядом с оборонительной стеной.

Библиография

ВИНОКУРОВ Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан // СΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. Москва — Киев, 2010. С. 38–44.

ВНУКОВ С. Ю. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

ГУЩИНА И.И., ЗАСЕЦКАЯ И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э.— начало II в.н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. (Тр. ГИМ. Вып. 70). М., 1989. С. 71–141.

ЗАСЕЦКАЯ И. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды ГЭ. 1979. Вып. XX. С. 87–113.

СИМОНЕНКО А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья (издание 2-е). К., 2015.

НОВИЧЕНКОВА М. В. Римская кольчуга *Lorica Hamata* I в. до н.э.— I в.н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 271–297.

НОВИЧЕНКОВА Н. Г. Горный Крым: II в. до н.э.— II в.н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015.

ХАЗАНОВ А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

ЧЕРЕНКО Е. В. Скифский доспех. К., 1968.

ЩУКИН М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического семинара). Ч. 1. Новочеркасск, 1992. С. 103–125.

BÂRCĂ V. Echipamentul și armamentul defensiv sarmatic // Acta musei Prolissensis. Romani și barbari la frontierele Daciei. Zalău, 1997. P. 921–934.

BELDIMAN C. Plăcuțe de cuirasă (lorica squamata) din Dacia preromană // Carpica. 1989. T. XX. P. 125–136.

D'AMATO R., SUMNER G. Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier from Marius to Commodus, 112 BC — AD 192. London, 2009.

ROBINSON H. R. The Armour of Imperial Rome. London, 1975.

STIEBEL G.D., MAGNESS J. The military equipment from Masada // Masada VIII. The Yigael Yadin Excavations 1963–1965. Final Reports. Israel Exploration Society. Jerusalem, 2007.

STIEBEL G. D. Military equipment. Chapter 4 // Gamla III. The Shmarya Gutmann Excavations 1976–1989. Finds and Studies. 2014. P. 57–107.

WATSON G. R. The Roman Soldier. London, 1969.

Демешко Н. Э.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Калинкина Ю. В.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И ЗАРУБЕЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМУ УСИЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Demeshko N. E.

Kalinkina Yu.V.

CRIMEAN TATARS AND FOREIGN MECHANISMS TO COUNTER THE GEOPOLITICAL STRENGTHENING OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BLACK SEA REGION

Период правления Екатерины II (1762–1796 гг.) был ознаменован значительными успехами во внешней политике России, ее интеграционной активностью и государственным могуществом. Наступательный внешнеполитический курс осуществлялся параллельно с масштабным реформированием общества. В результате трех разделов Польши к России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. В 1783 г. Крым и Кубань вошли в состав Российской империи, а согласно Георгиевскому трактату в том же году обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии, и впоследствии её присоединение к России. Территориальные приращения Екатерины II стали следствием благоприятных геополитических условий. Западные державы — Великобритания и Франция в период с 1688 по 1815 гг. в течение «долгого восемнадцатого столетия» находились в состоянии постоянных войн в борьбе за глобальное доминирование. Поэтому у России появилась возможность территориального

расширения в географических рамках Балто-Черноморской дуги. Именно в данной дуге проходит исторический и цивилизационный спор о границе России и Европы [Ирхин, Чихарев 2018: 48].

Подписание манифеста «О принятии полуострова Крым, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» поставило перед Россией достаточно сложную задачу — интегрировать в российское пространство крымско-татарское население, тяготеющее в религиозной, культурной и политической сферах к Османской империи. При этом для ослабления позиций России в Черноморско-Средиземноморском регионе зарубежными государствами использовался и национальный вопрос, как фактор сдерживания России, нивелирования внешнеполитических успехов государства и формирования напряженности внутри имперского пространства. Данные манипуляции наиболее активно применялись в рассматриваемый период Францией, Великобританией и Османской империей, в том числе и в отношении крымско-татарского этноса.

С момента присоединения Крыма к России до XIX в. можно условно выделить периоды взаимодействия иностранных государств с крымскими татарами.

XVIII — начало XIX вв. — продолжается сбор информации о крымских татарах представителями европейских государств, который был начат задолго до включения Крыма в состав Российской империи.

Начало XIX в. — попытка Франции использовать стремления представителей крымско-татарского народа восстановить свою государственность.

Середина XIX в. — воздействие на крымских татар Османской империей, Францией, Великобританией для получения поддержки и лояльности при оккупационном режиме в период Крымской войны.

После 1783 г. европейскими государствами осуществлялся сбор информации о географических, экономических, демографических особенностях полуострова, как части Российской империи. Изучение источников и литературы позволяет сделать вывод, что основными каналами получения информации изначально выступали: дипломаты, находившиеся на территории Российской империи, а также путешественники, которые занимались сбором эмпирических данных о Крыме. Изучение Крыма

осуществлялось и многочисленными путешественниками, посетившими полуостров в конце XVIII-начале XIX вв. (Шарль де Бар (1784 г.), Элизабет Кравен (1786 г.), граф де Людольф (1787 г.), Эдвард-Даниэль Кларк (1800 г.), Форстер (1801 г.), Жан де Рейи (1803 г.) и др.).

Ряд путешественников и дипломатов отмечали негативное воздействие России на крымско-татарский этнос, притеснения местного населения, уничтожение экономического потенциала и культурных объектов региона. Э. Кларк, в своей работе «Путешествия в различные страны Европы, Азии и Африки» приводил многочисленные факты жестокого отношения российского правительства к местному населению: «они опустошили страну, вырубили деревья, снесли дома, священные здания... ограбили жителей... оскорбляли татар в период их публичных богослужений» [Clarke 1816: 179].

С начала XIX в. крымско-татарский вопрос актуализировался на международной арене как в период подготовки к военным действиям, так и на стадии открытых военных конфликтов. Это явно демонстрируют события Наполеоновских войн и Крымской войны. При Наполеоне I крымские татары упоминались в документах предположительного послевоенного устройства территорий, которые в будущем рассчитывала захватить Франция [Демешко 2020: 57–59]. В годы Восточной войны европейская коалиция и Османская империя для обеспечения своего тыла уже непосредственно взаимодействовали с крымскими татарами. Членами антироссийской коалиции применялись системные методы влияния в отношении данного народа:

— использование крымско-татарских эмигрантов для пропаганды перехода на сторону противника среди местного населения;

— апеллирование к исторической памяти крымских татар и авторитету династии Гиреев (потомок Гиреев Сеид-Ибраим-паша выступал на стороне коалиционных войск);

— создание органов власти из представителей крымско-татарского народа для легитимизации своего взаимодействия с представителями данного народа;

— демонстрация уважительного отношения к религии крымских татар;

— привлечение представителей крымских татар к военной службе на стороне интервентов с целью продемонстрировать массовую лояльность данного этноса к союзникам [Демешко 2020: 59–61].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в периоды конфронтации Франция, Великобритания, Османская империя с помощью крымско-татарского фактора стремились ослабить позиции России в Черноморско-Средиземноморском регионе. Зарубежные государства апеллировали к прошлому крымских татар, а именно использовали стремление представителей данного народа восстановить национальную государственность, привлекали на свою сторону потомков правящей династии Крымского ханства Гиреев. Также задействовали крымских татар в своих военных формированиях и демонстрировали уважительное отношение к религии данного народа.

Во-вторых, значительную роль в налаживании коммуникации с представителями крымских татар в рассматриваемый период сыграла Османская империя, которая в отличие от Франции и Великобритании имела совместную многовековую историю, культурную, языковую и религиозную близость с крымскими татарами.

В-третьих, в международных военно-политических столкновениях, представители крымско-татарского народа выступали, как на стороне противников России, так и отстаивали интересы Российской империи. Таким образом, в исторической ретроспективе прослеживается политическая особенность — разделение крымско-татарской элиты и социума, которые ориентировались на противоположные центры геополитического влияния.

Библиография

ДЕМЕШКО Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 2020.

ИРХИН А. А., ЧИХАРЕВ И. А. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя. Парадигмы истории и общественного развития. 2018. Вып. 12. С. 48–57.

CLARKE E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, Africa: In 2 vol. Vol. 2. London, 1816. 546 p.

Дорошко О. П.

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

**КУХОННАЯ ПОСУДА ГРУППЫ
AEGEAN COOKING WARE / ECW
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ:
К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ГОРОДА С ЭГЕЙСКИМ РЕГИОНОМ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

Doroshko O. P.

**THE POTTERY OF THE AEGEAN COOKING WARE
GROUP / ECW GROUP IN TAURIC CHERSONESOS:
ON THE ISSUE OF TRADE RELATIONS BETWEEN
THE CITY AND THE AEGEAN REGION IN ANTIQUITY**

Торговые отношения Херсонеса в античную эпоху принято изучать на примерах поступления амфор, столовой посуды, светильников, изделий из стекла (см., напр. Кадеев, Сорочан 1989). В этот список археологических источников следует добавить кухонную кружальную посуду. Одним их крупнейших центров по ее производству была восточная часть Эгейского моря, включая малоазийское побережье и прилегающие острова.

Впервые такая керамика II–III вв. была выделена Дж. Райли под названием «Imported cooking ware C» [Riley 1979: 250]. Позже Дж. Хейс сделал вывод, что посуда происходит из одного или двух производственных центров в Эгеиде [Hayes 1983: 105]. С этого времени керамика стала именоваться эгейской (Aegean cooking ware) [Istenič, Schneider 2000] или восточной (ECW — Eastern Coarse Ware) [Jurišić 2000: 34]. Под этими понятиями исследователи понимают только керамику римского времени. На самом деле, ее бытование следует рассматривать в более широких хронологических рамках.

Первые формы кухонной посуды малоазиатского производства в Херсонесе появляются около первой четверти II в. до н.э. На протяжении II—I вв. до н.э. получили распространение следующие формы кухонной посуды:

1) Кастрюли с отогнутым венчиком и округлыми горизонтальными ручками (рис. 1, 1). Наибольшее распространение получили после 180 г. до н.э. (Loras, form 4, 5 по С. Ротрофф) [Rotroff 2006: 183]. Дж. Хейс и С. Ротрофф единогласно относят производство кастрюль к малоазиатским центрам [Hayes 2000: 288, fig. 6, 1–2; Rotroff 2006: 183].

2) Крышки конической формы, имеющие заостренную или уплощенную ручку (рис. 1, 2). Распространение крышек также приходится на период 180 г.—I в. до н.э. (Lid, form 5 по С. Ротрофф) [Rotroff 2006: 198]; они являются продукцией малоазиатских мастерских [Hayes 2000: 288, fig. 6, 3; Rotroff 2006: 198].

3) Сковороды с отогнутыми прямыми стенками и округлыми горизонтальными ручками (рис. 1, 3). По мнению С. Ротрофф, их изготавливали в Фокее со 180 г. до I в. н.э. (Pan, form 1) [Rotroff 2006: 188–189].

4) Горшки с профилированным желобком венчиком и вертикальными ручками (рис. 1, 4–6). С. Ротрофф отметила, что их бытование относится к периоду 170 г.—I в. до н.э. (Chytra, form 4) [Rotroff 2006: 172]. Петрографические исследования показали однородный состав керамического теста упомянутых выше типов посуды, что свидетельствует о производстве их в одном керамическом центре, предположительно, Фокее [Amicone et al. 2014: 5–6].

Такая керамика была найдена не только в Херсонесе и его округе [Новоселова 2019: 12; Тюрин 2016: 133], но и на варварских памятниках, например, Неаполе Скифском [Зайцев 2003: 14, рис. 63], что свидетельствует о массовом поступлении данного товара в Крым.

С середины I в. до н.э. связи Северного Понта с эгейскими экспортерами резко сократились [Внуков 2014: 46]. Поступление малоазиатской кухонной керамики если не прекращено, то значительно сокращено на столетие. Только с середины I в. посуда группы ECW вновь в большом объеме поступает в Херсонес. К эгейскому производству этого времени можно отнести следующие формы:

1) Кастрюли с биконическим туловом (рис. 1, 7–9). Ранние находки датируются серединой I в. (рис. 1, 7). На протяжении всего II и в первой половине III в. в городе бытовали кастрюли двух вариантов: с приземистым туловом (рис. 1, 8) и глубоким туловом (рис. 1, 9) и [Дорошко 2021: 78]. Дж. Хейс предположил наличие двух центров их производства: на территории эгейского побережья и островной Греции [Hayes 1983: 106]. Петрографический анализ кухонной керамики, обнаруженной в Фокее, и находки бракованных форм в этом городе доказали местное производство таких кастрюль [Дорошко 2021: с.].

2) Сковороды с отогнутыми стенками и закраиной для упора крышки (рис. 1, 10). Судя по имеющимся аналогиям и контексту находок из Херсонеса, их можно датировать периодом середины — последней трети I в. [Дорошко, 2022: 310]. По мнению Дж. Хейса, данную серию сковород в середине I в. изготавливали в Митилинах (Лесбос) [Hayes 2000: 292, fig. 17, 1–2, 4].

3) Сковороды с рифленой ручкой (рис. 1, 11); эта серия продолжает форму позднеэллинистических сковород с прямыми стенками и округлыми горизонтальными ручками. Их бытование приходится на период середины I — первой четверти II в. [Дорошко 2022:]. Дж. Хейс допустил, что их могли производить в малоазийских городах [Hayes 2009: 27, fig. 19, 140] и Остии [Hayes 2009: 31–32, fig. 22, 180–181]; вероятно, в Херсонес такие сосуды поступали из Малой Азии.

4) Сковороды с красным покрытием, имеющие скругленные стенки и отогнутый край с закраиной для упора крышки (рис. 1, 12–13). Известно, что такие сковороды изготавливали в Фокее с середины I в. [Özyiğit 1991: 138, Çiz. 10]. В Херсонес они поступали со второй четверти по конец II в. [Дорошко, 2022: с.] и, по всей вероятности, заменили сковороды с рифлеными ручками.

5) Горшки с рифленым туловом и отогнутым венчиком (рис. 1, 14–15). Были распространены на протяжении II — первой половины III в. [Золотарев и др. 1997: 17, рис. 7, 17, 21]. Аналогии происходят из Ольвии [Крапивина 1993: 102], Эфеса [Rathmayr 2016: Taf. 218, K476], Афин [Robinson 1959: 55]. Дж. Хейс отнес такие горшки к эгейскому производству (тип 3) [Hayes 1983: fig. 5, 58–63]. Доказательством происхождения сосудов

из этого региона служит находка горшка в керамической печи II в. в Адрианополе [Akbuluz 2008: 91, Lev. 5, Foto 11; Lev. 18, Sek. 54].

Как видим, на протяжении середины I — первой половины II в. в Херсонесе преобладала кухонная керамика группы ECW. С середины II в. посуда становится более разнообразной по сравнению с предыдущим периодом. Сосуды отличаются составом и цветом глиняного теста, отсутствием / наличием покрытия, редко — формой. По всей видимости, этот факт связан с появлением большего количества керамических мастерских в Причерноморье, в которых производили кухонную посуду, в том числе подражания керамики группы ECW.

В середине III в. материальная культура Херсонеса претерпела кардинальные изменения. Малоазийские товары, в том числе посуда группы ECW, вновь почти на столетие перестали поступать в город. После стабилизации политической и экономической ситуации в Средиземноморье и Причерноморье керамика из Малой Азии вновь появится в Херсонесе. Так, с середины / третьей четверти V в. вплоть до середины VII в. в северопричерноморских городах была популярна краснолаковая керамика группы «Поздний римский C / фокейская краснолаковая» (LRC/PhRS), главный центр производства которой находился в Фокее [Сазанов 1995: 410–416; Ушаков 2015: 61]. К малоазийскому производству этого времени можно отнести горшки с высоким слегка отогнутым венчиком и закраиной для упора крышки [Романчук 1973: 247] (type XVI по А. Опайцу [Oraiç 2004: 50]).

Массовое поступление кухонной керамики из одного географического района на протяжении длительного времени неслучайно. Дж. Хейс высказал мнение, что несколько крупных малоазийских производителей в римский период монополизировали средиземноморский рынок [Hayes 2000: 292]. Также экспорт сосудов из определенного района может быть объяснен спецификой глины, которая позволяла изготавливать термоустойчивую посуду [Gennaro, Pennisi 2013: 296]. Глина прибрежной западной части Малой Азии и прилегающих островов как нельзя лучше подходила для производства тонкостенной кухонной керамики. Поэтому наряду с краснолаковой посудой и светильниками эта керамика поступала в Херсонес на протяжении длительного периода.

Библиография

- AKBUZ L. A. Hadrianopolis Roma Dönemi Seramikleri / Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. İzmir, 2008.
- AMICONE S., FENN N., HEINZE L., SCHNEIDER G. Cooking pottery in Priene. Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times // Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde. T. 25. 2014. S. 1–27.
- GENNARO A., PENNISI DI SANTA MARGHERITA G. Epí ton teganon: frying pans from garrison's camp // BAR International Series 2581 (I). Oxford, 2013. P. 295–305.
- HAYES J. W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78. P. 97–169.
- HAYES J. W. From Rome to Beirut and Beyond: Asia Minor and Eastern Mediterranean trade connections // RCRF. 2000. Acta 36. P. 285–297.
- HAYES J. W. Castelporziano. Excavations at the Imperial Vicus 1985–7 and 1996–8. Trenches S and SA: pottery finds and lamps. Oxford, 2009.
- ISTENIČ J., SCHNEIDER G. Aegean cooking ware in the Eastern Adriatic // RCRF. 2000. Acta 36. P. 341–348.
- JURIŠIĆ M. Ancient shipwrecks of the Adriatic: maritime transport during the first and second centuries AD // BAR international series (828). Oxford, England, 2000.
- OPAIȚ A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th — 6th centuries AD) // BAR International Series 1274. Oxford, 2004.
- ÖZYİĞİT Ö. 1989 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // Kazı Sonuçları Toplantısı. XII (I). 1991. S. 127–154.
- RATHMAYR E. Hanghaus 2 in Ephesos. Die Wohneinheit 7. Baubefund, Ausstattung, Funde. // Forschungen in Ephesos. Band VIII/10. 2016.
- RILEY J. A. The Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi. Vol. II. 1979.
- ROBINSON H. S. Pottery of the Roman Period: Chronology // The Athenian Agora. Vol. 5. 1959.
- ROTROFF S. Hellenistic pottery: The Plain Wares // The Athenian Agora. 2006. Vol. 33.
- ВНУКОВ С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2014. Т. 17. С. 21–54.
- [Новоселова Н. Ю. ред.] ДОМ АРХЕЛАЯ: краткий сводный отчет об археологических исследованиях 2014–2018 годов экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонеса Таврического / Под ред. Н. Ю. Новоселовой. СПб., 2019.
- ДОРОШКО О. П. Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи: к во-просу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М., 2021. С. 78–80.

ДОРОШКО О. П. Гончарные сковороды I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи: типология и хронология // *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья*. Симферополь, 2022.

ЗАЙЦЕВ Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н.э.— III в. н.э.). Симферополь, 2003.

ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997.

КАДЕЕВ В.И., СОРОЧАН С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э.— V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

КРАПИВИНА В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.

РОМАНЧУК А. И. Комплекс VII в. Из Портового района Херсонеса // *АДСВ*. 1973. Вып. 10. С. 246–250.

САЗАНОВ А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // *МАИЭТ*. 1995. Вып. IV. С. 406–433.

ТЮРИН М. И. Материалы из цистерны в XIX квартале Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.) и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода // *Записки ИИМК РАН*. 2016. № 14. С. 124–142.

УШАКОВ С. В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // *МАИАСК*. 2015. Вып. 7. С. 59–70.

**Иллюстрации к статье Байбуртский А.М. О ПЕРЕСЕЛЕНИИ
АРМЯН В КРЫМ XIII–XIV вв. К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

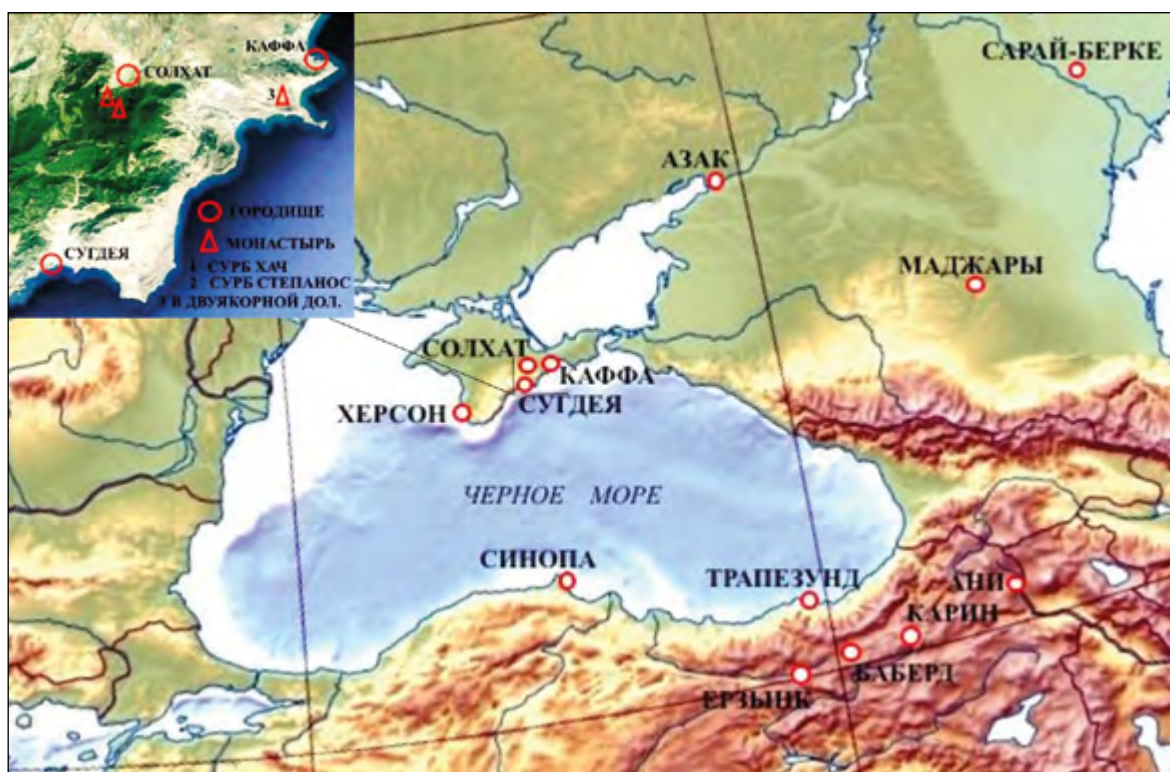

Рис. 1. Карта Причерноморья и прилегающих регионов с городами и монастырями XIII – XIV вв. упомянутыми в статье.

Иллюстрации к статье Белоруссовой Т. Е. ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ СИНТЕЗ В КУЛЬТУРЕ ПЕЛОПОННЕСА (XIII–XIV вв.)

Рис. 1. Фрагмент иконы св. Георгия. Кастория, XIII в. Byzantine and Christian Museum (Athens, Greece). Фото автора

**Иллюстрации к статье Бочарова С. Г. СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА
ГЕНУЭЗСКОГО ГОРОДА ЧЕМБАЛО В XIV–XV вв.**

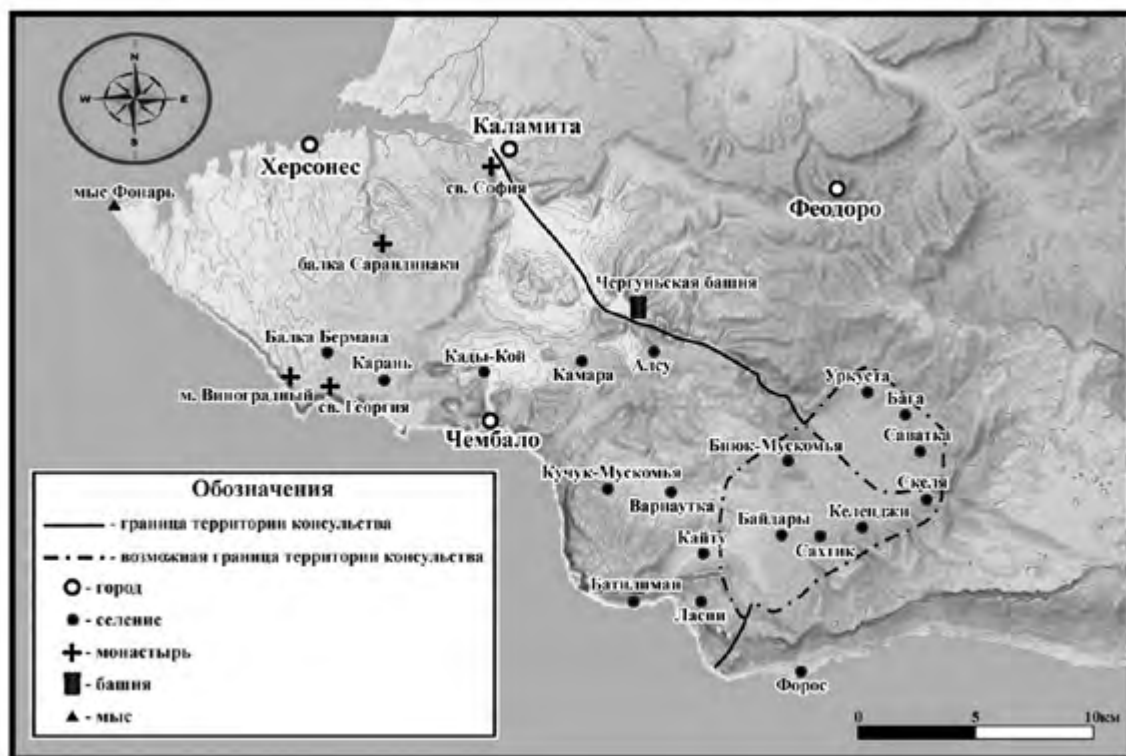

Рис. 1. Карта консульства Чембальского во второй половине XIV в. 1 – границы территории консульства; 2 – возможные границы территории консульства; 3 – города; 4 – селения; 5 – монастыри; 6 – Чоргунская башня; 7 – мыс Фонарь.

Fig. 1. Map of the Consulate of Cembalo in the second half of the 14th century. 1 - borders of the territory of the consulate; 2 - hypothetical borders of the territory of the consulate; 3 - cities; 4 - villages; 5 - monasteries; 6 - Chyorgun tower; 7 - Cape Fanario.

**Иллюстрации к статье Вдовиченко И. И. РАСПИСНАЯ
КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК КЕРКИНИТИДЫ В 1981 г.
В КОЛЛЕКЦИИ ЕВПАТОРИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Рис.1. Амфоры с выделенными плечиками фрагмент горловины. Е-81/282.

Рис.2. Сосуда закрытого (амфоры?) фрагмент стенки. Е-81/188.

Рис.3. Закрытого сосуда фрагмент стенки. Е-81/188, ЕКМ-25033

Рис.4. Килика фрагмент стенки. Е-81/189.

Рис.5. Килика фрагмент стенки Е-81, КП-28693

Рис.6. Леканы фрагмент крышки. Е-81/60, КП-24977

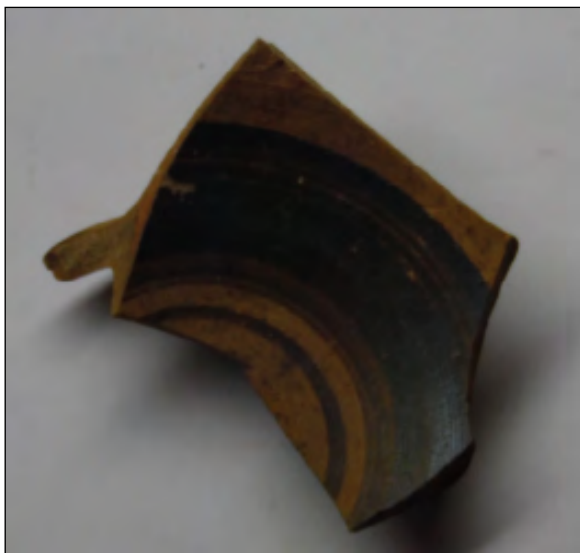

Рис.7. Чаши ионийской фрагмент придонной части. Е-81/49

Рис.8. Пелики фрагмент стенки. Е-81/148, КП-29986

Рис.9. Пелики фрагмент стенки. Е-81/797, КП-70825

Рис.10. Пелики фрагмент стенки. Е-81-189, КП-25038

Рис.11. Пелики фрагмент стенки. Е-81/28

Рис.12. Кратера фрагмент. Е-81/1340

Рис.13. Кратера фрагмент.
Е-81/386,КП-25124

Рис.14. Кратера фрагмент. Е-81/711 КП-30760

Рис.15. Кратера фрагмент. Е-81/496, КП-29982

Рис.16. Кратера фрагмент. Е-81/82

Рис.17. Кратера фрагмент. Е-81/144, КП-25018

Рис.18. Кратера фрагмент. Е-81/119, КП-24872

Рис.19. Кратера фрагмент. Е-81/119

Рис.20. Кратера фрагмент. Е-81/945

Рис.21. Кратера фрагмент. Е-81/1159

Рис.22. Кратера фрагмент. Е-81/1057

Рис.23. Кратера фрагмент Е-81/189

Рис.24. Кратера фрагмент. Е-81/1159

Рис.25. Чаше-скифоса фрагмент.
Е-81/744, КП-30773

Рис.26. Чаше-скифоса фрагмент.
Е-81/792, КП-30792

Рис.27. Чаше-скифоса фрагмент, Е-81/956

Рис.28. Чаше-скифоса фрагмент,
Е-81/1157

Рис.29. Закрытого сосуда фрагмент стенки. Е-81/784

Рис.30. Кратера фрагменты стенок. Е-81/1340

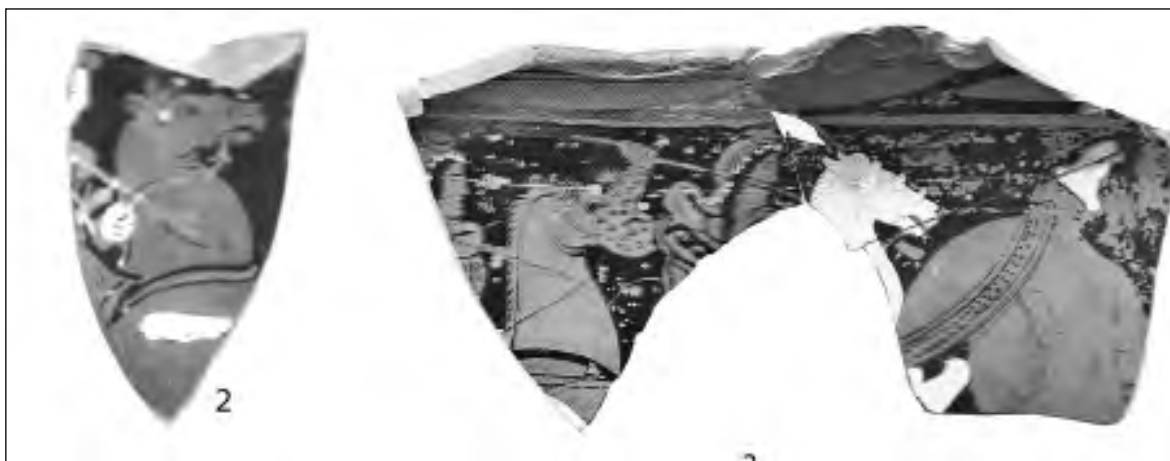

Рис.31. Закрытого тонкостенного сосуда фрагмент стенки.Е-81/908

Рис.32. Е-81/1148, КП-25018

Рис.33. Скифоса фрагмент венчика.
Е-81/510, КП-25985

Рис.34. Скифоса фрагмент. Е-81/743

Рис.35. Скифоса фрагмент венчика.
Е-81/25,КП-28832

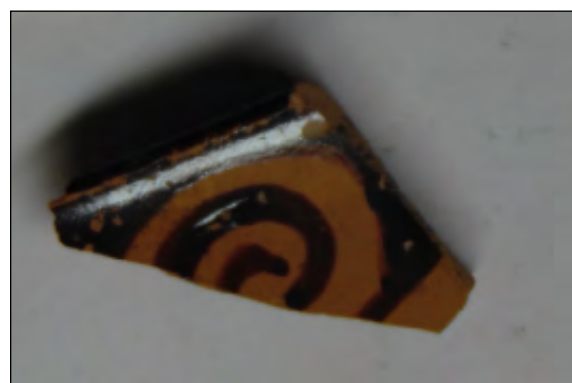

Рис.36. Скифоса фрагмент. Е-81/472

Рис.37. Скифоса фрагмент. Е-81/1460

Рис.38. Скифоса фрагмент. Е-81/1183

Рис.39. Скифоса фрагмент стенки.
Е-81/1461

Рис. 40. Скифоса фрагмент.Е-81/511, КП-29986

Рис. 41. Аска фрагменты.Е-81/148, КП-25017

Рис. 42. Аска фрагмент.Е-81/599

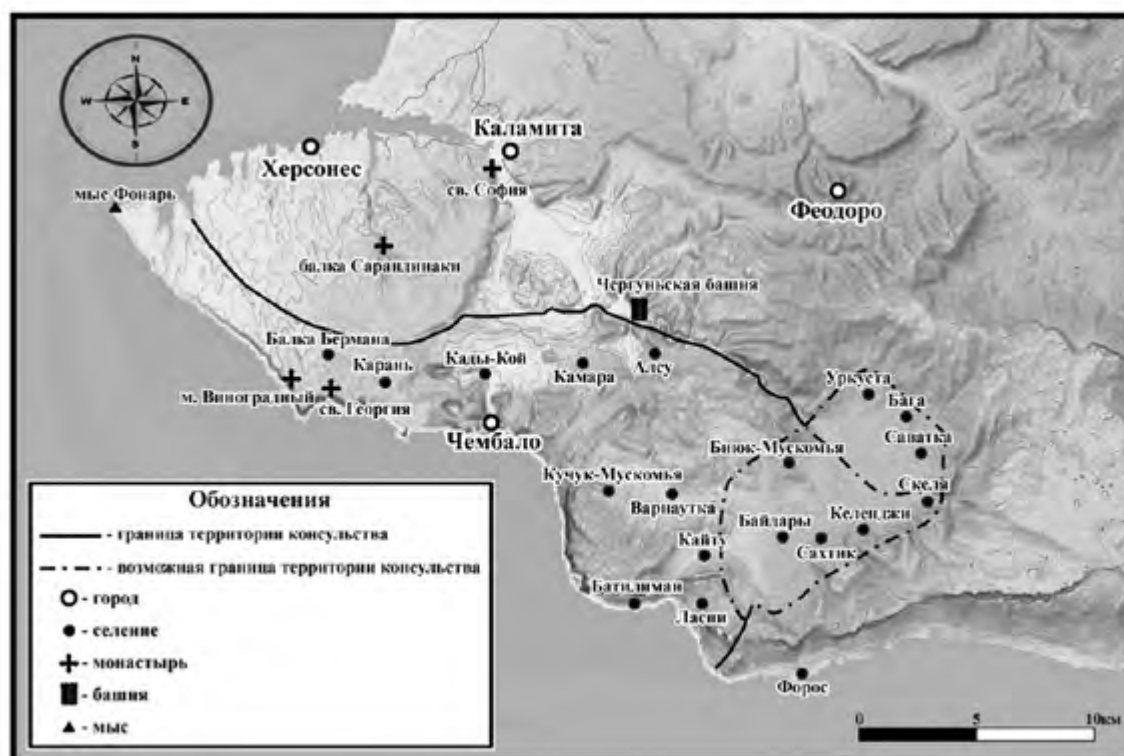

Рис. 2. Карта консульства Чембальского в 1441 – 1475 гг. 1 – границы территории консульства; 2 – возможные границы территории консульства; 3 – города; 4 – селения; 5 – монастыри; 6 – Чоргуновская башня; 7 – мыс Фонарь.

Fig. 2. Map of the Consulate of Cembalo in 1441 – 1475. 1 - borders of the territory of the consulate; 2 - hypothetical borders of the territory of the consulate; 3 - cities; 4 - villages; 5 - monasteries; 6 - Chyorgun tower; 7 - Cape Fanario.

**Иллюстрации к статье Гинькут Н. В. ИСПАНСКАЯ
И ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА КОНЦА XIII–XIV в.
ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА: К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ГОРОДА В XIV в.**

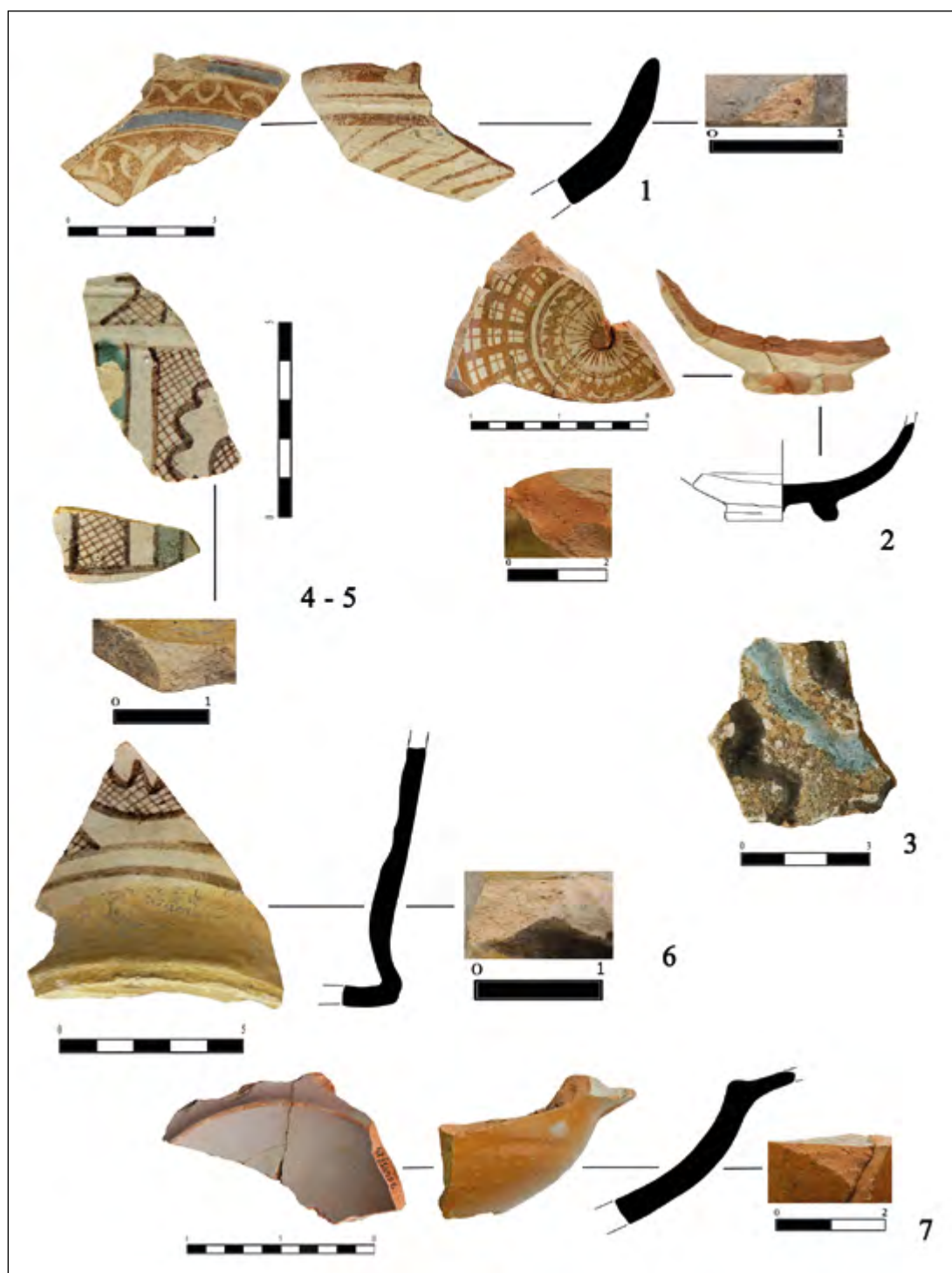

Рис. 1. 1. Чаша, фрагмент (ИКАМ 37328/35). Испания; 2 Чаша, фрагмент (ИКАМ 36988/41). Испания; 3. Сосуд открытого типа (чаша) фрагмент (ИКАМ 36794/ 12). Италия; 4-5. Кувшин, фрагменты стенок (ИКАМ 36990/56). Италия; 6. Кувшин, фрагмент дна (ИКАМ 36989/52). Италия; 7. Чаша, фрагмент (ИКАМ 36988/42), Италия. Фото – К.В. Зыкова, Рисунки – Е.В. Мацкова.

Иллюстрации к статье Днепровского Н.В.
К ВОПРОСУ О ЛИТУРГИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВАХ
ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ БАЗИЛИКИ

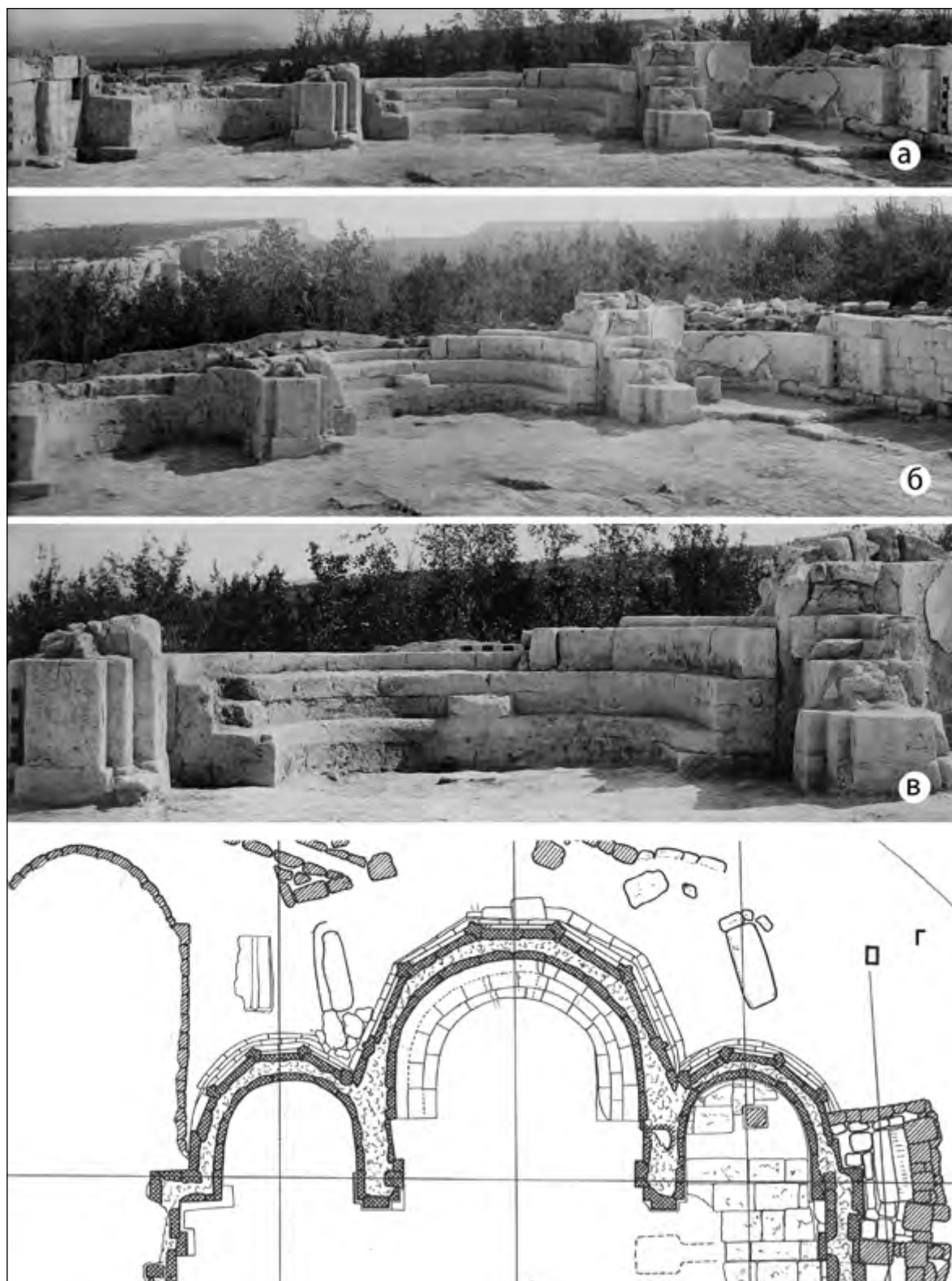

Рис. 1. Алтарная часть базилики: а, б – общий вид [ФО ИИМК РАН, нег №№ II-1023 и II-1032]; в – синтрон [ФО ИИМК РАН, нег № II-1027]; г – план [ФО ИИМК РАН, нег № II-2432].

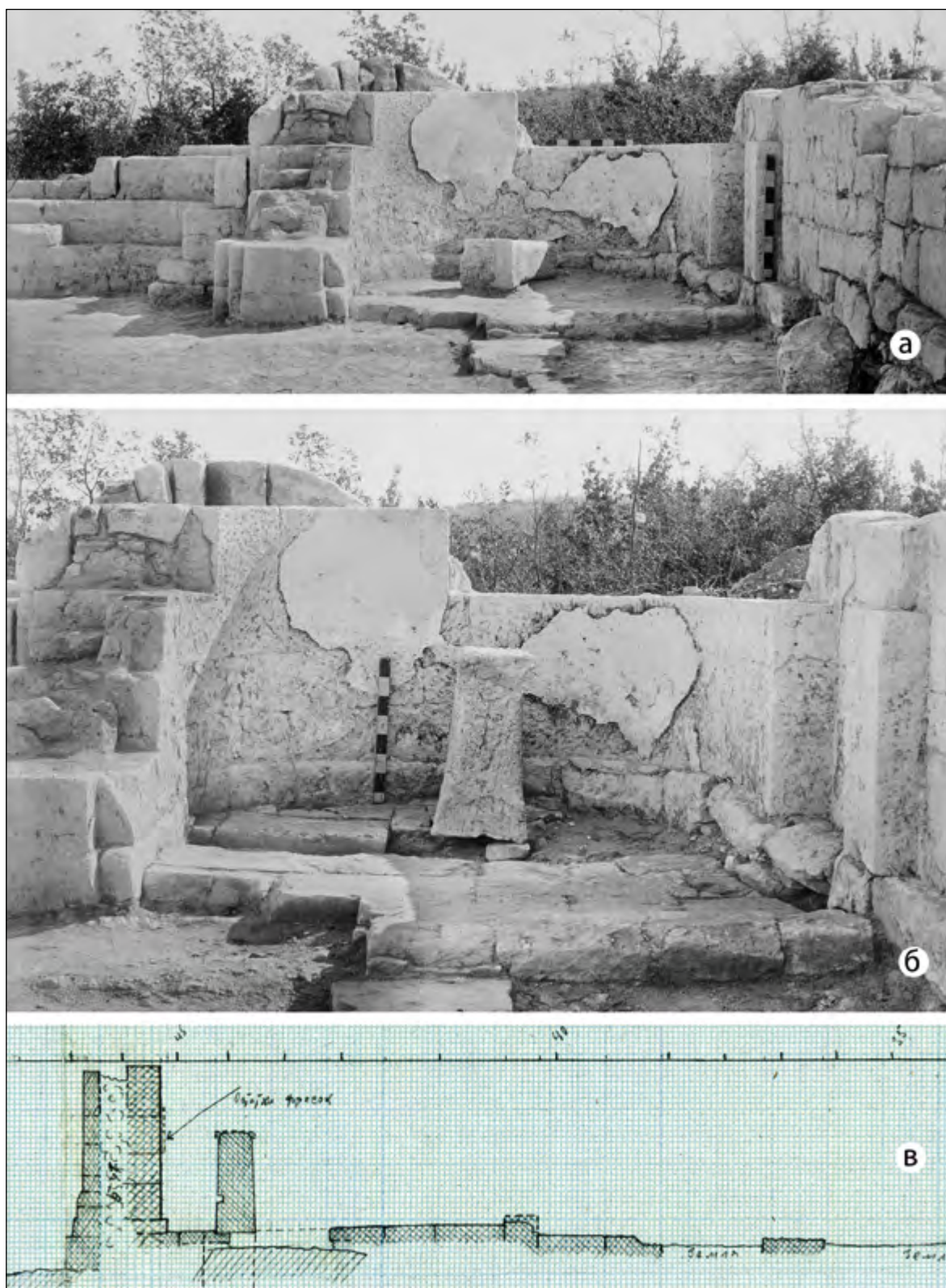

Рис. 2. Южная абсида базилики: а, б – общий вид [ФО ИИМК РАН, нег №№ II-1025 и II-1039]; в – продольный разрез [Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 214. Л. 17].

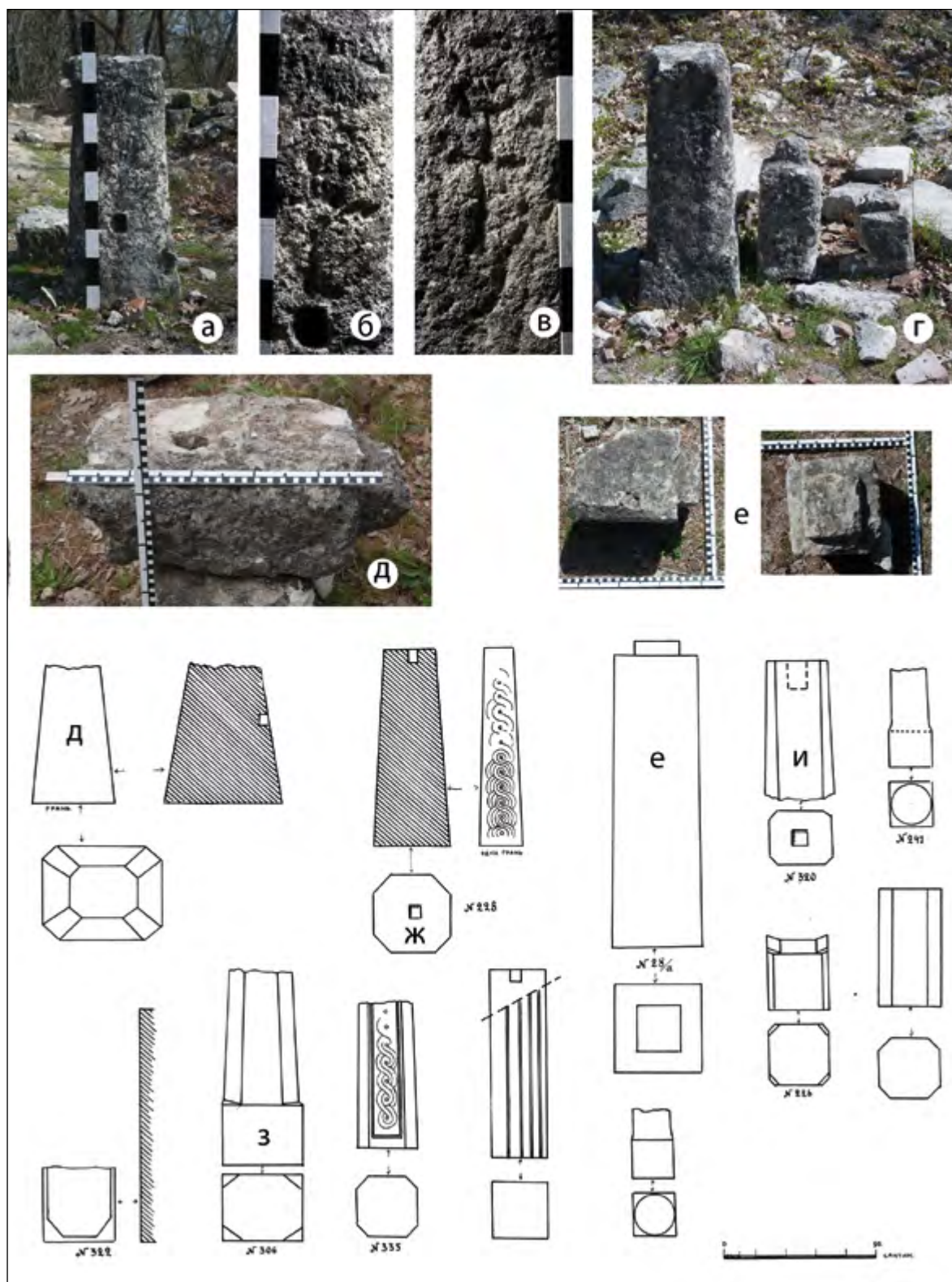

Рис. 3. Архитектурные детали базилики. Вверху – цветные фото автора, внизу — архивный чертёж [РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-І. Д. 125. Л. 15]. Буквенные обозначения на чертеже проставлены автором в целях унификации. Описание деталей см. в тексте статьи.

**Иллюстрации к статье Дорошко О.П. КУХОННАЯ ПОСУДА
ГРУППЫ AEGEAN COOKING WARE / ECW В ХЕРСОНЕСЕ
ТАВРИЧЕСКОМ: К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ГОРОДА С ЭГЕЙСКИМ РЕГИОНОМ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

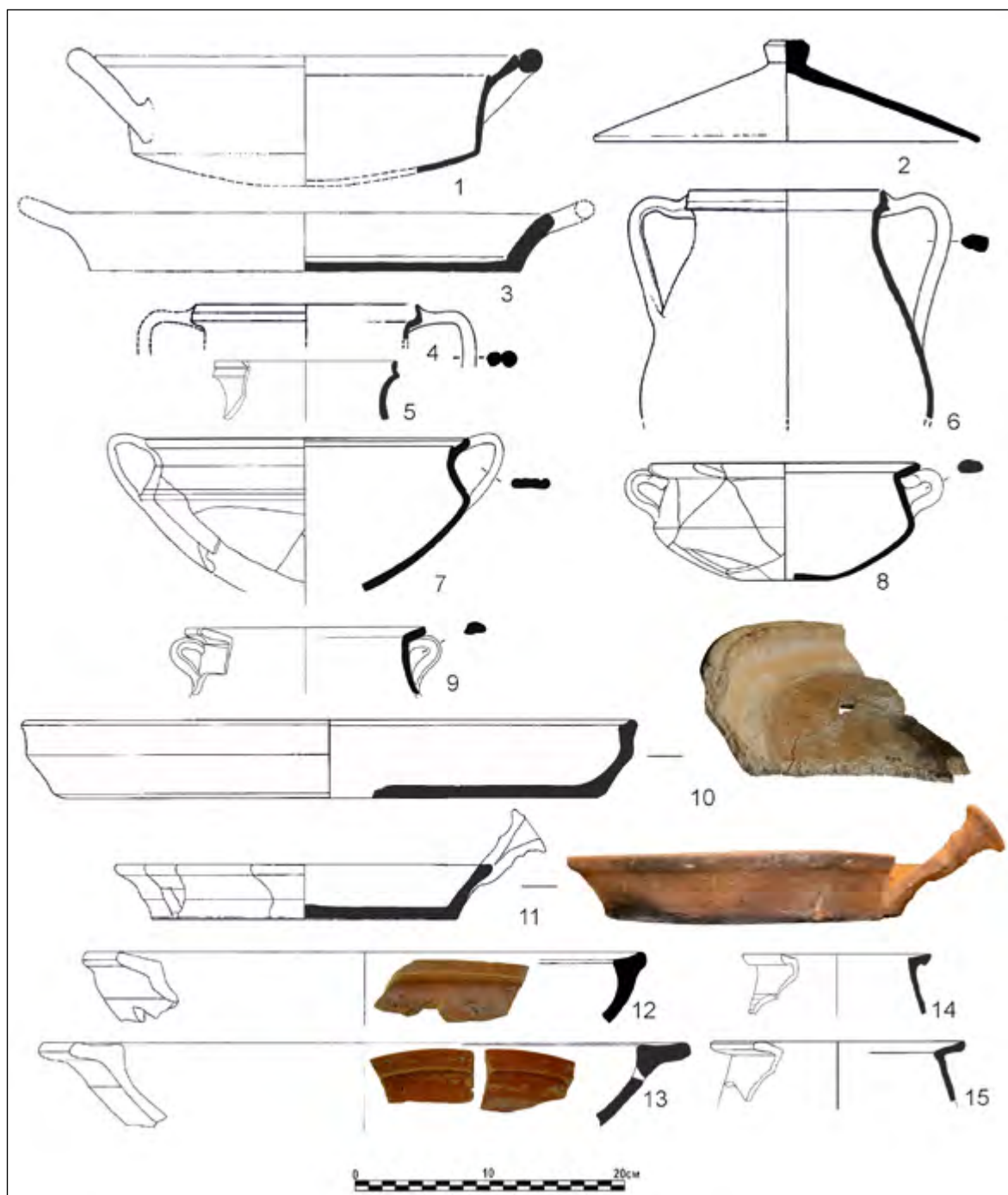

Рис. 1. Формы кухонной посуды группы Aegean cooking ware / ECW

Иллюстрации к статье Дорошко В.В., Самойленко В.Г.

**«БРОНЗОВАЯ ПАНЦИРНАЯ ЧЕШУЙКА С МЕДИАЛЬНЫМ РЕБРОМ
ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО»
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

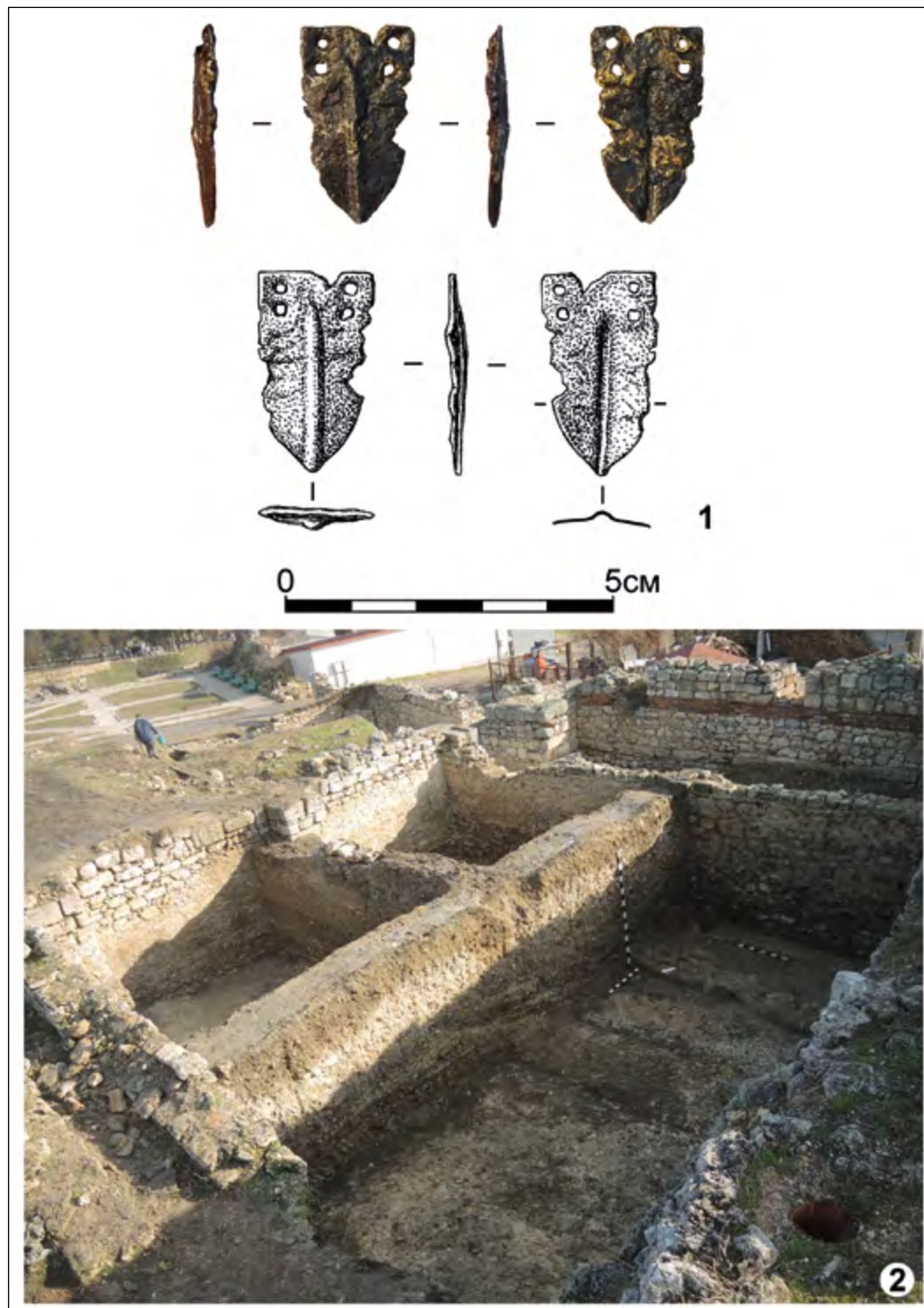

Рис. 1: 1 - бронзовая панцирная чешуйка из раскопок «квартала у Южных ворот»; 2 – раскопки на участке 3, под полом т.н. «помещения с пилястрами». Фото М.И. Тюрина.

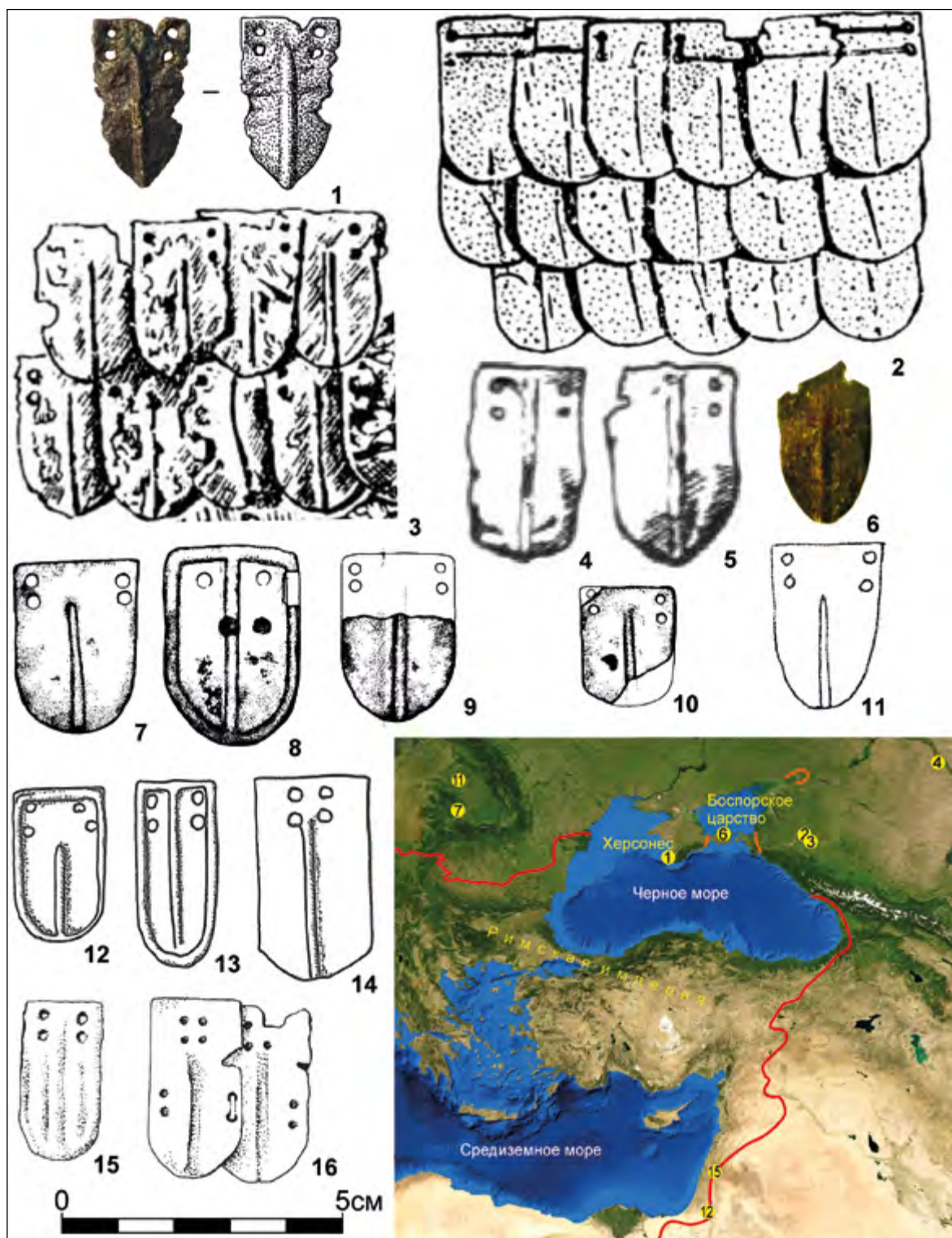

Рис. 2: 1 – Херсонес; 2 – курган у Зубовского хутора; 3 – курган у с. Воздвиженской; 4-5 – курган № 2 Никольского могильника; 6 - городище Артезиан; 7-8 – поселение в Ракатау; 9-10 – аристократическое погребение в Ракатау; 11 - Шимлеу-Силванией; 12-14 – Масада; 15-16 – Гамла.

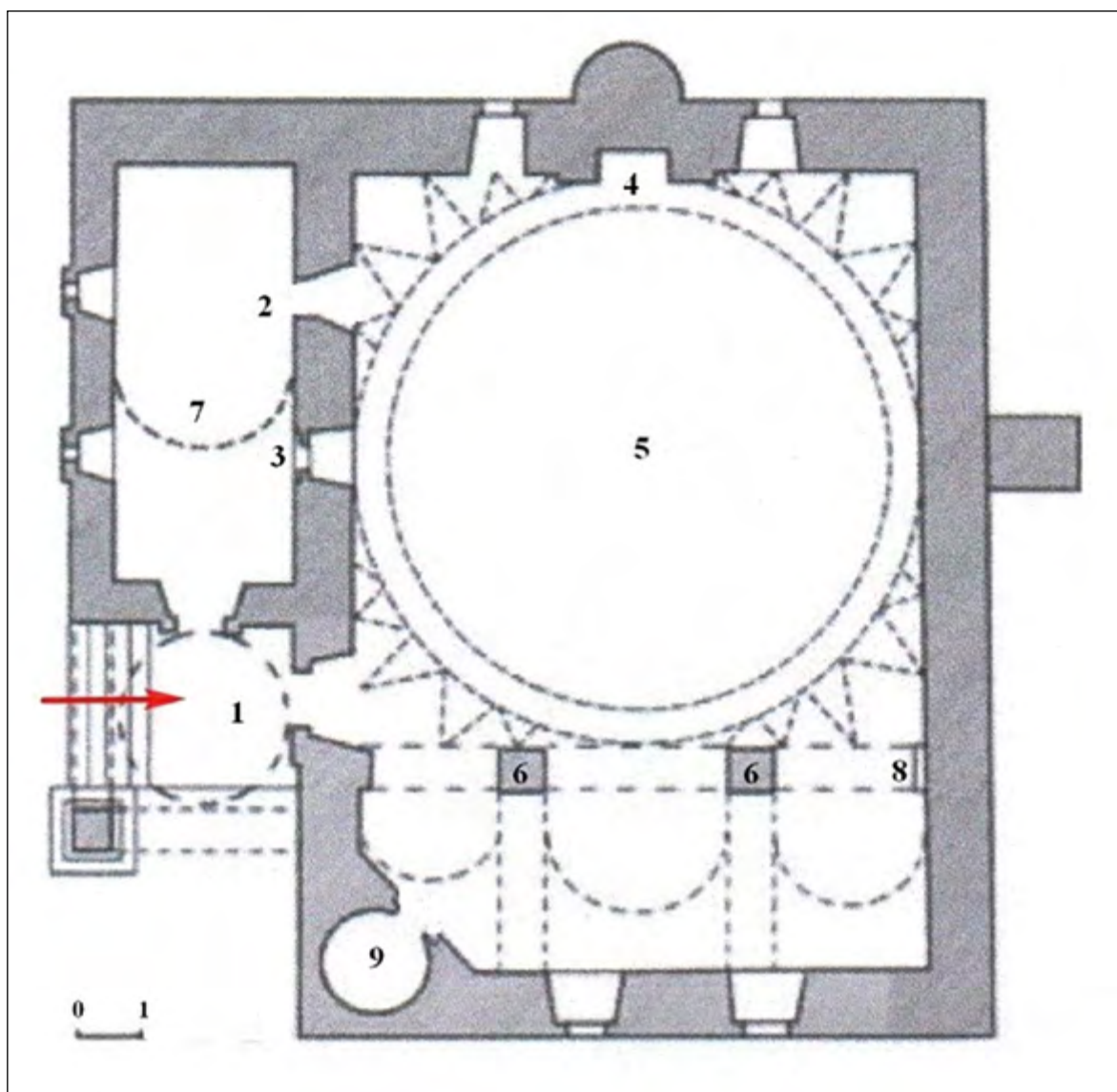
Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1

Иллюстрации к статье Захарова В. А.

ЕЩЕ РАЗ О «ХРАМЕ С АРКАДОЙ» В СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

1. Судакская крепость. Храм с аркадой (современное состояние). Фото Д.А. Рака, 2022 г.

2. План «Храма с аркадой» средневековой Сугдеи-Солдайи XIII-XIV(?) вв.

- 1 - современный вход с купольной сенью и двухпролётной аркадой;
- 2 - первоначальный вход с незавершёнными сталактитовыми элементами;
- 3 - обрамление оконных проемов с резным сельджукским орнаментом;
- 4 - михрабная ниша с резным сельджукским орнаментом;
- 5 - центральная часть помещения со сферическим куполом на гофрированных тромпах;
- 6 - квадратные колонны внутри помещения, с незавершённой резьбой по камню;
- 7 - помещение притвора XIX в. с заложенными 3-мя стрельчатыми арками;
- 8 - средневековая фреска XIV в. с изображением святого с нимбом, на западной пилястре;
- 9 - минаретная шахта XV в.

3. «Храм с аркадой». Михраб (современное состояние).
Фото Г.А. Бородиной, 2023 г.

4. «Храм с аркадой». Верхняя часть михраба с латинской надписью и геральдикой. Фото Г.А. Бородиной, 2022 г.

5. Фреска с изображением святого на колонне
в «Храме с аркадой». Фото Г.А. Бородиной, 2022 г.

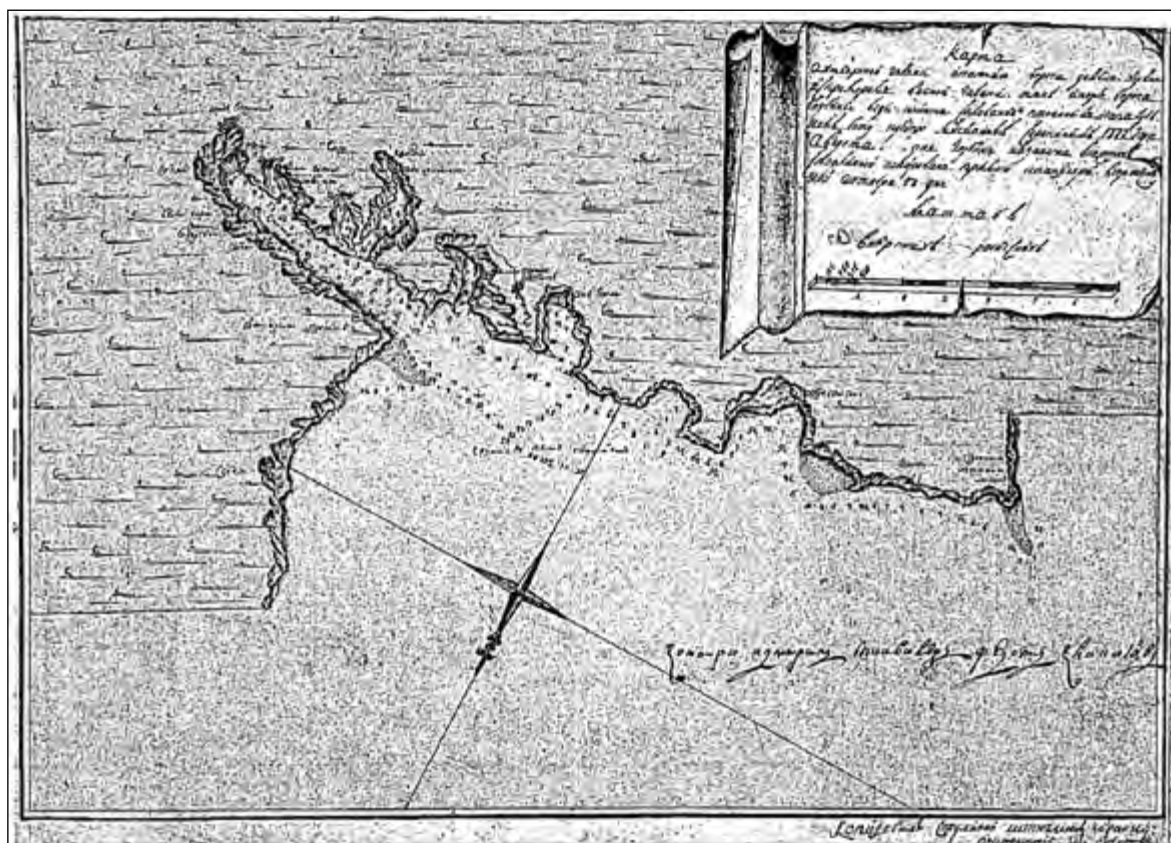
6. Фрагмент фриза колоны с гербами над донаторской надписью. Фото В.А. Захарова, 2021 г.

7. Фрагмент донаторской надписи над изображением святого. Фото В.А. Захарова, 2021 г.

Иллюстрации к статье Иванова А.В.

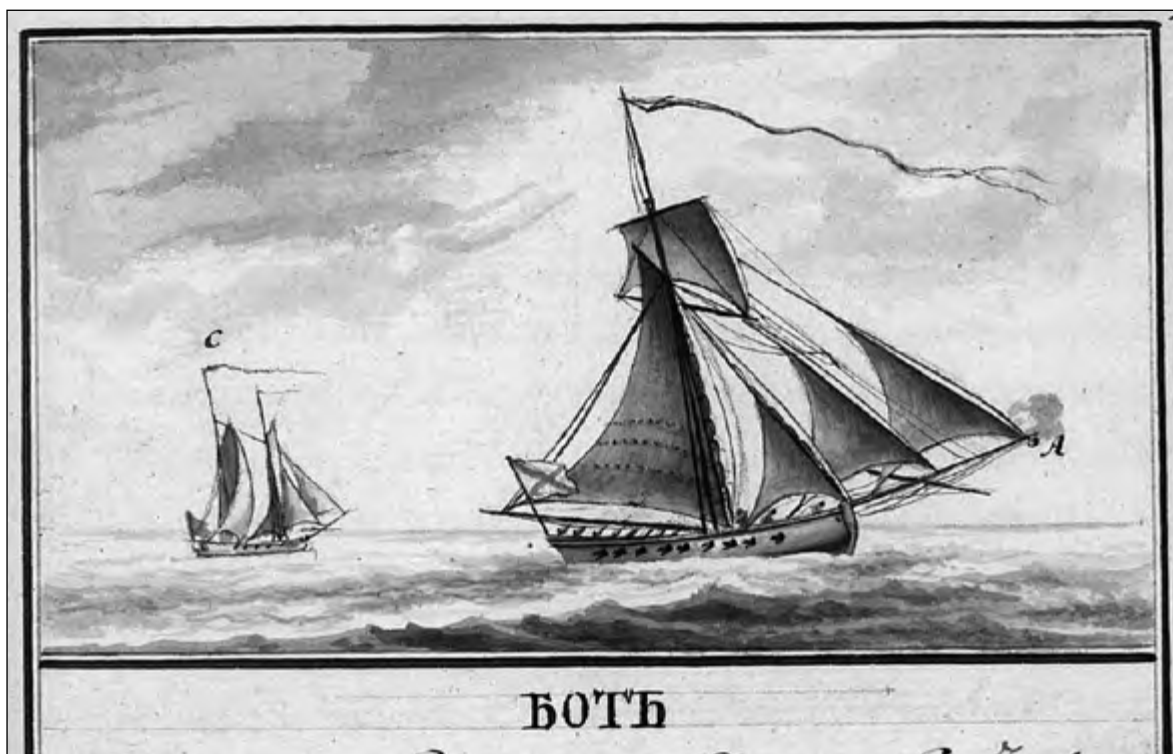
КРУШЕНИЕ БОТА «КУРЬЕР» В АКВАТОРИИ У ХЕРСОНЕССКОГО
ГОРОДИЩА 4.09.1777 г. К ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ
АХТИАРСКОЙ ГАВАНИ

1. Карта мичмана Н.А. Сорокина из собрания ГИМ. По Zytsev 2000: p. 118, fig.5.

2. Врезка с картой мичмана Н.А. Сорокина из фондов РГАВМФ, публикуется впервые.

3. Палубный бот российского военного флота, по рис. 1788г. (Озанин, 1788, с. 33).

Иллюстрации к статье Калининой Т.М.

ИСТОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ О МОРЕ МЕОТИС

Рис. 1. Меотида (Бата'их): The History of Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Harley J.B., Woodward D. University of Chicago Press, 1992. Plate 5.

Рис. 2. Фрагмент Певтингеровой карты: Подосинов 2002. Илл. 8.

Иллюстрации к статье Костромичева Д.А.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СНАБЖЕНИИ

РИМСКОГО ГАРНИЗОНА ХЕРСОНЕСА В ТАВРИКЕ

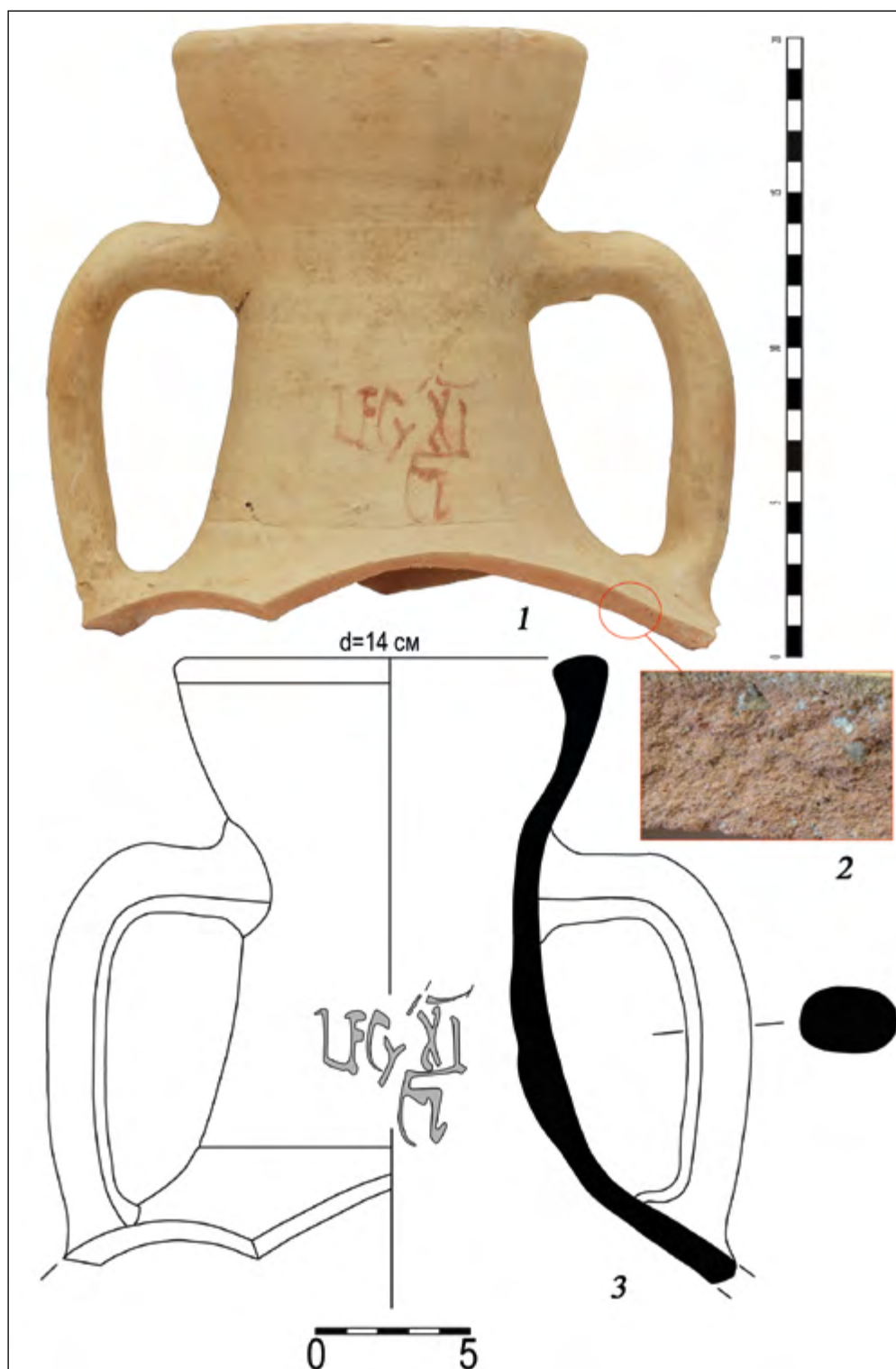

Рис. 1. Горло амфоры из Южного пригорода Херсонеса.

1 – Фотография горла; 2 – Макрофотография глины; 3 – Рисунок горла.
Фото К.В. Зыковой, рисунок И.В. Михадюк.

**Иллюстрации к статье Крола А. А., Толмачевой Е. Г.
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕРАХЕЙБ (АЛЬ-АЛЛАКИ)
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ: ПО ПИСЬМЕННЫМ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Рис. 1.1. Карта караванных путей, соединявших Красноморский порт Айзаб и города Долины Нила. Составлена на основе ресурса Google Планета Земля

Рис. 1.2. Территория концессии экспедиции НИИ и Музея антропологии Анучина.

Рис. 2.1. Территория концессии экспедиции НИИ и Музея антропологии Анучина. Фото К. Самурского

Рис. 2.2. Северная крепость. Фото К. Самурского

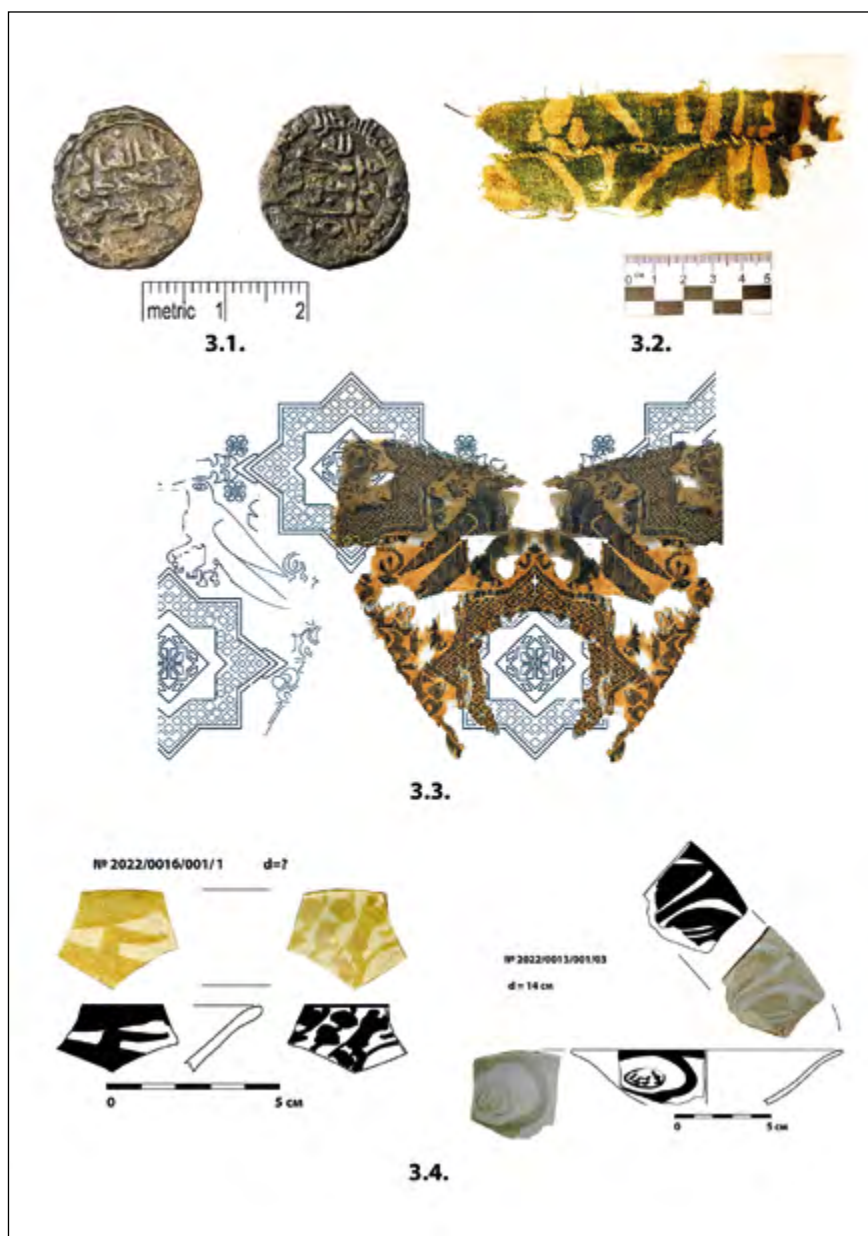

Рис. 3. Предметы, найденные на памятнике Дерахейб:
3.1. Фельс Ибн Тулуна; 3.2. Ткань с декором в технике «набойки»;
3.3. Реконструкция декора шелковой ткани. Е.Г. Толмачева,
О. В. Орфинская; 3.4. Люстровая керамика. Фото К. Самурского,
Е. Толмачевой

Дробышев Ю. И.

Институт востоковедения РАН, Москва

ПУТЬ МОНГОЛОВ В КРЫМ (1222/1223 г.)

Drobyshev Yu.I.

THE PATH OF THE MONGOLS TO THE CRIMEA (1222/1223)

Знаменитый рейд монгольских полководцев Чжэбэ (ок. 1165–1224?) и Субэдэя (1175–1248/1249) в 1222–1223 гг. вошел едва ли не во все учебники истории как образец выдающейся военной кампании, открывшей завоевателям дорогу на Русь и в Восточную Европу. Его этапы более или менее хорошо известны: оставив преследование хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада II (1200–1220), скончавшегося на одном из каспийских островов, они с соизволения Чингис-хана (1162?–1227) отправились на север громить непокорных кипчаков, пересекли Кавказский хребет, обманом разъединили силы аланов и кипчаков в Предкавказье и затем разбили по отдельности тех и других, а после преследовали бежавших врагов до Днепра. Это стало известно и на Руси: «Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве придоша на землю Половецъкою. Половцемъ же ставшимъ. Юрьи Кончакович бе болиише всихъ Половецъ. не може стати противоу лицу их бегаючи же емоу. и мнози избъени быша. до реки Днепра» [Полное собрание русских летописей 1998: 740]. Зимой Чжэбэ и Субэдэй провели на кипчакских землях, а весной 1223 г. выдвинулись в приазовские степи, откуда отправили русским князьям посольство с предложением отказать кипчакам в помощи, которую те просили в борьбе с монголами.

Кроме того, той же зимой монголы проникли в Крым и в конце января 1223 г. захватили Судак. Этот факт сомнению не подлежит. О нем свидетельствует запись в греческом Синаксаре под 6731 (1223) г.: «В тот же день пришли впервые татары» [Арх. Антонин 1863: 601]. Он также

подтверждается известным арабским историком Ибн ал-Асиром (1160–1234): «Прибыли они к городу Судак; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судак, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килидж-Арслана» [История Казахстана в арабских источниках 2005: 46–47]. Как следует из данного сообщения, в те годы Судак и его торговля находились под контролем кипчаков, поэтому он не мог не привлечь внимания монголов¹. Очевидно, последние уже знали, что там было чем поживиться, да и оставлять нетронутым этот источник обогащения своих врагов, наверное, было нельзя, ввиду чего их крымский рейд следует расценивать не как спонтанное отклонение от ранее намеченного маршрута, а как целенаправленное военное мероприятие. Симптоматично, что о разорении монголами каких-то других мест в Крыму ничего не сообщается.

Каким путем монголы прошли в Крым? Ни один источник XIII–XIV вв. об этом не говорит. Современные исследователи либо обходят данный вопрос молчанием, либо высказываются в пользу одной из двух версий: посуху через Перекоп или по льду через Керченский пролив. Поскольку никаких прямых данных нет, для обоснования своей точки зрения историки привлекают косвенные. Так, цитированный выше Ипатьевский свод позволяет думать, что монголы, разбив кипчаков в предгорьях Кавказа, гнали их до Днепра, а оттуда повернули на Крым, где взяли Судак и после короткой передышки той же дорогой вернулись весной в северное Приазовье. По-видимому, эта трактовка, представляющаяся вполне логичной, превалирует в научном дискурсе. Мы попробуем рассмотреть альтерна-

¹ О функционировании Судака как важного узла международной торговли накануне мон-гольского вторжения см.: [Якубовский 1927].

тивную версию, которая тоже находит сторонников. В частности, ее придерживаются С. А. Плетнева, О. Б. Бубенок, Я. В. Пилипчук, А. Б. Головки, М. Бира [Плетнева 1990: 172; Бубенок 2004: 16 (карта), 23–24; Пилипчук 2012: 329; Головки 2016: 49; Biran 2021: 226 (карта)] (мы отнюдь не претендуем на полноту этого списка).

Совсем недавно московский синолог С. В. Дмитриев подготовил большую статью об освещении событий 1222–1223 гг. в китайской историографии, начиная с династийной истории «Юань ши», составленной в 1369–1370 гг. Крымский поход монголов в ней не фигурирует, но, по мнению исследователя, под топонимом Хэй-линь («Черный Лес») там может скрываться Судак. Он упоминается в биографии служившего монголам семиреченского тюрка Исмаила (?–1255), который принимал участие в походе Чжэбэ и Субэдэя. Источник указывает, что Черный Лес — это город, призванный Исмаилом к сдаче [Дмитриев 2023]. Последующие пять веков развития китайского летописания не добавляют к этому сюжету ничего принципиально нового, пока ученый и дипломат Хун Цзюнь (?–1893) в своей неоконченной работе «Юань ши и-вэнь чжэн-бу» («История Юань: переводы, подтверждения и дополнения») не привел на сей счет свежие, чрезвычайно интересные материалы. Это произведение отличается от традиционного китайского исторического исследования тем, что автор использовал для его написания также разнообразные не-китайские источники: сочинения ильханского царедворца и историка Рашид ад-Дина (1247–1318), секретаря последнего хорезмшаха Шихаб ад-Дина ан-Насави (?–1249/1250), хивинского хана Абу-л Гази (1603–1663), а также своего старшего современника — дипломата и востоковеда А.К.М. д’Оссона (1779–1851).

Приведем цитату из включенной в этот труд биографии Чжэбэ в переводе С. В. Дмитриева: «Войска [отправились] на северо-восток и достигли реки Фу-эр-га (Волга.— С.Д.), сообщили о победах наследнику Шу-чи (Джучи.— Ю.Д.), просили помощи для армии. [В это] время Шу-чи уже [заставил] склониться У-эр-цзянь (Ургенч.— С.Д.), стоял с войсками в области к востоку от Внутреннего моря (Каспия.— Ю.Д.), толпы во множестве предавались праздности, [поэтому он] отделил большую половину

воинов и направил на помощь. Зимой семнадцатого [года] (13.02.1222–01.02.1223.— С.Д.) новые воины уже достигли реки Фу-эр-га, [перейдя] по льду, соединились [с войсками, бывшими там ранее], и затем [заставили] склониться А-сы-та-ла-гань (Астрахань.— С.Д.), сожгли и разграбили тот город, встретились с воинами ци-бу-ча-кэ (кипчаками.— Ю.Д.), снова разбили их, [после чего] войска разделились надвое и вновь повели [воинов] на запад. Одно войско, преследуя, разбило воинов [врага] и перешло реку Дуань (Дон.— С.Д.), одно войско достигло [земель] к юго-востоку от моря А-су-фу (Азовское море.— С.Д.), усмирила такие области, как са-эр-кэ-сы и а-су (черкесы и асы.— Ю.Д.). Затем, от моря А-су-фу ступали по льду, чтобы достичь Чёрного моря, и вошли в земли Кэ-лэ-му (Крыма.— С.Д.), сильно ограбили и отправились на север, [где] два войска вновь соединились. Хо-тань (Котян.— Ю.Д.), обратившись в бегство, вошёл в пределы России и просил помощи у своего зятя, вана Ха-ли-чи (Галича.— С.Д.) Му-сы-ти-сы-ла-фу (Мстислава.— Ю.Д.)» [Дмитриев 2023].

Приведенные в цитате сведения можно было бы считать сенсационными и полагающими конец дискуссии вокруг обстоятельств прихода монголов в Крым, если бы не одно «но». Хун Цзюнь не указал их происхождение, отметив лишь, что такой информации он не смог найти «также и в западных книгах». Между тем, в одной из «западных книг», с которой, судя по всему, китайский историк был знаком, есть искомые материалы. Это «История монголов, или татар» силезского пастора и историка-любителя Отто Вольфа (1794–1877), когда-то известная, но теперь практически забытая [Wolff 1872: 100–101]. Видимо, она и послужила для Хун Цзюня главным источником сведений о походе Чжэбэ и Субэдэя [Дмитриев 2023]. Книга наполнена ошибками и домыслами; даже в воспроизведенной нами цитате разгром монголами Астрахани — дело невозможное, так как в начале XIII в. Астрахань как город еще не существовала. Откуда О. Вольф взял данные по Крымской кампании монголов, неясно. Таким образом, материалы Хун Цзюня не могут служить аргументом в пользу «керченской» версии.

Тем не менее, они заставляют вспомнить излюбленный монгольский прием, применявшийся и на войне, и на охоте — создание облавного коль-

ца, внутри которого оказываются и затем поражаются враги или дичь. Именно так, согласно Рашид ад-Дину, будущий хаган Мункэ (1251–1259) «охотился» в низовьях Волги на кипчакского предводителя Бачмана [Рашид ад-Дин 1960: 38]. Вполне возможно, что точно так же действовали командиры монгольских туменов в 1222–1223 гг., замкнув кольцо вокруг Азовского моря. Один отряд мог двигаться на Дон и далее на запад, а второй пересечь Керченский пролив, разграбить Судак и пойти на север на соединение с первым. При этом вероятность привлечения для этой операции сил старшего сына Чингис-хана Джучи (1184?–1227?) тоже нельзя исключать — возможно, таков был изначальный план [Maierov 2021: 15–16]. Главной проблемой здесь является сам пролив, ширина которого даже в самой узкой части, от острова Тузла до Керченского полуострова, составляет в настоящее время более трех километров. Какова была конфигурация островов и кос в проливе в 1220-е гг., мы не знаем. Монголы тогда еще не имели флота, даже самого примитивного, и форсировали водные преграды, держась за своих плывущих лошадей, а вещи упаковав в кожаные баулы, но зимой этот способ был, конечно, нереален. Переправа могла осуществляться только по льду, и такой путь был в любом случае многократно короче обходного и довольно быстро выводил на цель — Судак, хотя и таил в себе немалую опасность.

Как могло выглядеть подобное мероприятие, подробно описано у турецкого путешественника Эвлии Челеби (1611–1682?), который сам переправлялся через Керченский пролив из Тамани весной 1667 г. с большой группой конных и пеших людей. По словам автора, лед был довольно толстым и сначала хорошо держал путников, так что за час многие благополучно достигли противоположного берега, но потом под действием солнца и южного ветра лед начал ломаться и разбиваться на отдельные льдины, на которых оставались люди и лошади. С большим трудом, прыгая с льдины на льдину и даже вплавь, почти все они смогли спастись, а немногих унесло в Черное море, и их судьба была Эвлии Челеби неизвестна [Челеби 2017: 232–236].

Ледостав в Керченском проливе, а также на Азовском и отчасти Черном морях — явление не уникальное. Е. Ф. Шнюков с соавторами собра-

ли такие свидетельства со времен Геродота (485–424 до н.э.) и до начала 1990-х гг. [Шнюков, Митин, Цемко 1994: 26–33]. Есть и другое подтверждение. Согласно надписи, высеченной на так называемом «Тмутараканском камне», в 1068 г. князь Глеб (Святославич, ?–1078) измерял ширину пролива по льду; правда, посвященная данному артефакту монография имеет, в первую очередь, палеографическую направленность и обосновывает подлинность этого памятника древнерусской эпиграфики, никак не касаясь вопроса о самой возможности перейти пролив [Медынцева 1979]². Замерзал ли он зимой 1222/1223 г., вряд ли получится доказать на основании климатических реконструкций. Хотя рассматриваемые нами события пришлись на «Средневековый климатический оптимум» 950–1250 гг., когда среднегодовые температуры в северном полушарии повысились, уже намечалась тенденция к их снижению и переходу климата к «Малому ледниковому периоду» XIV–XIX вв. Например, зимы 1224, 1225, 1226 и 1229 гг. в Европе были очень суровыми, а в 1232 (1233) г. замерзал Босфор [Борисенков, Пасецкий 1983: 133–135; Борисенков, Пасецкий 2002: 309–310].

Итак, мы можем заключить, что доказательная база по-прежнему недостаточна для окончательного решения вопроса о пути, которым монголы попали в Крым зимой 1222/1223 г., однако предположение в пользу «керченского» варианта подкрепляется довольно весомыми аргументами. При этом, скорее всего, пролив форсировал только один монгольский тумен, а второй огибал Азовское море с востока, продвигаясь вплоть до Днепра, где и произошла их встреча весной 1223 г.

Библиография

АРХ. АНТОНИН (КАПУСТИН А.И.). Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. — Одесса: Городская типография Х. Алексо-матти, 1863. С. 595–628.

БОРИСЕНКОВ Е.П., ПАСЕЦКИЙ В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. — Л.: Гидрометеиздат, 1983.

² За указание на эту работу благодарю А.А. Астайкина.

БОРИСЕНКОВ Е.П., ПАСЕЦКИЙ В.М. Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия.— СПб.: Гидрометеиздат, 2002.

БУБЕНОК О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.).— Киев: Истина, 2004.

ГОЛОВКО А. Б. Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу (1222–1223 гг.) в процессе формирования Монгольской империи и *Rax Mongolica* // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 46–58.

ДМИТРИЕВ С. В. Битва на Калке (1223) в китайском летописании (к вопросу об основных закономерностях и этапах изучения истории Монгольской империи в старом Китае) // Общество и государство в Китае. Т. LII / Гл. ред. Кобзев А. И.— М.: ИВ РАН. 2023 (в печати).

История Казахстана в арабских источниках. Т. I / Подг. к новому изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова и А. К. Муминова.— Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

МЕДЫНЦЕВА А. А. Тмутараканский камень.— М.: Наука, 1979.

ПИЛИПЧУК Я. В. Первое вторжение монголов в Восточную Европу (1222 г.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время / Гл. ред. А. В. Евглевский.— Донецк: ДонНУ, 2012. С. 325–346.

ПЛЕТНЕВА С. А. Половцы.— М.: Наука, 1990.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись.— М.: Языки русской культуры, 1998.

РАШИД АД-ДИН. Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

ЧЕЛЕБИ Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века / Пер. Е. В. Бахревского. Изд. 3-е.— Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017.

ШНЮКОВ Е.Ф., МИТИН Л.И., ЦЕМКО В.П. Катастрофы в Черном море.— Киев: Манускрипт, 1994.

ЯКУБОВСКИЙ А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1927. Т. XXV. С. 53–76.

BIRAN M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization // The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared / Eds. Yu. Pines, M. Biran, and J. Rüpke.— Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 220–256.

MAIOROV A. V. The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3. 2021. Vol. 32. P. 1–28.

WOLFF O. Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile.— Breslau: Verlag von Carl Dülfer, 1872.

Дружинина И. А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ОБРАЗЦЫ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МАМЛЮКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА*

Druzhinina I. A.

SAMPLES OF BLADED WEAPONS FROM THE BURIALS OF THE MAMELUKES OF THE NORTHWEST CAUCASUS

Со времен установления дипломатических отношений между Золотой Ордой и Египтом в начале 60-х гг. XIII в., при султанах Бейбарсе I (1260–1277) и хане Берке (1209–1266), нацеленных на совместное противостояние Хулагуидам [СМИЗО 1884: с. 275; Закиров 1966: с. 39], арабские источники фиксировали поступление на территорию Улуса Джучи предметов вооружения из мамлюкского Султаната [СМИЗО 1884: с. 53, 152]. По-видимому, следует согласиться с тем, что систематические оптовые поставки вооружения Джучидам осуществлялись бахритским Египтом в рамках договора с Золотой Ордой [Кулешов 2010], в свою очередь, обязавшейся продавать в Султанат военных рабов (главным образом, тюркских кочевников) для пополнения корпуса мамлюков [СМИЗО 1884: с. 324–325].

Основными адресатами этих поставок являлись представители кочевой знати Азово-Черноморских и Предкавказских степей. Картографирование комплексов с полным комплектом оборонительного и наступательного вооружения [Чхаидзе 2018: 506] показывает, что в основной своей массе египетское оружие не распространялось восточнее Предкавказья.

Образцы ближневосточного оружия XIII–XIV вв. известны и на территории Северного Кавказа, где они были выявлены в элитарных воинских

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

захоронениях и на предполагаемых местах сражений [Горелик 2008; Нарожный, Чахкиев 2003; Дружинина 2017; и др.].

В период Великой Замятни дипломатические отношения с Египтом прерываются, а вместе с этим прекращают действие и старые договоры. Археологические материалы Северо-Западного Кавказа этого времени демонстрируют постепенное ослабление власти монгольских ханов в регионе. В степи исчезают элитарные кочевнические комплексы. Материалы памятников предгорий Северного Кавказа фиксируют нивелирование влияния кочевнических погребальных практик.

Кризис в Орде, распад государства Хулагуидов, а также опустошительные эпидемии чумы создали условия для смены в Султанате тюркской династии Бахритов (1250–1382) черкесской династией Бурджитов (1382–1502) [Poliak 1942: p. 864–867]. После катастрофичного для Золотой Орды разгрома Тохтамыша Тамерланом в 1395 г. жизненно важные для мамлюкского государства поставки военных рабов окончательно переходят под контроль султанов Бурджи и их родственников — представителей черкесских родов Закубанья, а основным контингентом для пополнения корпуса мамлюков становятся выходцы с Кавказа [Хасанов 1973: с. 160–163; Дружинина 2022: с. 206–215]. На Северо-Западный Кавказ в качестве даров родственникам, в виде вознаграждения местных агентов и купцов, обеспечивающих доставку черкесов в султанат, поступают предметы роскоши и быта из Египта, Сирии и малоазийских мамлюкских провинций. Особый интерес представляют предметы, оказавшиеся на Кубани вместе со своими владельцами — мамлюками. К ним, в частности, относятся сабли из двух воинских комплексов.

Первая сабля происходит из погребения мамлюка, исследованного В. Н. Каминским в 1980 г. у ст. Старокорсунская (Краснодарский край) на могильнике МТФ-3 [Голубев 1997: с. 115–119]. Погребение взрослого мужчины совершено в могильной яме глубиной 1,1 м и, как предполагает Л. Э. Голубев, под не сохранившейся курганной насыпью. Тело уложено в положении вытянуто на спине, череп — на левом виске, ориентирован на юго-запад. В погребении выявлены сабля, наконечники стрел, фрагменты от колчана, нож, костяная проколка, детали портупейного набора.

Справа и слева от черепа находились два ранка — медальоны из шелка и войлока на деревянной основе с изображением мамлюкских геральдических знаков: в верхнем поле — пенала, в среднем поле — двух чаш, нижнее поле повреждено [Голубев 2002: с. 142–146]. Геральдические элементы медальонов имеют наибольшее сходство со знаком мамлюка султана Баркука Сайф ад-Дин Уздамура, который во время правления султана Шайха стал эмиром сотни, а в 1421 году был арестован султаном Татаром и скончался в том же году [Садофеев, 2017: с. 83–84]. Появление ранка Уздамура и, соответственно, использование этого знака его мамлюками, можно отнести к началу XV в. Археологические находки из погребения мамлюка у ст. Старокорсунская также не противоречат этой датировке.

Сабля железная, изгиб клинка — с нижней трети. Сохранившаяся длина сабли (конец утрачен) — 117 см. Перекрестие крестовидное. Сохранились две обоймы с кольцами для ремней и полукруглыми манжетами. Редким для Северного Кавказа является призматическое восьмигранное навершие рукояти, прямыми аналогиями которому являются навершие рукоятей сабель мамлюкских султанов из собрания Топкапы (Торкарі Sarayı Museum) [Alexander 2006: p. 31, fig. 14–16]. Более близким территориально является призматическое, восьмигранное, с плоским верхом навершие рукояти сабли второй половины XIV в. (ИМ/М-127, Фонд Марджани). Длина колпачка — 3 см, ширина — 2,2 см. Данное навершие, как гарда и обоймица обкладки, украшено серебряной насечкой в виде сочетаний сдвоенных прямых и дугообразных линий, а также кругов. Аналогии орнаменту известны на перекрестии сабли из кургана у ст. Белореченская (ныне — в Гос. Эрмитаже), а также на перначах и булавах, обнаруженных на Балканах и в Закубанье, также имеющих ближневосточное происхождение [Дружинина, 2019].

Аналогии перекрестию, обоймам с манжетами, а также особенностям сабельного клинка из погребения мамлюка у ст. Старокорсунская, выявлены на саблях XV — нач. XVI в.: у ст. Абинская; Псекупс 3 [Дружинина, Чхаидзе 2012]; Иноземцево 6/1 [Березин и др. 2007: с. 185, 226, рис. 11], Каррас, № 4 Чегем II 4/1 и Кызбурун III [Нагоев 2000: с. 50].

С еще одним погребением мамлюка можно связать воинское захоронение конца XV в., выявленное в Белореченском кургане 2 (1896), в котором в составе погребального инвентаря находился замт — головной убор типа папахи, являющийся специфичным элементом экипировки египетских мамлюков, а также навершие рукояти сабли, аналогии которому известны на рукоятях мамлюкских клинков последней трети XV в. Сама сабля не сохранилась или не получила в ГИМе должного музейного номера и не идентифицируется. Характерная восьмигранная в плане форма навершия, а также стиль пышной гравировки находит прямые аналогии в оформлении наверший рукоятей клинков XV в. из собрания Топкапы, в частности — навершия сабли с нанесенным на клинке именем султана Каитбая (1468–1496). Однотипное навершие имеет еще одна мамлюкская сабля XV в. [Alexander 2006: p. 31, fig. 15–16].

Библиография

СМИЗО: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.

БЕРЕЗИН С. Я., БЕРЕЗИН Я. Б., НАРОЖНЫЙ Е. И. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (Публикация и историческая интерпретация материалов) // МИАСК. Вып. 8. Армавир, 2007. С. 177–244.

ГОЛУБЕВ Л. Э. Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станции Старокорсунской // ИАА. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 115–120.

ГОЛУБЕВ Л. Э. Мамлюкские гербы из Прикубанья // ИАА. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 142–146.

ГОРЕЛИК М. В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 158–189.

ДРУЖИНИНА И. А. Шестопер из кургана у станции Абинская (по материалам раскопок В. Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 99–107.

ДРУЖИНИНА И. А. Сабля. Кат. 35 // Золотая Орда и Причерноморье: Каталог выставки. СПб., 2019. С. 114.

ДРУЖИНИНА И. А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV — начале XVI в. в свете материалов археологии // ByzantinoCaucasica. Вып. 2. М., 2022. С. 201–232.

ДРУЖИНИНА И. А., ЧХАИДЗЕ В. Н. Погребение знатного адыгского воина из кургана Асран // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 319–320.

ЗАКИРОВ С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. 160 с.

КУЛЕШОВ Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 73–97.

НАГОЕВ А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. 230 с.

НАРОЖНЫЙ Е. И., ЧАХКИЕВ Д. Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИАСК. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 126–153.

САДОФЕЕВ Д. В. Мамлюкская геральдика периода Бурджи (1382–1517) // Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина. СПб., 2017. С. 66–92.

ЧХАИДЗЕ В. Н. Погребальный обряд кочевников Предкавказья XI–XIV вв. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 2018. С. 507–509.

ХАСАНОВ А. А. Формирование черкесской группировки мамлюков в Египте // Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан (история, экономика). М., 1973. С. 158–165.

ALEXANDER D. Swords from Ottoman and Mamluk Treasuries // *Artibus Asiae*, Vol. 66, No. 2, Pearls from Water. Rubies from Stone. Studies in Islamic Art in Honor of Priscilla Soucek. Part I. 2006. P. 13–34

POLIAK A. N. The Influence of *Ç̣*ingiz-*Ḳ*hān's Yāsa upon the General Organization of the Mamlūk State // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1942, Vol. 10, no. 4. P. 862–876.

Список сокращений

ИАА — Историко-археологический альманах

МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

Дружинина Н. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА
П.С. НАХИМОВУ В СЕВАСТОПОЛЕ
(ПО ДАННЫМ ЗАСЕДАНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА
ПО МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ)**

Druzhinina N. S.

**TO THE HISTORY OF CREATING THE MONUMENT
TO P.S. NAKHIMOV IN SEVASTOPOL (ACCORDING
TO MEETINGS OF THE ARTISTIC AND EXPERT COUNCIL
FOR MONUMENTAL SCULPTURE)**

Памятник герою Крымской войны и Первой обороны Севастополя адмиралу П. С. Нахимову стал одним из символов города. Во второй половине XX века информация о монументе содержалась в научно-популярных изданиях, путеводителях и фотоальбомах. Он был включен в разные туристические маршруты [Веникеев 1983; Памятники Севастополя 1982; Чебанюк 1962; Шевцов 1960]. Однако вопрос, связанный с его восстановлением в послевоенные годы, в исторической литературе недостаточно отражен. Важным источником, раскрывающим этот сюжет, являются стенограммы заседаний Художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре Главного управления по делам искусств Министерства культуры СССР, которые содержатся в фондах РГАЛИ (Российского государственного архива литературы и искусства).

Авторами проекта первого памятника П. С. Нахимову стали художник А. А. Бильдерлинг и скульптор И. Н. Шредер. Его открытие состоялось 18 ноября 1898 г. в честь 45-й годовщины Синопского сражения на площади, носящей имя адмирала перед Графской пристанью. В дальнейшем

на восприятие личности самого П. С. Нахимова оказали влияние революционные события и установление советской власти. В ходе борьбы со старыми символами в октябре 1928 г. монумент ему в Севастополе был демонтирован на основе декрета СНК РСФСР от 14 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». На сохранившийся постамент в 1932 г. установили статую В. И. Ленина скульптора В. В. Козлова [Волков 2021: 29–30; 174–175; Сибиряков 2016: 68].

В ходе Великой Отечественной войны произошло изменение по отношению к событиям 1853–1856 гг. В это время появилось осознание преемственности между Первой и Второй оборонами Севастополя. Символическим шагом официального признания заслуг П. С. Нахимова стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. об учреждении ордена его имени (1-й и 2-й степени) и медали [Колесников 1986: 40–41, 60–61]. В том же году было принято решение о восстановлении памятника, который планировалось установить сбоку от здания музея Черноморского флота. Созданием этого проекта занимался скульптор Н. В. Томский. Однако в дальнейшем работу приостановили [Шевцов 1960: 8–9; Волков 2021: 176].

О ситуации с монументом П. С. Нахимову в этот период не были осведомлены в областных органах власти. Так, в ходе обсуждения доклада на совещании по проблемам в памятникоохранной сфере в Крыму 10 июня 1948 г. исполняющая обязанности начальника сектора охраны памятников областного отдела архитектуры О. Я. Ковалева не смогла ответить на вопрос о том, где находился монумент флотоводцу [Манаев 2021: 83; ГАРК, Ф. Р-3385, оп. 1, д. 111].

Следующий проект восстановления разрабатывался в процессе подготовки к празднованию 100-летия Первой обороны Севастополя. Советом Министров СССР 18 апреля 1952 г. было принято Постановление «Об именовании 150-летия со дня рождения выдающегося русского флотоводца П. С. Нахимова и об увековечивании его памяти» [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 598: 35]. Новое место для памятника адмиралу было выбрано на стыке двух главных магистралей города: проспекта Нахимова и Большой Морской улицы. Однако и этот вариант реализовать не удалось. Вскоре Се-

вастопольский городской совет утвердил решение воздвигнуть монумент на прежнем месте — у Графской пристани. Над этим проектом совместно с Н. В. Томским работал архитектор А. В. Арефьев. Закладка монумента состоялась 6 июля 1952 г. [Волков 2021: 93–94; Шевцов 1960: 9].

Разработка проекта памятника П. С. Нахимову происходила на протяжении нескольких лет. Данный процесс регулярно обсуждался на заседаниях Художественно-экспертного Совета по монументальной скульптуре. Участие в этом принимали архитекторы, скульпторы, искусствоведы, включая П. И. Бондаренко, А. И. Замошкина, Г. И. Мотовилова, П. М. Сысоева, Б. Н. Федорова, В. Е. Цигаля, Ю. В. Щуко, П. П. Яцыно.

Одним из важных вопросов, поднятых на заседании 6 февраля 1954 г., стало обсуждение необходимости создания постамента для памятника. Н. В. Томский отмечал, что старый пьедестал находился в оббитом состоянии. Он предлагал использовать новый. Большинство присутствовавших поддержали данное предложение. В качестве аргументов для этого указывалось, что необходимо выразить своё время, нельзя приспособливать новую скульптуру к существовавшей архитектуре, также на прежнем варианте не следует останавливаться по техническим соображениям, так как ремонт может стоить не меньше, чем создание заново.

Затем обсуждался проект самого монумента. В целом он получил положительные комментарии. Отдельные замечания были связаны с необходимостью доработки фигуры. Спорным вопросом стало наличие якорей. В ходе дискуссии указывалось на их маленький масштаб. Некоторые специалисты считали, что якоря лишние и их стоит убрать [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 249: 9–14].

На заседании Художественного-экспертного совета 3 ноября 1954 г. Н. В. Томский в своём выступлении сказал, что его проект монумента утвердили, однако после финансовых расчётов решили использовать уже существовавшую нижнюю часть пьедестала. В связи с тем, что фигура устанавливалась на новое место, скульптор сделал ещё один вариант, который был представлен.

Г. И. Мотовиловым указывалось, что автору удалось удачно соединить стиль XIX века со своей работой. Б. Н. Федоровым было сказано, что

скульптор сумел найти связь монумента с ансамблем города. На заседании продолжилось обсуждение уместности использования якорей в работе, по итогам которого приняли решение их оставить.

Наличие знамени и венка с текстом в работе также вызывало противоречивые комментарии. Вопросы касались необходимости их присутствия и определения масштабов этих составляющих в проекте. Архитектор А. В. Арефьев поддержал использование знамени, указав на то, что оно является традиционным для Севастополя, и эта деталь располагалась на прежнем монументе. Н. В. Томский указал на то, что «ни один севастополец не откажется от знамени». Венок с надписью он также считал необходимым элементом для монумента [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 281: 3–8].

Заседание Художественно-экспертного совета после просмотра в величину сооружения скульптуры П. С. Нахимова состоялось 3 декабря 1958 г. По его итогам обсуждались вопросы, связанные с масштабом и пропорциями фигуры монумента. Представителями от Генштаб ВМФ СССР, находившимися на заседании, проект был оценен положительно. Они отмечали, что образ адмирала Нахимова соответствовал существующим изобразительным и литературным источникам. В результате было принято решение Совета об установлении скульптуры на временном постаменте [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 923: 2–8].

Важной частью проекта являлись рельефы, на которых отображены эпизоды из флотской службы адмирала. Их значение в общей композиции памятника дополняло образ Нахимова. Н. В. Томский разработал несколько вариантов композиции «Синопский бой». Представителями Художественно-экспертного совета 13 мая 1959 г. обсуждались историческая составляющая и технические детали рельефа [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 1065, 2–4].

Н. В. Томским на заседании 29 мая 1959 г. были описаны события, которым посвящен рельеф «4-й бастион». Им указывалось, что в ходе работы проводились консультации с представителями Военно-морского флота. Помощником скульптора в этой работе стал Б. В. Едунов. В этот же день продолжалось также обсуждение необходимых доработок к рельефу «Синопское сражение» [РГАЛИ, ф. 2329 оп. 4, д. 1066, л. 2–9]. Послед-

ная композиция «Беседа Нахимова с матросами» в величину сооружения была рассмотрена и принята на заседании Художественно-экспертного совета 27 мая 1959 г. [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 1067, л. 3].

Новый монумент адмиралу П. С. Нахимову в Севастополе торжественно открыли 5 ноября 1959 г. Решением президиума Академии художеств СССР Н. В. Томскому в 1961 г. за эту работу была присуждена Золотая медаль [Волков 2021: 181].

Таким образом, стенограммы заседаний Художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре Главного управления по делам искусств Министерства культуры СССР по обсуждению проекта памятника П. С. Нахимову дают представление о процессе работы над проектом, о подходах к его созданию, дискуссиях в ходе его рассмотрения. Эти источники дополняют сведения, связанные с историей послевоенного восстановления монумента.

Библиография

- ВЕНИКЕЕВ Е. В. Архитектура Севастополя. — Симферополь: Таврия, 1983. — 144 с.
- ВОЛКОВ Е.В., ЖУРАВЛЕВА Н.С., СИБИРЯКОВ И.В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. — Челябинск, 2021. — 499 с.
- ГАРК, Ф. Р-3385, оп.1, д. 111, 45 л.
- КОЛЕСНИКОВ Г. А., РОЖКОВ А. М. Ордена и медали СССР. — М., 1986. — 127 с.
- МАНАЕВ А. Ю. «На местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма»: итоговый доклад совещания о проблемах сохранения памятников полуострова в 1948 г. // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». — 2021. — № 4. — С. 80–106.
- Памятники Севастополя: фотоальбом / авт.-сост. О. О. Ляхович, О. Ю. Грабар; фото В. О. Моруженко. — Киев: Мистецтво, 1982. — 119 с.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 281, 13 л.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 249, 15 л.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 923, 18 л.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 1065, 15 л.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 1066, 37 л.
- РГАЛИ, ф. 2329, оп. 4, д. 1067, 23 л.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1

РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 598, 47 л.

СИБИРЯКОВ И. В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Социально-гуманитарные науки». — 2016. — № 4. — С. 58–63.

ЧЕБАНЮК З. Ф. Севастополь: исторические места и памятники. — Симферополь: Крымиздат, 1962. — 176 с.

ШЕВЦОВ И. Памятник адмиралу Нахимову в Севастополе. — М.: изд-во Академии художеств СССР, 1960. — 18 с.

Дубровская Д. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ТРЕБУШЕТЫ С ЧУМНЫМИ ТРУПАМИ, ИЛИ КАК РАЗВЯЗАТЬ БИОЛОГИЧЕСКУЮ ВОЙНУ СВОИМИ РУКАМИ (КАЗУС ОСАДЫ КАФФЫ МОНГОЛАМИ; 1346 г.)

Dubrovskaya Dinara V.

TREBUCHETS WITH PLAGUE CORPSES, OR HOW TO DIY A BIOLOGICAL WAR (CASE OF THE MONGOL SIEGE OF KAFFA IN 1346)

В середине XIV в. Ближний Восток, Северную Африку и Европу охватила пандемия бубонной чумы («Черной смерти»), ставшая одной из величайших эпидемических катастроф в истории человечества. По разным оценкам в результате этого средневекового аналога ядерного холокоста за три года (1347–1350) Черная смерть унесла от четверти до трети населения Европы; сопоставимым оказался уровень смертности в Магрибе и на Ближнем Востоке, серьезно пострадали Индия, Китай и другие страны Дальнего Востока

Представление о том, что чума пришла в Европу XIV в. из Азии через Крым, основано на свидетельстве генуэзца Габриэле де Мюсси (Gabriele de' Mussi), описавшего один из самых известных случаев применения протобиологического оружия в истории. Анализ рукописи де Мюсси и других отчетов XIV в. об эпидемии Черной смерти убедительно показывает, что при осаде Каффы действительно имели место эпидемиологические диверсии: подобное допущение согласуется как с тогдашними технологиями, так и с современными представлениями о причинах возникновения болезней. Однако проникновение чумы в Европу из Крыма, скорее всего, не связано с событиями вокруг Каффы.

Итак, основной источник о Черной смерти и ее появлении в Европе — мемуары де Мюсси, неоднократно публиковавшиеся на латинском языке оригинала [Henschel 1842; Tononi 1884] и не так давно переведенные на английский язык [Norrox 1994]¹. Де Мюсси повествует, что монгольское войско забрасывало трупы погибших от чумы в осажденную Каффу, заражая таким образом защитников города, а выжившие после осады беженцы распространили заразу по всему Средиземноморскому бассейну пандемии чумы.

Основные носители болезни, лежавшей в основе пандемии зоонозного заболевания — бубонной чумы² вызываемой грамотрицательной бактерией *Yersinia pestis*, — дикие грызуны [Pollitzer 1954; Dennis, Gratz, Poland 1999]. Первоначальное происхождение Черной смерти до сих пор неясно — ими считают либо Китай, либо Монголию (а также Индию, Центральную Азию и юг России)³. В целом историки согласны в том, что пандемия распространялась на запад из степной зоны Причерноморья и Прикаспия, а Крым сыграл роль передаточного звена заражения Средиземноморского бассейна.

Каффа (ныне Феодосия) была основана выходцами из Генуи в 1266 г. по соглашению с ханом Золотой Орды [Vasiliev 1936]; этот важнейший порт служил перевалочным пунктом для мощных генуэзских торговых судов [Gardiner 1995; Grousset 1970], передававших в Каффе эстафету каботажному судоходству, доходившему до нынешнего Азова (Таны) на Дону. В свою очередь торговля по Дону связывала Тану с центральной Россией, а сухопутные караванные пути — с Сараем (оттуда пути снова вели на Дальний Восток) [Dols 1977; Grousset 1970; Obolensky 1971].

Отношения итальянских купцов и монгольских ханов были сложными: так, в 1307 г. хан Золотой Орды Тохта (ок. 1270–1312/13) взял под арест итальянцев, проживавших в Сарае, и осадил Каффу, будучи возмущен итальянской торговлей тюркскими рабами, продаваемыми в солдаты Мамлюкскому султанату. Генуэзцы сопротивлялись в течение года,

¹ Ряд отрывков публиковался ранее, См.: Derbes 1966.

² См.: Hecker 1844.

³ См.: Norris 1977.

но в 1308 г. подожгли город и оставили Каффу. Отношения между итальянцами и Ордой оставались напряженными вплоть до смерти Токтая в 1312 г. [Grousset 1970].

Преемник Токтая Узбек (ок. 1283–1341) приветствовал возвращение генуэзцев и предоставил итальянцам землю в Тане. К 1340-м гг. Каффа снова вступила в эпоху процветания, окружившись двумя concentрическими стенами. Многонациональный состав жителей города включал генуэзцев, венецианцев, греков, армян, евреев, монголов и представителей тюркских народов [Howorth 1880].

В 1340 г. благосклонного Озбега сменил неблагосклонный Джанибег, и уже через три года возмущенные конфликтом между итальянцами и мусульманами на Дону монголы осадили Каффу и итальянский анклав в Тане [Dols 1977]. Итальянские купцы бежали из Таны в Каффу (последняя располагалась прямо на побережье и поэтому несмотря на осаду имела доступ к морю). Осада продолжалась до февраля 1344 г. Ее сняли в результате действий прибывшего по морю итальянского подкрепления, уничтожившего 15 000 монгольских солдат и их осадные машины [Howorth 1880]. Через год упорный Джанибег возобновил осаду, но спустя год снова снял ее — на этот раз из-за эпидемии чумы, выкосившей личный состав осаждавших. Итальянцы блокировали монгольские порты, принудили Джанибега к переговорам и в 1347 г. получили разрешение восстановить колонию в Тане [Grousset 1970].

Родившийся около 1280 г. Габриэле де Мюсси служил нотариусом в Пьяченце [Toponi 1884], активно работал в 1300–1349 гг. и умер примерно в 1356 г. Мнения о личном присутствии де Мюсси при осаде Каффы разнятся, но в любом случае его отчет появился в 1348 — начале 1349 г. Повествование открывает воображаемая апокалиптическая речь Бога, оплакивающего разврат, в который впало человечество, и описание предполагаемого возмездия. Де Мюсси продолжает: «...В 1346 году в странах Востока бесчисленное множество татар и сарацинов было поражено таинственной болезнью, приведшей к внезапной смерти. В пределах этих стран обширные области, обширные провинции, великолепные королевства, города, городки и поселения, изнуренные болезнью и пожираемые

ужасной смертью, вскоре лишились жителей. Восточное поселение под властью татар под названием Тана, находившееся к северу от Константинополя и часто посещаемое итальянскими купцами, было полностью заброшено после инцидента, приведшего к его осаде и нападению полчищ татар... Изгнанные силой христианские купцы были так напуганы могуществом татар, что, дабы спасти себя и имущество, бежали на вооруженном корабле в Каффу, поселение в той же части света, что было основан генуэзцами.

О Боже! Посмотрите, как языческие татарские племена, стекаясь со всех сторон, внезапно обложили город Каффу и почти три года осаждали там пойманных в ловушку христиан. Там, окруженные огромной армией, они едва переводили дыхание, хотя можно было доставить продовольствие, что давало им некоторую надежду. Но вот вся армия была поражена болезнью, которая поразила татар и убивала тысячи и тысячи каждый день. Словно с неба сыпались стрелы, поразившие и сокрушившие надменность татар. Все медицинские советы и внимание были бесполезны; татары умирали, как только на их телах появлялись признаки болезни: опухоли в подмышечной впадине или в паху, вызванные свертыванием соков, за которыми следовала гнилостная лихорадка.

Умирующие татары, ошеломленные и одуревшие от масштабов бедствия, вызванного болезнью, и поняв, что у них нет никакой надежды на спасение, потеряли интерес к осаде. Но они приказали поместить трупы в катапульты (на самом деле — требушеты.— Д. Д.) и обстреляли город в надежде, что невыносимая вонь убьет всех внутри. Казалось, что горы мертвых были брошены в город, и христиане не могли ни спрятаться, ни бежать, ни спастись от них, хотя они сбросили столько тел, сколько могли в море. Вскоре разлагающиеся трупы испортили воздух и отравили воду, а вонь стала такой невыносимой, что едва ли один из нескольких тысяч был в состоянии бежать от остатков татарского войска. Более того, один зараженный человек мог передать яд другим и заразить людей и места болезнью одним взглядом. Никто не знал и не мог найти средства защиты.

[...] ...Случилось так, что среди тех, кто бежал из Каффы на лодке, было несколько матросов, зараженных ядовитой болезнью. Некоторые

лодки направлялись в Геную, другие — в Венецию и прочие христианские районы. Когда матросы достигли этих мест и смешались там с народом, они принесли с собою злых духов: каждый город, селение и место было отравлено заразной моровой язвой, и жители их, как мужчины, так и женщины, внезапно умерли. И когда один человек заразился болезнью, он отравил всю свою семью, даже когда он упал и умер, так что и готовившиеся похоронить его тело были точно так же схвачены смертью. Таким образом, смерть входила через окна, и по мере того, как города и поселки обезлюдели, их жители оплакивали своих умерших соседей» (опубл. в: [Horrox 1994: 16–20]).

Рассказ завершается подробным описанием чумы в Пьяченце и повторением апокалиптического видения, с которого оно начинается.

В повествовании де Мюсси делает два важных утверждения: 1) чума передалась через забрасывание трупов больных в осажденную Каффу и 2) бежавшие из Каффы итальянцы принесли ее в средиземноморские порты.

Скорее всего, сведения де Мюсси были получены из вторых рук, но пьяченец имел доступ к свидетельствам очевидцев осады. То был не первый и не единственный случай передачи болезни путем забрасывания биологического материала в осажденные города: подобные действия находились в пределах технических возможностей осаждающих армий того времени, а сам выбранный способ биологической атаки соответствует средневековым представлениям о причинах возникновения болезней [Wheelis 1999: 8–34].

Библиография

- DENNIS D.T., Gratz N., Poland J.D., Tikhomirov E. Plague Manual: Epidemiology, Distribution, Surveillance and Control. Geneva: World Health Organization, 1999.
- DERBE V. J. De Mussis and the Great Plague of 1348. JAMA. 1966. No. 196. Pp. 179–82.
- DOLS M. W. The Black Death in the Middle East. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1977.
- GARDINER R. The Age of the Galley: Mediterranean Oared Vessels since Pre-Classical Times. Annapolis (MD): Naval Institute Press, 1995.

GROUSSET R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1970.

HECHER J.F.C. The Epidemics of the Middle Ages. London: Sydenham Society, 1844.

HENSCHEL A. W. Document zur Geschichte des schwarzen Todes. Archives für die gesammte Medizin. 1842. No. 2. S. 26–59.

HORROX R. (ed.). The Black Death. Manchester: Manchester University Press, 1994. Pp. 14–26.

HOWORTH H. H. History of the Mongols, from the 9th to the 19th Century. New York: Burt Franklin, 1880.

NORRIS J. East or West? The Geographic Origin of the Black Death. Bull Hist Med. 1977. No. 51. Pp. 1–24.

OBOLENSKY D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.

POLLITZER R. Plague. Geneva: World Health Organization, 1954.

TONONI A. G. La Peste Dell' Anno 1348. Giornale Ligustico de Archeologia. Storia e Letteratura. 1884. No. 11. Pp. 139–52.

VASILIAV A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge (MA): Mediaeval Academy of America, 1936.

WHEELIS M. Biological Warfare before 1914. Geissler E., Moon J. Ev.C. (Eds.). Biological and Toxin Weapons: Research, Development and Use from the Middle Ages to 1945. London: Oxford University Press, 1999. Pp. 8–34.

Евдокимова А. А.

Институт языкознания РАН, Москва

ДИАЛЕКТЫ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КРЫМУ НА МАТЕРИАЛЕ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Evdokimova A. A.

DIALECTS OF THE GREEK LANGUAGE IN THE CRIMEA ON THE MATERIAL OF GREEK INSCRIPTIONS

Традиционно, изучая диалекты, анализируют материал надписей отдельных регионов и сравнивают представленные в них орфографические и морфологические особенности с распространенными нормами для каждого периода, тем самым определяя, какие вариации являются данью времени, а какие происходят именно в этом регионе. Византийский греческий язык не исключение. Однако, до сих пор нет полного описания особенностей, бытовавших в Византии диалектов греческого языка, так и диахронических исследований изменения принятых в Византии орфографических норм. Поэтому наше исследование лишь обрисовывает те особенности орфографии надписей Крыма византийского периода, которые нам удалось собрать, опираясь на данные, представленные в изданиях. Как показала практика, в некоторых случаях, существует разница между изданиями, в том числе и орфографического свойства. В данной работе мы ее не приводим, так как это требует отдельного исследования.

В продолжении статей [Евдокимова 2019, 2020] мы проанализировали надписи, найденные на территории Крыма и представленные в эпиграфической базе PHI7, а также ряд надписей из V тома корпуса IOSPE, опубликованного на сайте <https://iospe.kcl.ac.uk/5.91-ru.html>. При анализе мы смотрели на все орфографические вариации и оценивали зависимость их появления от позиции ударения. Ранее мы уже выявили для глагола «ἐκοιμήθη» [Евдокимова 2019] ряд закономерностей: в предударном слоге, в основном, происходит традиционная замена «οι» на «υ» и в бо-

лее поздних надписях XIV–XV вв. Замена «οι» на «η», когда возникает, то по аналогии с другими слогами и в связи с частотностью замен на «η» разных гласных в этом регионе. В ударном слоге чаще наблюдается замена «η» на «ι», как и в заударном слоге, вторая по частотности и с большим отрывом по количеству «η» на «υ».

Анализ других лексем показал следующее распределение орфографических замен в зависимости от ударения:

«ι» вместо «η»: в предударном слоге встречается в 9 надписях X–XV вв. Под ударением выявлена в 8 словах из надписи 906 г. из Партенита [V 243] и в надписи из Судака без даты. В заударной позиции зафиксирована в 10 надписях IV–XV вв. из разных мест Крыма. «ι» вместо «ει»: найдены в предударной позиции все примеры с вариациями глагола ἐτελιώθη X в. и XIV–XV вв., а также ἀνακίμενας IV–V вв. [V 64] и ἰς 1078 г. [V 340]. Примеры под ударением IV в. и 1300–1301 гг. В заударном слоге в глаголе κατὰκίτε IV–VII вв. и в надписи из Партенита 906 г. Другие случаи представлены по одному примеру: «ι» вместо «υ»: [κατ]ἀκρίψε 1471 г. [V 242], «ι» вместо «οι»: ἰκήας XIII–XV вв. [V 204], «ι» вместо «ε»: Σεπτιβρήου без даты [Латышев 101].

«η» вместо «ι»: В предударном слоге оказалась в 13 надписях IX–XV вв., под ударением в 20 надписях IV–XV вв. В заударном слоге только в двух надписях: без даты [Латышев 12] и 1459 г. [V 238]. «η» вместо «ει»: в предударном слоге в глаголе ἐτελιώθη в трех надписях с VIII по X в., и в одной надписи XII в. в предлоге ἡ/ς. Под ударением только в одной надписи V–VI вв. [V 78], а в заударном слоге в глаголе κατὰκίτε в двух надписях IX–X вв. Замена «η» на «ε» встречается в предударном слоге в недатированной надписи [Латышев 24] и в одной в заударном слоге [Латышев 116]. «η» вместо «υ» зафиксированы в предударном слоге в двух надписях XIV–XV вв. и под ударением в трех надписях XIII–XV вв. «η» вместо «υ», «η» вместо «ι»: σημβήου в надписи 1272 г. [Латышев 32, V 149]. «η» вместо «οι» в надписи 2 пол. XIII в. [V 219].

«ει» вместо «ι» зафиксировано в 5 надписях в предударной позиции и все IV в., 7 примеров под ударением и все также IV в. В заударной позиции примеры отсутствуют. «ει» вместо «η» только в одной надписи: Ἐτελιώθει (V 243. Партенит, 906 г.).

«υ» вместо «οι» в предударном слоге в двух надписях: 906 г. [V 243] и 1078 г. [V 340] и в одной недатированной из Херсонеса [Латышев 12]. «υ» вместо «η» в двух предударных XI–XII вв. [V 86] и XIV в. [Латышев 47], под ударением в надписи 1471 г. [V 242] в заударной позиции в двух надписях: 1272–1273 гг. [V 149] и 1459 г. [V 238]. «υ» вместо «ει» в предударной позиции в предложе *ύς* XIV в. [Латышев 47] и 1470 г. [Латышев 42] и в заударной позиции в глаголе *κατάκυτε* в двух надписях недатированной [Латышев 100] и 1471 г. [V 242]. «υ» вместо «υι»: в существительном *ύος* 1378 г. [Латышев 76]. «υ» вместо «ι» в предударной позиции XIV–XV вв. [V 203] и под ударением в одной надписи 1351–1352 или 1381–1382 гг. [V 209]. «οι» вместо «ι» в одной надписи 906 г. [V 243].

«ο» вместо «ω»: В предударном слоге в 11 надписях: недатированных, IV в., а также в надписях XI–XIV вв. Под ударением 5 примеров из одной надписи 906 г. [V 243], остальные 11 приходятся на период VI–XV вв. В заударном слоге также 4 случая из уже упомянутого надгробия 906 г. [V 243] и 14 надписей с IV–XV вв. «οο» вместо «ο» *Βοοσπόρω* 582–602 гг. [Латышев 99], «ο» вместо «ου» *Φ[εβ]ροαρίο* X в. [V 240]. «ο» вместо «οι»: *κοιυ[τήριον?]* XI–XII вв. [V 86]. Обратная замена «ω» вместо «ο» в предударном слоге замечена в пяти надписях с IV–X вв. Под ударением встречается в трех надписях также с IV–X вв. В заударной позиции только в одной надписи кон. XIII — нач. XIV в. [V 197]. В двух надписях, недатированной [Латышев 26] и 1078 г. [V 340] происходит и та, и другая замена.

«ε» вместо «αι»: в предударной позиции в 4 надписях X–XV вв. и в одной IV в. Под ударением 2 надписи IV в. и в двух надписях XIII–XV вв. Все примеры в заударной позиции в глаголе *κατάκυτε* в разных вариантах в 9 надписях IV–XV вв. «ε» вместо «ι»: *ένδ(ι)κτ(ιω)νος* 1427 г. [Латышев 45], «ε» вместо «η» обнаружены в двух надписях в предударном слоге: *Σεβέρο* IV в. [Struve 743], *[μν]εμῆον* V–VI вв. [V 78]. «ε» вместо «ει» встречается только в двух надписях в предударном слоге III–IV вв. [Struve 736] и 1459 г. [V 238].

Для согласных самой частотной является замена: «ν» вместо «γ» в 4 надписях IV–XV вв. Одна надпись «τ» вместо «θ» в глаголе *έτελιότη* XIV–XV вв. [V 188]. «ν» вместо «μ»: *πανπόλεος* 1300–1301 или 1361–

1362 г. [V 176]. «θ» вместо «т» в надписи 1351–1352 или 1381–1382 гг. *Ἐλαθομ(ήθησαν)* [V 209]. пропущено «μ» в названии месяца *Σε/π/τεβρίου* в 4 надписях XIV–XV вв. пропущена «β»: *ἀβᾶς* 906 г. [V 243, Латышев 69]. пропущена одна из «λ»: *πωλᾶ* IV в. [Struve Add 937,3], пропущена «σ»: *Ἀγούτον* IV в. [Struve Add 937,3]. Лишняя «λ»: *Ἰουλλ(ίου)* в надписи 1459 г. [V 238].

Гласные тоже пропускались: пропущена «α» в существительном *ἄνπαισις* в надписи III–IV вв. [Struve 736] и пропуск «ε» в существительном *βοβῶδα* в двух надписях 304 г. [Struve Add 937,3] и 1440 г. [Латышев 3].

Таким образом, ряд замен гласных в надписях Крыма отражают процессы, которые связаны с развитием греческого языка, как итацизм или замена «ο» вместо «ω», которая чаще в этом регионе Византии происходит в ударных позициях. Другие выявленные вариации сближают Крым с надписями, найденными в Каппадокии, что возможно произошло под влиянием носителей каппадокийского диалекта.

Библиография

ЕВДОКИМОВА А. А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» 6–8 июня 2019 г., Севастополь: 2019. Стр. 95–105

ЕВДОКИМОВА А. А. Крымские византийские граффити. Лингвистические и палеографические особенности. // V Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» 6–10 октября 2020 г., Севастополь: 2020. Стр. 14–18

ЛАТЫШЕВ В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896

STRUVE V. Corpus inscriptionum regni Bosporani. Moscow: 1965.

Ефимов А.В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ОСМАНСКИЕ ТАПУ-ТАХРИР ДЕФТЕРЫ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМА В НАЧАЛЕ XVI в.

Efimov A. V.

OTTOMAN TAPU-TAHRIR DEFTERS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE CRIMEA AT THE BEGINNING OF THE 16th CENTURY

Одним из важнейших источников по истории Крыма периода турецкого владычества являются регистрационные книги (*тапу-тахрир дефтерлери*) *лива-и Кефе* — османской административной единицы на территории полуострова.

В конце XV — начале XVI вв. сложилась османская регистрационная традиция. После захвата новых регионов османские чиновники проводили регистрацию всех необходимых сведений для определения экономического потенциала территории. Записи в *тахрир дефтерах* распределены по административному делению на *кадылыки*, с выделением относящихся к ним города и селениям. Экономической единицей являлось отдельное хозяйство или семья — *хане*, в дефтеры вносились имена глав семейств. Отдельно учитывались вдовы и холостяки.

Как правило, рукопись *тахрир дефтера* сопровождалась подробным собранием законов — *кануннаме* соответствующего региона. В котором отражались взимаемые налоги, меры веса, практикуемые юридические принципы.

После проверки чиновниками *эминами*, отвечавшими за *тахриры*, рукопись копировалась в двух экземплярах, один оставался в регионе, другой же направлялся в Стамбул. На основе сведений, внесенных в *дефтеры* принимались основные решения по управлению территориям.

Для исследователей *тахриры* — являются важнейшими источниками, содержащими сведения об административном делении, народонаселении,

экономическом положении. Исследование региональной истории Османской империи, в значительной мере, базируется на сведениях *тахрир дефтеров*.

Наиболее ранние из *тахриров лива-и Кефе*, ныне хранящиеся Османском архиве при Премьер-министре Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivi), относятся уже к первой половине XVI века. Это две регистрационные книги, имеющие шифры хранения ТТ 370 и ТТ 214.

Дефтер ТТ 370 не имеет даты, по содержащимся в нем сведениям о доходах, которые не могут быть ранее 1519 г. и отсутствию записи о переселении в Кефе греческой общины из Трабзона, которое состоялось в 1523 г. — датировкой *дефтера* принято считать 1520 г.

В дефтер ТТ 370 вместе с Кефе включает в себя данные о *санджаках* Кырккилисе, Чирмен, Силистре, Визе и Нигболу.

Дефтер Кефе имеет своё *кануннаме*, которое состоит из разделов: Пристани Кефе, Внутригородские законы Кефе, Законы Татарских Ворот, Туде-и Джемре, Законы о невольниках, Туде-и Капан, Баб-ы Куле, Законы о весовых налогах, Законы о вине, Законы о посреднических третях, Законы о тамгах на кожах, Кабале, Керчь, Копан, Таманские пристани, Законы о ловле дальянами и другими снастями в Азове, таможня Азова.

После кануннаме идёт фиксация сведений о населении. Подробно описаны городские мусульманские приходы — *маале*, религиозные общины — *джемааты* немусульман.

После сведений о городских центрах идут разделы с описанием селений — *карийе*, в которых представлены сведения о домовладениях — *хане*, потом информация о собираемых урожаях. Подробная информация о главах семей не приводится.

Вслед за разделами о населении и налогах городов и селений помещены сведения содержащие обобщенные сведения: о числе душ, количестве крестьянских хозяйств, общин, мельниц, рыболовных снастей (*дальянов*), складов, соборных и квартальных мечетей, бань, торговых лавок, дервишеских обителей и т. д.

После записей, связанной с населением, занесены обобщенные сведения о доходах региона, которые разделены на три части: *хассы падишаха*, *хассы санджакбея* и доходы *вакуфов*.

Далее приводятся подробные сведения о воинском классе Кефе и подчинённых ей крепостей, указаны оружие и боеприпасы, хранящиеся в крепостях, с указанием их названий и количества.

Вторая регистрационная книга, хранится также в Османском архиве при Премьер-министре Турецкой Республики под шифром ТТ 214.

На листе 9 этого *дефтера* обозначена дата 20 реджеба 949 года/30 октября 1542 года. Эта дата получения окончательно оформленного *дефтера*, потому что в тексте встречаются даты: 945/1538 год, 946/1539 год, из чего можно сделать вывод, что регистрационные записи здесь начали делаться в 1538 году, а закончились к 1542 году.

Дефтер, состоящий из 269 листов, содержит данные только по Кефе. Как в первом дефтере, здесь имеется *кануннаме*, этот *кануннаме* не слишком отличается от первого *кануннаме*.

Следующий раздел представляет итоговую сводку по всему *дефтеру*. Вначале даются статьи доходов, относящихся к налогам Кефе, затем идут урожаи, собираемые в селениях и другие внешние доходы.

После этой сводки расположены сведения о населении всех городских центров, начиная с Кефе. В записях о населении даны имена глав семейств, указаны и их профессиональная принадлежность.

В разделе о мусульманском населении за основу принят квартал — *маале*. После поквартального описания идут списки членов общин немусульман — *джемаатов*.

Далее следует описание деревень, где внесены сведения с указанием имен глав семейств. После данных о населении приводятся сведения о порядке налогообложения деревень. Указываются урожаи сёл, какие виды доходов получаются от этих урожаев.

Записи тапу-тахрир дефтеров выполнены почерком *сийакат*, цифры же даны в буквенном написании — *дивани*.

Если в первом дефтере используются только османские акче, в регистрационных записях второго дефтера параллельно даются данные в *османи* и кафинских *акче*. Во втором нашем источнике для оценки сельских урожаев используются только османские *акче*.

Жигалова Н. Э.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

ОСМАНСКИЕ ПРИНЦЫ ПРИ ДВОРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В XV в.: ЗАЛОЖНИКИ, МЯТЕЖНИКИ, ДИПЛОМАТЫ*

N. E. Zhigalova

OTTOMAN PRINCES AT THE COURT OF THE BYZANTINE EMPERORS IN THE 15th CENTURY: HOSTAGES, REBELS, DIPLOMATS

В начале XV в. после поражения османского султана Баязида I (1389–1402) в битве при Анкаре внутри Османского дома разразился династический кризис, приведший к многолетней борьбе наследников Баязида за османский престол. В попытках наладить отношения с византийским василевсом и заручиться его поддержкой османские эмиры охотно шли на территориальные уступки. Так, по условиям договора 1403 г. один из сыновей Баязида Сулейман обещал императору Мануилу II Палеологу (1391–1425) возвратить Фессалонику, которая с 1387 г. находилась под властью османов, ряд крепостей на черноморском побережье и побережье Мраморного моря [Шукуров 2013: 279], а также передать впоследствии василевсу в качестве заложников своих малолетних брата и сестру. Такая практика не являлась новшеством во взаимоотношениях византийских императоров с восточными правителями — на протяжении всей византийской истории она применялась довольно часто и была эффективным дипломатическим инструментом, обеспечивающим исполнение достигнутых ранее договоренностей [Шукуров 2017: 334]. В настоящей работе предпринимается попытка изучить причины пребывания при византий-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

ском дворе членов Османского дома в качестве почетных заложников, а также определить их роль во взаимоотношениях Византии и Османского государства в первой половине XV в.

По результатам соглашения с Сулейманом в Константинополь отправились младшие дети Баязида — Касим и Фатьма, которые после воцарения султана Мехмеда I в 1413 г. были отосланы императором в Бурсу в знак дружбы с султаном [Zachariadou 1983: 270, not. 6]. Однако, как сообщают византийские источники, на тот момент при дворе византийского императора находился также другой сын Баязида — Юсуф (или, в интерпретации историков Халкокондила и Дуки, Иса). Неизвестно, по каким причинам юноша оставался при византийском дворе. Возможно, он прибыл туда добровольно и попросил покровительства василевса [Laonikos Chalkokondyles 2014: 292. 12], поскольку не желал участвовать в османских внутридинастических распрях. По словам Дуки, Иса был дружен с наследником византийского престола Иоанном Палеологом и однажды «он пришел к василевсу Мануилу и обратился к нему с просьбой крестить его в соответствии с христианским законом. Ежедневно он говорил императору, что является христианином, а вовсе не верующим в догматы Мухаммеда. Василевс не желал даже слушать, поскольку это могло стать причиной скандала» [Ducas 1958: 135. 9–12]. Вероятно, под «скандалом» историк подразумевал, что османский султан Мехмед I будет разгневан, узнав, что его младший брат обратился в христианскую веру, и это негативно скажется на союзнических отношениях султана и василевса. Думается, мотивы Мануила II отказать в просьбе Исе были более прагматичны: юный мусульманин, будучи возможным претендентом на османский престол, не мог принять христианство, поскольку в таком случае навсегда бы утратил право его занять. В случае возобновления династических распрей в Османском государстве Иса, воспитанный при константинопольском дворе, мог оказаться полезным для императора активом в качестве лояльного ему правителя османов. Известно, что в результате юноша все же принял христианство и вскоре после этого умер. Возможно, его скоропостижная кончина поспособствовала тому, что султан Мехмед I никак не среагировал на эту ситуацию.

Однако в 1415 г. в Трапезунде объявился другой сын Баязида I — пропавший после битвы при Анкаре в 1402 г. Мустафа, более известный по византийским сочинениям и османским хроникам как лже-Мустафа. Дука сообщал, что в 1416 г. Мустафа Челеби появился у стен Фессалоники и был тепло принят поверенным императора Димитрием Леонтарисом. Леонтарис, имея от василевса Мануила II конкретные указания, не выдал Мустафу султану Мехмеду I, несмотря на его настойчивые требования, а отправил в Монемвасию, где тот пребывал в качестве почетного заложника вплоть до 1421 г. Затем, видимо, при содействии византийцев, Мустафа отправился собирать войска против вступившего на престол Мурада II (1421–1444, 1446–1451), сына Мехмеда I, однако вскоре потерпел поражение от своего племянника. Так, для византийского императора гораздо более предпочтительным было видеть во главе Османского государства лояльного кандидата, благодарного василевсу за поддержку и доброе отношение. В данном же случае вмешательство Византии во внутридинастические дела Османов привело к открытому конфликту с действующим султаном, который в 1422 г. взял в осаду Константинополь и Фессалонику.

Еще одной неудачей обернулась попытка императора Константина XI Палеолога манипулировать династическими амбициями султана Мехмеда II (1444–1446, 1451–1481), взошедшего на престол в 1451 г. Разногласия между султаном и василевсом возникли из-за Орхана Челеби, который был правнуком Баязида I и внуком Сулеймана Челеби. Орхан проживал в Константинополе, и на его содержание турецкий султан ежегодно выплачивал три тысячи аспров. В обмен на это византийцы были обязаны держать принца под контролем и не поддерживать возможные притязания Орхана на османский трон. По сообщению Дуки, к Мехмеду были направлены послы с требованием выплатить положенную сумму и сообщением, что Орхан «достиг совершеннолетия, и ежедневно многие люди стекаются к нему, называя его господином и государем» [Ducas 1958: 293. 14–15]. Очевидно, такие заявления были восприняты султаном как оскорбление и завуалированная угроза. Не совсем понятно, чего именно добивался император: увеличить размер выплат на содержание османского принца или же продемонстрировать Мехмеду наличие опасного соперника,

преданного василевсу. Однако, по мнению Дуки, именно этот инцидент спровоцировал Мехмеда начать приготовления для осады византийской столицы.

Таким образом, пребывание представителей Османского дома в почетном плену у византийских императоров в первой половине XV в. не было экстраординарным явлением. Напротив, османские принцы могли десятилетиями жить при византийском дворе, обеспечивая тем самым исполнение определенных соглашений. В то же время для византийского василевса такая практика открывала возможность косвенно или напрямую вмешиваться во внутреннюю политику Османского государства, поскольку на престоле в любой момент при поддержке императора мог оказаться тот претендент, которого он хорошо знал и на которого мог оказывать влияние. Однако неудачно разыгранная в 1421 г. карта с Мустафой Челеби, а затем провальные переговоры с Мехмедом II по поводу принца Орхана в 1451 г. привели к резкому ухудшению византийско-османских взаимоотношений и возобновлению османской экспансии, что лишь ускорило гибель империи.

Библиография

ШУКУРОВ Р. М. Последние владения Византии в Анатолии в 1403–1419 гг. // Античная древность и Средние века. 2013. Вып. 41. С. 271–282.

ШУКУРОВ Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017.

DUCAS — *Ducae Historia Turcobyzantina* (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest, 1958.

LAONIKOS CHALKOKONDYLES. *The Histories* / transl. by A. Kaldellis. Cambridge, London, 2014. Vol. I.

ZACHARIADOU E. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles // *Der Islam*. 1983. Bd. 60. P. 268–296.

Зайцева Д. В.

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва

**КАК ОБУСТРОИТЬ НЕАПОЛЬ?
ВЗГЛЯД М.-А. ЖЮЛЬЕНА
НА ПОЛИТИКУ ФРАНЦУЗОВ
В ПАРТЕНОПЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ***

Zaitseva D. V.

**HOW TO FURNISH NAPLES?
VIEW M.-A. JULIEN ON THE POLICY OF THE FRENCH
IN THE PARTHENOPIAN REPUBLIC**

В январе 1799 г., вскоре после бегства неаполитанского королевского двора на Сицилию, французские войска под началом генерала Жан-Этьена Шампионне заняли Неаполь и установили там Партенопейскую республику, управление которой было передано Временному правительству. Помощником и правой рукой генерала стал Марк-Антуан Жюльен, который 1 января 1799 г. написал эссе [Essai], адресованное Шампионне, где изложил свой взгляд на политику, которой следует придерживаться на завоеванной территории и перечислил рекомендации, следование которым, с его точки зрения, могло бы помочь французам снискать доверие местных жителей.

Прежде всего Жюльен рекомендовал Шампионне избегать злоупотреблений, которые совершали французы в предыдущих кампаниях. Автор сочинения утверждал, что опустошение французами завоеванных земель вызывало ненависть народов, которым они обещали свободу, равенство и счастье, поэтому отныне необходимо не допускать воровства и расточительства со стороны властей, опасаться бюрократии и засилья всевозможных инспекторов и контролеров. План Жюльена предполагал создание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00011).

на завоеванной территории сильной централизованной власти с небольшим чиновничьим аппаратом, куда бы вошли наиболее достойные представители. Подобная мера, по мнению автора эссе, позволила бы сберечь казну, не отягощая народ чрезмерными поборами [Essai: 3]. При этом он подчеркивал, что политическую систему не стоит выстраивать на принципах макиавеллизма, она, напротив, должна основываться на искренности и честности, на простом изложении республиканских принципов и сопровождаться «мудрым поведением, умеренностью и мягкостью, что поможет заслужить доверие народа» [Essai: 4].

Одновременно с установлением Временного правительства Жюльен предлагал создать в Неаполе администрацию департамента и муниципалитет, а также национальную гвардию, утверждая, что сделать это необходимо в течение десяти дней после занятия города французскими войсками, чтобы народ «не испытал потрясений при смене одного правительства другим» [Essai: 8]. При этом влияние французских властей на неаполитанцев должно быть искусно завуалировано, чтобы у последних сложилось впечатление, будто бы они управляют самостоятельно — это доставит им удовольствие от пользования своими правами и свободами, станет стимулом для выстраивания карьеры, а также повысит доверие к французам [Essai: 9]. Автор эссе писал, что в новые органы власти непременно должны войти ярые республиканцы — как зажиточные, так и небогатые, но отличающиеся талантами. Он считал, что подобное «соединение дворян и простолюдинов, людей образованных и посредственных» — залог утверждения в неаполитанском обществе новых идей и принципов [Essai: 10–11].

Для отслеживания и устранения возможных злоупотреблений Жюльен предлагал создать специальную административную комиссию, которая ежедневно будет представлять главнокомандующему краткий доклад, который ознакомит его с текущим состоянием всех органов власти, финансов, налогов, продаж национальных благ, флота, армии, внутреннего управления и общественного духа [Essai: 8].

Одной из наиболее острых проблем, которые предстояло решить французам в новой республике, была проблема перераспределения собственности. Жюльен предлагал поступить следующим образом: продавать национальные

имущества небольшими частями, чтобы увеличить число владельцев, которые, обрета собственность, станут сторонниками революции [Essai: 12]. Для того, чтобы поощрить трудолюбие бедняков, предлагалось выделить им по несколько арпанов земли. С владельцев же чрезмерно обширных земель, которые не обрабатываются или предназначаются лишь для разведения садов, Жюльен рекомендовал взимать налог в трехкратном размере [Essai: 12].

Важнейшей задачей, стоявшей перед французами в Неаполе, Жюльен считал привлечение на свою сторону местного плебса — лаццарони, которые, по его словам, представляют собой отдельную, очень грозную нацию внутри государства, симпатии которой крайне необходимо завоевать. Автор сочинения утверждал, что нужно понемногу прививать им любовь к труду, используя их активность: некоторых сделать собственниками, других нанять на мануфактуры и в мастерские — иными словами, сделать всё, чтобы «не оставлять в зарождающейся и неокрепшей Республике это семя революции» [Essai: 12].

Большую опасность, чем лаццарони, по мнению Жюльена, представляли блюстители закона, поскольку они «живут вероломством и предательством, постоянно готовы опустошить кошелек любого, обратившегося к ним за помощью, а неаполитанские суды не знают ни порядочности, ни справедливости». Верным способом борьбы с ними помощник Шампионне считал учреждение института мировых судей, в число которых должны войти известные и уважаемые люди, «обладающие мягким и покладистым характером» [Essai: 12].

Одним из способов подъема общественного духа неаполитанцев Жюльен считал праздники. Апеллируя к словам античного поэта, он призывал Шампионне снизить цены на хлеб и дать народу зрелищ. С его точки зрения народ — это ребенок, которым руководят глаза и чувства, поэтому республиканские торжества должны стать важной частью механизма революции [Essai: 12].

Еще большее значение Жюльен придавал образованию, которое позволит воспитать граждан, следовательно, необходимо учредить в Республике гимназии и военные школы, где в душах юношей будут взращивать мужество, республиканскую гордость и любовь к славе и родине. Жюльен считал, что дети оказывают сильное влияние на взгляды своих от-

цов, поэтому, благодаря воспитанию подростков в соответствии с республиканскими принципами, революционные идеи распространятся быстро и останутся несокрушимыми [Essai: 16].

Создавая эти рекомендации, Жюльен предполагал, что их претворение в жизнь позволит генералу Шампионне снискать симпатии и доверие неаполитанцев и в скором времени продвинуться дальше, завоевав Сицилию. Однако его планам не суждено было сбыться. Несмотря на призывы Жюльена к грамотной и взвешенной политике в отношении местного населения, французы не восприняли его рекомендации, продолжив вести себя как захватчики. Уже через пару месяцев пребывания французов в Неаполе члены Временного правительства адресовали главнокомандующему письмо с претензиями [Rimostanze], в котором изложили недовольство неаполитанцев, вызванное мародерством, насилием и грабежами французов. Из текста письма становится очевидно, что поведение французских войск в провозглашенной ими Партенопейской республике шло вразрез с ценностями свободы и равенства. Назвавшись освободителями, они фактически вели себя как оккупанты, чем вызывали всё большую неприязнь местного населения, которому якобы принесли свободу. И если часть неаполитанских элит выступила на стороне французов, поскольку разделяла их либеральные ценности, то большинство населения восприняло приход французских войск как смертельную угрозу ценностям традиционного общества [Чудинов, 2016: 38–39]. Во многом из-за этого конфликта ценностей и слишком дерзкого поведения французов Партенопейская республика оказалась неустойчивой и просуществовала лишь до июня 1799 г., когда остатки французских и республиканских войск были разбиты санфедистами во главе с кардиналом Фабрицио Руффо.

Библиография

Чудинов А. В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 25–41.

Essai sur le systeme politique a suivre dans la Campagne de Naples, adressé au citoyen Championnet, general en chef de l'armée de Naples // РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 814.

Rimostanze dei Comitati del Governo Provisorio contra i Francesi // РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 769.

Зайцева Е. С.

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ЭКСКУРСЫ
В СОЧИНЕНИЯХ
ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО И КОНЦЕПТ
MARE NOSTRUM В VI в.***

Zaitseva E. S.

**MEDITERRANEAN EXCURSIONS
IN THE WRITINGS OF PROCOPIUS OF CAESAREA AND
THE CONCEPT OF MARE NOSTRUM
IN THE 6th CENTURY**

Тезис о средиземноморском характере римской цивилизации не вызывает дискуссий среди исследователей [Pirenne 1936: 1; Махлаюк 2020: 85]. Средиземное море являлось «осью интеграции» Римской державы и позволяло поддерживать единство разнообразного в этническом и религиозном смысле римского мира [Махлаюк 2020: 85]. В своих трудах специалисты ставят скорее противоположный вопрос, в какой момент цивилизация римлян утратила свой средиземноморский характер. Некоторые исследователи склоняются к мысли, что торговля в Средиземноморье и средиземноморские морские коммуникации оказались нарушены уже вследствие кризисных событий III в. [Zeev 1986: 28], и это привело к завершению средиземноморской гегемонии Римского государства. Другие связывают конец экспансии римлян в Средиземноморье с более поздними временами — вандалским нашествием середины V в. [Baynes 1955: 315] или вовсе лишь с началом арабской конкисты [Pirenne 1936].

В исследовании будет показано, что следует отказаться от ранних датировок конца морского владычества римлян в Средиземноморском ре-

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2.

гионе. Действительно, вандалы на протяжении некоторого времени в V в. контролировали морские коммуникации этого региона. Когда вандальские племена, направляемые своим талантливым правителем Гейзерихом, завоевали Карфаген в 439 г., у них уже имелся флот. Именно его вандалы использовали для все более разрушительных набегов на Сицилию. В 50-х и 60-х гг. V в. они особенно активизировали свою пиратскую деятельность. В 455 г. сам Вечный город в полной мере ощутил на себе тяжесть вандальских нападений. Во второй половине V в. вандалы уже не довольствовались исключительно набегам. Они аннексировали Корсику, Сардинию и Балеарские острова, а их грабежи не ограничивались западной частью Средиземного моря, порой доходя до региона Эгеиды [Procopius III.18–25].

Однако вандальское всевластие в Средиземноморье оказалось непродолжительным. Гейзерих, осознавая внутреннюю слабость своего государства, за несколько лет до смерти заключил мирные договоры с обеими частями Римской империи. Договоренности соблюдались и при преемниках Гейзериха. В 533 г. именно римский правитель Юстиниан Великий воспользовался династическими противоречиями в вандальском королевстве, чтобы захватить его территории. Таким образом, римляне сумели вернуть себе контроль над Средиземноморьем. Далее будет показано, что вандальское присутствие в Средиземном море окончательно не сломало и его восприятие римлянами как *mare nostrum* или *mare iterum*, а также, что еще в середине VI в. Рим все еще в полной мере ощущал себя регионом, тесно связанным со Средиземным морем.

Вокруг Средиземного моря разыгрывается действие в двух сочинениях Прокопия Кесарийского — «История войн с готами» и «История войн с вандалами». Морское пространство, а вовсе не Рим или Константинополь, является центральной точкой в географических представлениях Прокопия. Прокопий Кесарийский прямо указывает на гегемонию римлян в Средиземноморье как ключевой фактор влияния на местную геополитику в нескольких местах своего сочинения. Так, описывая осаду Ариминума Витигесом в 538 г., историк замечает: «Мы не подозревали, что на побережье моря, где римляне являются владыками, мы будем осаждены» [Procopius VI.12],

в пассаже об осаде Порта римлянами, Прокопий также отмечает, что они «господствовали на море» [Procopius VI.7], как и при описании аконского гарнизона: «ведь римляне, властвовали на море» [Procopius VI.24]. Более того, господство в Средиземноморском регионе являлось нормальным ходом вещей для римлян, в то время как нарушение этого состояния воспринималось как нечто неправильное. Так, первой среди заслуг Велизария Прокопий упоминает взятие «с боем кораблей» противников римлян Гейзериха и Теодориха, «славнее которых никогда не было», а также «возвращение под власть империи почти половину земли и моря» [Procopius VII.1].

На значимость морских средиземноморских коммуникаций для господства римлян в Италии, помимо большого количества географических экскурсов с подробным описанием самого Средиземноморья, в сочинении Прокопия указывает еще и тот факт, что автор разделяет города относительно их удаленности от моря. Историк выделяет приморские поселения и находящиеся на отдалении от морского побережья. Неаполь [Procopius VI.8], Кумы [Procopius VI.14], Эпидамн [Procopius VI.15], Салоны [Procopius VI.16], Центумцеллы [Procopius VII.7], Брундузий [Procopius VII.18], Фан и Пизавр [Procopius VII.25], Тарент [Procopius VII.23], Гераклея, Амастрис, Синоп и Амис [Procopius VIII.2] — вот лишь немногие центры, отмеченные Прокопием в качестве приморских, и потому обладающие выгодным стратегическим положением. Синоним «приморский» придает городу или народу значимости в глазах позднеантичного историка. Так описывая одно из кочевых племен, Прокопий замечает: «Все это отделяет тзанов от берега, не давая им права считаться приморским народом» [Procopius VIII.1]. Некоторые города, как Равенна, занимают промежуточное положение, не имея прямого выхода к морю [Procopius VI.1].

Рим, с точки зрения Прокопия, располагался крайне невыгодно относительно морского побережья [Procopius VI.14, 24, 26]. Именно вследствие удаленности Вечного города от Средиземного моря и необходимости действовать через Порт и Остию, Рим в момент критической опасности оказался уязвим.

Таким образом, несмотря на сокращение римской морской зоны влияния VI в.— Прокопий пишет только о гегемонии в Понте Эвксинском, «Меотийском болоте» и Средиземном море,— господство на морских пространствах все еще имело большое геополитическое значение. Средиземноморье было плотно включено в пространственную картину мира римского народа вплоть до конца VI в.

Библиография

Махлаюк А. В. *Maria Romana: образы моря и римское имперское пространство // Maria nostra: море в истории европейской цивилизации от античности до Нового времени* / под ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2020. С. 84–125.

Baynes N. H. *Pirenne and the Unity of the Mediterranean World // Byzantine Studies and other Essays* / ed. by N. H. Baynes. London: Athlone, 1955. P. 309–16.

Pirenne H. *Economic and Social History of Medieval Europe*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1936.

Procopios. *The Wars of Justinian* / trans. by H. B. Dewing, ed. by A. Kaldellis. Cambridge: Hackett Publishing Company, 2014.

Zeev R. *The Mediterranean and the Dilemma of the Roman Empire in Late Antiquity // Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1 (1). P. 13–62.

Захаров В. А.

ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость». Судак

ЕЩЕ РАЗ О «ХРАМЕ С АРКАДОЙ» В СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

Zakharov V. A.

ONCE AGAIN ABOUT THE «TEMPLE WITH AN ARCADE» IN THE SUDAK FORTRESS

В восточной части Судакского крепостного архитектурного ансамбля находится купольное здание, которое по своему возрасту и сохранности, можно отнести к одному из древнейших сооружений Крыма. Оно не имеет общепринятого названия: в научной литературе и путеводителях этот памятник именуют и «*храмом с аркадой*», и «*мечетью*», и «*капеллой*», или просто «*купольным зданием Судакской крепости*» и, до сих пор в научном мире нет единого мнения о возрасте сооружения. Одни считают что архитектура сооружения имеет многочисленные аналогии в мусульманской культовой архитектуре второй четверти XIV в. и несет черты культовой архитектуры раннеосманского стиля [Майко, Джанов 2015: 287]. Другие, здание является типичной по планировке и архитектуре «*джами сельджукско-анатолийского типа*» XIII в. [Сидоренко 1988: 119].

В средневековой хронике XIII в. «Сельджук Намэ» персидского историка Ибн-аль-Биби, подробно описаны события похода правителя сельджукского Конийского мусульманского султаната Ала-ад-Дина Кей-Кубада I на кипчаков, и о строительстве мечети в Сугдее [Якубовский 1928: 56–58]. События, указанные в хронике можно реконструировать так. В 20-х годах XIII в. один из анатолийских торговцев пожаловался султану Ала-ад-Дину Кей-Кубаду I на то, что его ограбили городские власти Сугдеи, которая в этот период была под контролем кыпчакских ханов-язычников. Это был повод поставить под свой контроль этот портовый

город. Султан отправил из Синопа через Чёрное море воинов и конницу, под командованием эмира Хусама-ад-дина Чобана и завоевал в странах Дешт-и-Кипчак крепость Сугдак [Смирнов 2016: 9]. Узнав о приближении сельджукского флота, власти города высылают посланника к эмиру, с предложением ему 50000 динаров в качестве «сбора на подковку лошадей» сельджукского войска, но получив отказ, отправляют гонца к кипчакскому хану, который объединившись с русским князем, выступает с войском в 10000 тысяч всадников против сельджуков. Хроника «Сельджук Намэ», сообщает о поражении объединенного русско-половецкого войска от турок-сельджуков и захвате Сугдеи, где: *«Установили в городе должности муэззина, хатиба и кади <...> султан разрешил простить жителей Сугдака в их винах и преступлениях, однако, с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были михраб, манбар и шариат, установленный пророком <...>. На высоком месте города муэззин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол, и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть»* [Якубовский 1928: 58]. Но, начатое во второй четверти XIII в. вторжение монгольских племен в Анатолию (сообщения Грузинской царицы Рассудан, адресованные папам Гонорию III и Григорию IX), заставило сельджуков покинуть приносящие богатства берега Хазарии и вернуться на Родину. Если верить хронике, то мечеть в Сугдее, работы мастеров сельджукского Конийского мусульманского султаната, можно отнести к первой постройке в сельджукском стиле в Крыму. Несомненно, что к её строительству привлекались каменотёсы и рабочие из числа местных жителей (армяне и греки). Поэтому в XIV–XV вв. и позже сельджукский стиль, вобравший в себя иранские, турецкие и армянские архитектурные традиции, стал популярным у всех народов полуострова. «Сельджукским» орнаментом украшены крымско-татарские мечети, закладные плиты генуэзских крепостей, армянские монастыри, церквушки и даже цитадель на Мангупе.

Историческая обстановка, сложившаяся на Ближнем и Среднем Востоке рубежа XIII–XIV вв., способствовала развитию и укреплению новых торговых связей. Партнёрами и союзниками оказались папская курия, итальянские купцы, иль-ханы монгольского Ирана, властители Киликийской

Армении и царедворцы Великого хана. Папская Курия ведет работу по установлению дипломатических контактов с монголами для ведения миссионерской деятельности на Востоке. Францисканцы и доминиканцы по договору Папы Иннокентия IV с правителями Дешт-и-Кипчак с правом создания и строительства монастырей, странствовали по странам Востока, пытаясь обратить в «истинную веру» — «схизматиков» и «язычников». Они шли на Восток с благославления пап, следуя указаниям генералов францисканского и доминиканского орденов, а их спутниками и компаньонами были агенты итальянских торговых домов. Венецианские и генуэзские представители, получив в 1266 г. от Византии льготы на торговлю в Чёрном море, постепенно занимают прибрежные пункты, выгодные для торговли, заключая договоры об аренде земли с золотоордынскими властями Крыма. Пустовавшее на тот период здание мечети было за жилой городской чертой, и в первой половине XIV в. в нём «скромно» обосновались монахи францисканского ордена, а следом за ними и братья «доминиканцы» [Сінкевич 2006: 291].

Красивая михрабная ниша сочетающая в себе геометрический и растительный орнаменты сельджукского стиля при переоборудовании помещения в католический храм получила новый вид. В верхней части карниза михраба была вырезана латинская строительная надпись: *«Во имя Христа. Аминь. 1373 года дня 4 января это сооружение повелел возвести, господин Каталани. Милостью Христовой, да храни»*. Под надписью изображены три герба. Левый герб с изображением замка с воротами в поле с косой штриховкой (по определению Е. А. Яровой герб генуэзского рода Гоано) [Яровая 2006: 346–347]. Правый герб в виде львиной морды без щита, возможно, является гербом семьи Каталани. Нижнюю строку надписи делит на две части круглый щит с равноконечным крестом — герб Генуи [Майко, Джанов 2015: 278]. Из рода Каталани вышло немало священников римской церкви. Вероятно, один из них упомянутый в надписи, являясь главой францисканской миссии, и затеял перестройку мечети в католический храм. Миссионеры завершили строительства здания, покрыли штукатуркой и росписью его стены.

Во второй половине XIV в. за богатый портовый город развернулась упорная борьба двух итальянских морских республик: Генуи и Венеции.

В конкурентной борьбе за первенство в торговле победили генуэзцы. 19 июня 1365 года генуэзский отряд изгоняет венецианцев из города. Город в тот период был под контролем ханов Золотой Орды, которая в 1380–1382-х гг. утверждает за генуэзцами право владения Солдайей (так стал называться город при итальянцах), его морским портом и 18 сельскими поселениями (казалиями) в округе. Лигурийцы под руководством западноевропейских архитекторов, руками армянских каменотесов и местного грекоязычного населения приступают к строительству крепостных стен и башен вокруг Солдаи. К 1409 г. территория города была значительно расширена, и здание оказалось на крепостной территории. По одной из версий, новые хозяева города использовали сооружение не только в качестве храма (до окончания строительства католического храма «Пресвятой девы Марии» на центральной площади города), но и в качестве городской ратуши (*logia communis*) [Баранов 2005: 632,635,651].

После взятия города турками-османами 5 июня 1475 г., по велению первого губернатора османской провинции Кефе — Оглана Баязида, сына османского султана Мехмеда II Фатиха Завоевателя, сооружение снова было обращено в мечеть, и получила название — Падишах-Джами. О мечети, восстановленной при Баязиде-Вели, в восточной части крепости, в своей *«Книге путешествий»* в разделе *«Крым и сопредельные области»* упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Фрески неверных были срублены или забелены. На западной пилястре внутри помещения сохранилась фреска, открытая в 1958 г., с изображением святого с нимбом. Нижняя часть фрески утрачена. Она выполнена на тонком слое известняковой штукатурки, нанесённой непосредственно на камни кладки. По заключению О. И. Домбровского фреска выполнена в манере и стиле западноевропейской церковной живописи [Домбровский 1966: 42].

О мечети, восстановленной при Баязиде-Вели, в восточной части крепости, в своей *«Книге путешествий»* в разделе *«Крым и сопредельные области»* упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Мечеть султана Баязида (она же — Падиша-мечеть, как указано на плане Судака, составленного в 1774 г. русским военным топографом подполков-

ником П. Фишером) действовала до занятия Крыма русскими войсками в 1771 году в ходе первой русско-турецкой войны.

В 1798 году, для охраны побережья от непрекращающихся турецких провокаций, в крепость был переведён Кирилловский Новгородский полк под командованием полковника Алексея Фомича Обернибесова [Тимиргазин 2011: 41]. В здание мечети, после разборки минарета и переоборудования помещения, была перенесена гарнизонная часовня Св. евангелиста Матфея. В 1801–1802 гг. полк переводится к новому месту службы, и к 1816 г. православный приход при крепости был окончательно упразднён.

В начале XIX века по приглашению российских властей в Крым прибывают переселенцы — немцы из Вюртемберга. Для размещения в Крыму им были предоставлены земли, в том числе и под крепостью в Судак. С разрешения властей в 1827 г., пустовавшее культовое здание на территории крепости временно использовалось колонистами в качестве — молитвенного дома.

В 1881 г. купольное здание было передано армянской общине, под армяно-католическую капеллу, которая на свои средства внесла изменения в облик фасада здания. Армяне с северо-востока сделали лестницу и прорубили новую входную дверь, заложили камнем восточную аркаду под притвор и изготовили резные каменные фризы для дверных проемов. Над входной площадкой восстановили купольную сень с двухпролётной аркадой. Об открытии в Судак армянской капеллы во имя Успения Божьей Матери свидетельствует разрешение, заверенное личной подписью и печатью настоятеля Феодосийской епархии епископа Хр. Кушнарjana, датированное 2 октября 1883 года [Тимиргазин 2015: 276–277]. В ведении армяно-католической общины здание оставалось до революции. В эпоху воинствующего атеизма армянская церковная община была закрыта.

С 1926 г. и до наших дней в древнем здании, немало пережившего ярких событий за свою историю, располагается археологическая экспозиция музея-заповедника «Судакская крепость».

Памятник архитектуры «Храм с аркадой» находится под охранной государством и относится к объектам культурного наследия федерального

значения, включенных в «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Библиография

Баранов И. А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II / Предс. изд. сов. Н. М. Куковальская. ИД «Академперіодика», 2005.— С. 632–653.

Джанов А. В. Храм с аркадой в Судак // Сугдейский сборник. Вып. II / Предс. изд. сов. Н. М. Куковальская. ИД «Академперіодика», 2005.— С. 654–669.

Домбровский О. И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II / Предс. изд. сов. Н. М. Куковальская. ИД «Академперіодика», 2005.— С. 612–620.

Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма // К., 1966.— С. 42.

Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым // Симферополь, Ариал, 2015.— С. 287–289.

Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым // Симферополь, Ариал, 2015.— С. 287.

Мелиоранский П. М. Сельджук-Намэ, как источник для истории Византии в XII–XIII вв. // Византийский временник Т. I, Петербург, 1894.— С. 894–640.

Поляковская М. А. Алексей Макремволит о внешнеполитическом положении Византии // Античная древность и средние века — Свердловск, 1981.— [Вып. 18]: Античность и средневековый город.— С. 136.

Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // ААИК / Отв. ред. С. Н. Бибилов, Киев: Наукова думка, 1988.— С. 115–128.

Сінкевич Н. О. Діяльність Домініканського ордену в Кафі та Солдайі в XIV — перший половини XV ст. // Матеріали III Судакської міжнародної конференції (18–21 вересня 2006 г.) Т. II. Київ-Судак: «Академперіодика», 2006.— С. 291.

Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История, археология, эпиграфика // Киев-Судак-СПб., 2006.— С. 94.

Смирнов В. Д. Крымское ханство XIII–XIV вв. // Изд: «Вече», 2016. С. 10.

Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода (1783–1917) // Симферополь: СГТ, 2015.— С. 41.

Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода (1783–1917) // Симферополь: СГТ, 2015.— С. 276–277.

Фронджуло М. А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник, Вып. II. Киев-Судак, 2005.— С. 621–631.

Якубовский А. Я. Ибн Биби. Сельджук-Намэ. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей). // Изд. АН СССР: Византийский Временник, Т. 25, Ленинград, 1928.— С. 55–76.

Яровая Е. А. Новые идентификации генуэзских гербов Крыма // Причерноморье, Крым, Руст в истории и культуре. Т. II. Киев-Судак, 2006.— С. 346–347.

Зедгенидзе А. А.

НИУ ВШЭ, Москва

УКРЕПЛЕНИЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА: ТИП ФОРТИФИКАЦИИ И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО

Zedgenidze A. A.

STRONGHOLD ON THE ISTHMUS OF THE MAYACHNYI PENINSULA: ITS TYPE OF FORTIFICATION AND SPACIAL STRUCTURE

Создание полисной инфраструктуры в Херсонесе начиная с конца V в. до н.э. определялось двумя факторами: демографической ситуацией на ГераклеЙском полуострове и особенностями ландшафта. К базовым элементам полиса относятся город, фрурион, дорога между городом и фрурионом, размежевка Маячного мыса, затем остальной территории ГераклеЙского полуострова. Эти элементы имели смысл только во взаимосвязи и, следовательно, являлись продуктом единого плана. Одна из самых ярких черт Херсонеса — строгая организованность в освоении территории. Впечатляющая своей геометричностью структура Херсонесского полиса оказалась возможной потому, что к той эпохе, когда был основан Херсонес, у греков, безусловно, уже имелся опыт создания системы, необходимой для существования и защиты города-государства. Херсонес можно считать воплощением этого опыта, моделью создания полиса; складывается впечатление, что колонисты наложили уже существующий план на территорию ГераклеЙского полуострова. Тщательность планировки хоры, гигантская трудозатратность работы по созданию системы наделов говорит о том, что хора была не менее важной частью полиса, чем город,

и это определяло ценность земель полуострова, прилегающих к городу. Следовательно, эта прилегающая территория должна была иметь чётко определённые, охраняемые и укреплённые границы.

Из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к укреплению на перешейке Маячного полуострова находится фрурион, т.е. постоянное укрепление, подразумевающее наличие гарнизона, располагающееся в сельской местности и при необходимости служащее убежищем для ее жителей [Lawrence 1979: 137, 173]. Судя по данным источников [Nielsen 2002: 50], фрурион является комплексом строений, может использоваться как сторожевой пост; назначение фруриона прежде всего военное, как оборонительное, так и наступательное. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам.

Расстояние от фруриона до города — 8,5 км, их связывала дорога, создание которой определило конфигурацию размежевания на Гераклеяском полуострове, т.к. оси межевания идут параллельно дороге. Эта дорога является структурообразующим элементом хоры на Гераклеяском полуострове, но не на Маячном, где схема расположения наделов была иной в силу географических причин. Созданию фруриона на северо-западной оконечности полуострова способствовали и географические черты местности. Прежде всего, здесь есть перешеек, излюбленное греками место для создания укреплений (см., например, Thuc. I.7.1). Перешеек достаточно узок, чтобы отгородить его стенами с обеих сторон — западной, отделяющей Маячный полуостров, и восточной, отделяющей Гераклеяский полуостров. Одновременность создания стен нужна была, в частности, для использования пространства между ними в качестве убежища в случае нападения. Со стороны моря на юге фрурион защищён неприступным обрывом. Наиболее возвышенной является южная часть фруриона, именно тут реконструируется акрополь. Он был отделён от остальной, низинной, территории фруриона поперечной стеной — диатейхисмой, которая относится к тому же времени, что внешние стены фруриона [Зедгенидзе 2019: 623]. Таким образом, можно с уверенностью говорить лишь о двух чётко разграниченных в пространственном отношении частях фруриона (разграниченность создаётся стеной — диатейхисмой). А. Н. Щеглов [Ще-

голов 1976: 18] писал о трёх частях (по сути — о трёх функциональных зонах): возвышенная — акрополь, средняя — «городская застройка», низина — портовая часть. С точки зрения функций этих частей, с данным утверждением следует согласиться, с той оговоркой, что вопросы о наличии чёткого пространственного разграничения между средней и портовой частью и о существовании регулярной застройки в средней части остаются открытыми. Позже А. Н. Щеглов [Щеглов 1994: 18] изменил свой взгляд на пространственную организацию «древнего Херсонеса» и выдвинул предположение не о трёх, а о четырёх его участках, разделённых «поперечными толстыми стенами». Следует, однако, иметь в виду, что, кроме диатейхисмы, фиксации других поперечных стен и достоверных сведений о них на данный момент нет. Эта обновлённая реконструкция А. Н. Щеглова была связана с идеей о том, что деление площади перешейка Маячного полуострова на 4 даёт примерно те же участки, что на остальной территории полуострова, — около 4,5 га. Следовательно, перешеек тоже был разделён на четыре «стандартных земельных участка», два из которых (находящиеся между акрополем и портом) были «земледельческой территорией» [Щеглов 1994: 22]. Данная А. Н. Щегловым реконструкция внутреннего устройства «древнего Херсонеса» ошибочна. Хуже всего обстоит дело с идеей о земледельческой территории среди крепостных стен: эти стены возводились явно не для того, чтобы оборонять эти земледельческие участки. Сосуществование и взаимное наложение двух инфраструктур — военной и сельскохозяйственной — на достаточно небольшой и замкнутой площади выглядит странно. Это также создаёт несправедливую ситуацию землепользования: владельцы участков на перешейке Маячного полуострова оказываются под защитой оборонительных стен, в отличие от остальных наделов. И самое важное: обращение к фактическому материалу, которым в данном случае являются карты, показало, что межевые стены не распространяются на перешеек, т. е. он совершенно чётко обособлен от прилегающих с востока и запада размежёванных территорий [Зедгенидзе 2019: 612]. Таким образом, можно говорить об отделении поперечной стеной лишь южной, возвышенной, части перешейка, где реконструируется акрополь. Возвышенная часть фруриона идеально

соответствует признакам акрополя: 1) это целенаправленно созданное (в нашем случае образуемое стенами и обрывом) замкнутое пространство, 2) оно возвышается над прилегающей территорией, 3) регулярная жилая застройка отсутствует, 4) там находится храм [Rönnlund 2018: 57–58].

Возникает вопрос, против кого намеревались обороняться херсонеситы, создавая достаточно сложные системы фортификации. У Херсонеса в начальный период существования не было соседствующего полиса, который можно было бы рассматривать в качестве потенциального противника. Но существовал фактор неизвестного окружения: этот район был заселён таврами. Существование неукреплённого или слабо укреплённого пункта в гуще варваров, на земле, обитатели которой живут «разбоем и войной» (Her. IV, 103), кажется нам совершенно невероятным. Поэтому первой задачей полиса было создание такой системы фортификаций, которая прежде всего обезопасила бы само поселение. Для того, чтобы создать предпосылку для развития хоры, важно было освободить от тавров всю прилегающую к городу территорию, т.е. весь Гераклеийский полуостров. Это было осуществлено посредством создания фруриона на границе хоры — на Маячном мысу. Задачей фруриона было также обеспечение безопасности наделов Маячного полуострова; логично поэтому, что размежевание его на наделы относится ко времени после возведения фруриона. Построив на перешейке Маячного полуострова, т.е. на северо-западной оконечности хоры, крепостные стены, полис закрепил за собой эту границу и, следовательно, всю территорию, расположенную между Херсонесом-городом и «древним Херсонесом».

Низинный участок фруриона, следующий за акрополем, представлял собой хозяйственную и жилую зону. Необходимость жилых построек внутри укрепления могла быть продиктована тем, что оно было создано ранее системы наделов и усадеб на Маячном полуострове, размежевание которого осуществлялось на рубеже 1-й — 2-й четверти IV в. до н.э. [Сапрыкин 2018: 496]. Строения внутри укрепления на начальном этапе могли быть необходимы для жилья воинов гарнизона, а также создателей системы межевания полуострова. Г. М. Николаенко [Николаенко 2017] указывает, что данный пункт нельзя считать «малым городом», подобным Керкинитиде и Калос-Лимену ввиду отсутствия некрополя. Однако представление Николаенко

о данном пункте как об «укреплённом поселении» ошибочно и не соответствует его месту в системе полиса. Было бы логично говорить об укреплённом поселении, если бы крепостные стены ограничивали и защищали жилую застройку, прилегающую к Казачьей бухте. В действительности же, крепостные стены защищают не «поселение» как таковое, а всю территорию Маячного перешейка, выходя за пределы жилого участка. Зачем была нужна такая значительная протяжённость стен, а также диатейхисма, если поселение располагалось на сравнительно небольшом участке возле Казачьей бухты? Интерпретация данного памятника в качестве фруриона позволяет понять его место в общей системе Херсонесского полиса: это не «город», не «посёлок», не «укреплённое поселение» и вообще не некая независимая единица. Это один из элементов системы полиса, назначение его — прежде всего фортификационное. При этом защищались не жилые постройки у Казачьей бухты, а вся территория Маячного и прилегающая территория Гераклейского полуострова, т.е. вся западная оконечность хоры. Разумеется, внутри фруриона имелись и жилые, и хозяйственные, и сакральные сооружения, однако они ни в коей мере не определяли его общее назначение.

Библиография

- ЗЕДГЕНИДЗЕ А. А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. № 3, 608–639
- НИКОЛАЕНКО Г. М. Херсонесское укрепленное поселение на Маячном полуострове // Античные реликвии Херсонеса. Материалы международной научной конференции Севастополь 10–12 октября 2017 года. Севастополь, 2017, 186–193
- САПРЫКИН С. Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018
- ЩЕГЛОВ А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976
- ЩЕГЛОВ А. Н. «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994, 8–42
- LAWRENCE A. W. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
- NIELSEN T. H. A Phrourion. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2002. P. 49–64.
- RÖNNLUND R. A City on a Hill Cannot Be Hidden: Function and Symbolism of Ancient Greek Akropoleis. Gothenburg, 2018.

Иванов А. В.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

**КРУШЕНИЕ БОТА «КУРЬЕР»
В АКВАТОРИИ У ХЕРСОНЕССКОГО
ГОРОДИЩА 4.09.1777 г.
К ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ
АХТИАРСКОЙ ГАВАНИ**

Ivanov A. V.

**THE CRASH OF THE BOAT «COURIER»
IN THE WATER AREA NEAR THE KHERSON
SETTLEMENT ON SEPTEMBER 4, 1777.
ON THE HISTORY OF MAPPING
OF THE AKHTIAR HARBOR**

*Ныне я принялся аккуратнo сию гавань и
положение ее места описывать, и коль скоро
кончу, непременно пришлю карту. . .*

Из письма к. адм. Ф. Клокачева
гр. И. Г. Чернышеву, 1783 г.

Необходимость контроля над акваторией Ахтиарской гавани была вполне осознана русским командованием еще в ходе Русско-турецкой войны 1769–74 гг., в кампанию 1772 г. сюда были отряжены соответствующие силы с артиллерией, размещенные в районе Балаклавы, близ Инкермана и на Бельбеке, на входных мысах бухты были устроены артиллерийские батареи. В июне 1773 г. русские артиллеристы в ходе открытого военного столкновения нанесли существенные повреждения крупному османскому кораблю и заставили его покинуть акваторию бухты [Иванов, 2022: 94–101]. Немногочисленные российские военно-морские силы базировались в Балаклавской бухте и сведения даже об эпизодическом посещении ими

Ахтиарской гавани в период кампаний 1772–74 гг. отсутствуют. Между тем, инструкции, предназначенные судовым начальникам, предписывали проведение гидрографических описей крымского побережья. К 1772–74 гг. относятся наиболее ранние отечественные карты акватории Севастопольского рейда (Ахт-ярской гавани, Инкерманского залива, Херронийской бухты, Корсунского сивата) и прилежащей к ней местности, выполненные как армейскими топографами, так и флотскими штурманами и гидрографами [Zaytsev 2000: 112–123; Тункина 2002: 480–481; Иванов 2021: 119–123].

Осенью — зимой 1773 г. указанную задачу весьма успешно выполнила описательная партия с зимовавшего в Балаклавской бухте корабля «Модон» под командой штурмана «прапорщичьего ранга» И. В. Батурина [Головачев 1872: 36–37]¹. Результатом работ стала достаточно широко известная карта акватории Севастопольского рейда, от Инкермана до траверса северного и южного входных мысов с подробным промером глубин и большим количеством зафиксированных береговых объектов, особенно в районе Инкермана [Колгушкин 1958: 103; Zaytsev 2000: 113, fig. 1, p.115–117].

В настоящее время известны две ее копии из фондов РГАВМФ — «полный вариант» с планом крепости Инкерман с форштадтами² и «сокращенный вариант» — без изображения крепости [Zaytsev 2000: 115]³, более поздняя версия, выполненная К. Вильфингом ок. 1783 г., из картографического собрания ГИМ⁴, близкая к ней, но отличающаяся оформле-

¹ Представляется любопытным вопрос об оснащении и организации работ описательной партии И. В. Батурина. В более благоприятный сезон не представляло сложности осуществить шлюпочные промеры акватории, однако в осенне — зимний период кроме возможных затруднений при работе с малых плавсредств, вставал вопрос и о береговом базировании партии в незнакомой малонаселенной местности в период вялотекущих военных действий, т.е. не имелось ли в распоряжении партии более соответствующего задачам судна? Если факт наличия такового удастся установить, то за ним следует признать первенство среди кораблей российского флота посетивших рассматриваемые акватории.

² Карта Ахтиарской гавани с промером. РГАВМФ. 1331, оп. 4, № 428.

³ Копия 52 X 71.5 см. представлена в постоянной экспозиции музея КЧФ. г. Севастополь,

⁴ Сборный атлас рукописных карт XVIII в. Карта Ахтиарской гавани с планом и видом Инкермана, ГИМ., инв. № ГО — 1882/75

нием и некоторыми деталями карта из собрания РГБ⁵. Не исключено, что одна из петербургских копий карты И. Батурина была использована при составлении между 1778–83 г. карты Ахтиарской гавани с планом устройства постоянных береговых батарей, также хранящейся в собрании РГБ⁶ [Zaytsev 2000: 117]. К указанным копиям следует добавить, по — видимо-му, ранний экземпляр карты И. Батурина, без указания автора и копииста, выявленный в фондах РГВИА, имеющий сходство с «полным вариантом» из РГАВМФ, однако без изображения Инкерманской долины, но несколько более подробным отображением сухопутных объектов⁷.

Волнения, охватившие Крымское ханство в 1777–78 гг. потребовали возвращения на полуостров российских воинских контингентов. В событиях принимали активное участие силы Азовской флотилии, ведущие крейсерство у берегов полуострова, препятствуя контактам эмисаров Оттоманской порты с местными противниками хана Шагин — Гирея. Представляется естественным, что в сложившейся ситуации у командования русскими морскими силами возникли опасения касательно Ахтиарской гавани, на тот момент пустынной, однако потенциально пригодной для стоянки недружественного османского флота и возможной высадки десанта, что и показали события следующего 1778 г.

По — видимо-му, материалами съемки выполненной в 1773 г. И. Батуриным командующий флотилией контр-адмирал Ф. А. Клокачев не располагал и для новой описи берегов Ахтиарской бухты был отряжен палубный бот «Курьер» под командованием мичмана Н. А. Сорокина⁸. В основном задание было выполнено в течение летних месяцев 1777 г., однако гидрографическим работам сопутствовали драматические обстоятельства. Вечером 4 сентября бот «Курьер» «находясь при описи Сева-

⁵ Карта в Крымском полуострове Ахтиарской гавани со круг лежащим местоположением. РГБ. КGR Ко 22/VII-5.

⁶ Карта Ахтиарской гавани с планом и разрезом батарей. РГБ. КGR Ко 111/I-40.

⁷ Карта гавани Ахтиарской с промером. РГВИА. Ф. 846, оп.16, д. 23631.

⁸ Сорокин Николай Андреевич, в морской службе с 1770 г., в 1773 г. произведен в чин мичмана, 1777 г. командирован в Азовскую флотилию, до 1780 г. служил на Черном море, в 1780 г. произведен в лейтенанты и переведен на Балтийский флот, где служил до 1786 г. командуя различными судами, в 1786 произведен в капитан-лейтенанты, переведен в Архангельск, с назначением командиром фрегата «Архипелаг», выбыл из списков до 1794 г.

стопольской (Ахтиарской) бухты, сильным от NNW шквалом сорванный с якоря (за проливом Акдал), причём сломилась ещё мачта, был выброшен на камни и разбит. Погибли: подштурман Александр Лукьянов и 22 нижних чинов⁹. Командир, распорядившийся очень хорошо, был совершенно оправдан» [Соколов 1855: 24]. «Бот потерпел крушение у мыса Андаля» [Общий морской... 1890: 107].

Выявленные в фондах РГАВМФ документы касательно крушения «Курьера» сводятся к краткому донесению находившегося в Балаклаве командира корабля «Модон» кап. лейт. А. В. Тверитинова и составленному на его основе рапорте контр-адмирала и кавалера Ф. А. Клокачева представленном в Государственную адмиралтейств коллегию: «посланный для описи и промеров, под командою мичмана Сорокина бот по окончании той описи при обратном его возвращении того же месяца 4го числа по полудни от 9 часа между Ахт — ярским проливом и Херсонесским мысом подле Чурченского пролива¹⁰ был вынесен на каменную гряду»¹¹. Командир и оставшаяся в живых часть команды добрались до Балаклавы и на шхуне «Вячеслав» были доставлены в Керчь [Общий морской... 1890: 107].

Результатом трудов и жертв, понесенных командой мичмана Н. А. Сорокина стала карта, составленная по уцелевшим материалам выполненной ими описи, известная в настоящее время по двум копиям (рис. 1, 2), выполненным в близкое к составлению оригинала время. Первая копия хранится в картографическом собрании ГИМ [Zaytsev 2000: 117–119, 122]¹², карта рукописная 32 x 45,5 см, многоцветная — исполнение тушь, перо, акварель. Ориентация плана, перевернутая южная, масштаб 700 са-

⁹ Указанное число погибших представляется сомнительным, опубликованные материалы определяют 22 человека как полный экипаж палубного бота [Головачев, 1872, с. 14], между тем известно, что кроме самого Н. Сорокина были еще уцелевшие, что позволяет предполагать, что указанное жертв могло быть завышено.

¹⁰ Речь идет об устье Карантинной бухты, Чурч, Чурчун бытовавшая искаженная форма топонима Херсон, отраженная в картографических материалах и документах 70-гг. XVIII в.

¹¹ О клерке Патрикееве, о лейтенанте Филатове, о постановке судна на мель, о мичмане Сорокине за разбитие бота «Курьер». РГАВМФ. ф.1145. оп.1. ед.хр. 103.л. 54–55.

¹² ГИМ. Инв. № ГО –5121

женей на один дюйм (примерно 1:58 800).

Аннотация к карте размещена в картуше: «Карта Ахтиарской гавани с частью берега до мыса Херсона и с промером в оной гавани так и подле берега глубины воды. Сочинена с плавания посланном на палубном боту «Курьер» мичманом Сорокиным августа 1777 г. ... дня, копирована при моей канцелярии в чертежной. Масштаб в верстах российских». В правом нижнем углу документа вне рамки указано «Копировал с подлинной штурман рангу прапорщичьего Илья Углов». Другой рукой на поле карты нанесена чернильная надпись «Контр-адмиралу и кавалеру Федоту Клокачеву».

Экспликация отсутствует, вся текстовая информация отражена непосредственно на плане. Акватория поименована Ахтиарский лиман. Отмечены (справа — налево и далее вдоль берегов): Херсонской ломаный маяк, озеро соленое (верховье совр. Двойной бухты), Андал (совр. б. Песочная), Чучернен (городище Херсонеса), Хода Лиманы (совр. б. Южная), Лутчая гавань в которой килуются разные суда (совр. Килен бухта)¹³, речка (устье р. Черной), город Акерман (г. Инкерман), Белые горы (р-н. Сухарной балки), деревня (д. Ахтиар), к западу и востоку от нее, а также в районе устья Бельбека отмечены сады. В верховьях бухт обозначено местоположение колодцев с пресной водой, деталь весьма немаловажная для моряков. Характер грунта на внешнем рейде определен как песок илистый, в акватории самой бухты — грунт, ил.

Вторая копия карты Н. Сорокина выявлена в фондах РГАВМФ¹⁴. Она представляет собой карту врезку, размещенную в левом нижнем поле генеральной карты Черного моря и Азовского морей составленной по опыту плаваний кораблей Азовской флотилии в 1771–74 гг. и описи л-та.

¹³ Любопытное указание на то, что и в османский период означенная акватория использовалась для ремонта судов, в этой связи весьма примечателен зафиксированный на достаточно поздних картах [План крепости Севастополя с окрестностями и укреплениями союзных армий. СПб. 1855 г. Музей КЧФ. фонды ГУ 488] топоним Кальфатер явно греческого происхождения (от гр. Κάλφας- конопатчик, соотв. Kalafatçı тур.) и соответственно его русская калька Конопатная бухта [Карта полуострова Таврического Крыма составлена Н. Зуевым, 1854 г. Музей КЧФ. фонды ГУ 1215].

¹⁴ Карта Черного и Азовского морей, план Ахтиарской бухты и Балаклавского залива. РГАВМФ Ф. 315, Оп. 2, ед.хр.232 .

Пустошкина 1775 г., левый верхний угол занимает врезка с подробным изображением Балаклавской бухты и г. Балаклавы.

Карта рукописная, общий размер 50х 120 см, многоцветная, выполнена пером, тушью и акварелью, дублирована на ткань, имеет общепринятую северную ориентацию, аннотация к врезке размещена в отдельном картуше: «Карта ахтиарской бухты от херсонского мыса до садов бельбецких где от ветров имеют укрытие разные суда турецкия грунт в ней и всех малых бухтах житкой ил також и в ахтыре (неразб.) в том же месте песок мелкий с камнями течение обыкновенное при свежих зюйдовых ветрах в малых бухтах от источников вода почти пресная бывает снята с плаванья бота Курьера 1777года сентября « » дня. Масштаб в верстах российских каждая равна $\frac{3}{4}$ дюйма».

Экспликация также отсутствует, текстовая информация вынесена на план и в основном соответствует экземпляру из коллекции ГИМ, но присутствуют уточнения, что Андал это бухта, Чурченен соответственно город¹⁵, сады —бельбекские, о килевании судов в «Лучшей гавани» не упоминается, устье р. Черной не обозначено.

Описью Н. И. Сорокина была охвачена акватория значительно превышающая ранее отраженную на карте И. Батурина на западе доходящая до м. Херсонес, на севере до устья р. Бельбек. Однако для обоих вариантов карты очевидна разная степень достоверности передачи отдельных участков побережья, особенно это проявляется на участке к востоку от м. Херсонес, где отмечены руины древнего маяка, существовавшего до пер. чет. XIX в., до б. Песочной. Бухты Двойная (известная также как б. Казачья и Камышовая) и Стрелецкая представлены как неглубоко вдающиеся в берег открытые на север заливы округлых очертаний, что весьма далеко от реальности, бухта Круглая отсутствует вовсе. В то же время промер выполнен вдоль всего побережья и по фарватерам бухт, зафиксированы границы отмелей и опасные для навигации каменистые гряды, прилежащие к входным мысам бухт Гераклейского полуострова. По видимому

¹⁵ Примечательно, что на обоих вариантах карты с привязкой к городищу Херсонеса присутствует изображение постройки с полумесяцем на шпилье — очевидно мечети.

журналы промеров и гидрологических наблюдений при крушении бота были спасены, а в отношении абриса береговой линии вне пределов собственно Ахтиарской гавани, автору пришлось довольствоваться пеленгами входных мысов бухт и набросками глазомерных съемок или вовсе отбрасывать начертание берега по памяти.

Несмотря на очевидные недостатки, карта мичмана Н. Сорокина была положительно оценена начальствующими, с нее была снята копия для представления, а Адмиралтейств коллегию, в сопроводительном письме, адресованном графу И. Г. Чернышеву, Ф. А. Клокачев отметил: «сочиненную сего года нарочно посылаемым мичманом Сорокиным карту, считая оную из новаго за надобную, к сведению В (ашего) С (иятельства) при сем покорнейше представляю» [Материалы 1877: 526].

Более основательная съемка берегов и бухт северного берега Гераклеяского полуострова была проведена в 1783 г. в ходе описи выполненной по распоряжению кап. 1 ранга И. М. Владимирова и систематических гидрографических работ кап. лейт. И. М. Берсенева.

Возвращаясь к обстоятельствам гибели палубного бота «Курьер», полагаем, что приведенные документы и картографические материалы позволяют реконструировать их следующим образом: Вышедший из употребления топоним Андал связан с акваторией совр. Песочной бухты, к западу от херсонесского городища. Под упомянутыми в документах «проливами» Андал, Чурчейским и Ахт-ярским следует понимать устья современных Песочной, Карантинной бухт и Севастопольского рейда.

Вечером 9 сентября 1777 г. «Курьер» находился на якоре в «проливе Андал» — устье современной Песочной бухты, неожиданный шквал ССЗ направления сорвал его с якоря. Очевидно, пытаясь лавировать против ветра, чтобы отойти мористее от опасного скалистого берега корабль потерял мачту. Шквал протащил «Курьер» в западном направлении вдоль берега херсонесского городища. Если он в какой-то мере сохранил способность управляться, то естественной попыткой спасти корабль, было укрыться в акватории Карантинной бухты, но в итоге бот был выброшен на каменную гряду в «Чурченском проливе» — устье

совр. Каранитной бухты и погиб вместе со значительной частью экипажа. Примечательно, что на обоих вариантах карты Сорокина, указанные каменные гряды уже были обозначены. В сложившихся обстоятельствах в равной мере представляли опасность как западный, так и восточный входные мысы бухты, вопрос, у какого из них произошло крушение, оставляем открытым. Сведения, о каких либо спасательных работах на месте гибели «Курьера» отсутствуют, очевидно, его остатки были расхищены местным населением, тем не менее, присутствует определенная вероятность обнаружения следов кораблекрушения в процессе подводных археологических изысканий.

Приложение

Палубный бот «Курьер» (рис. 3) спущен на воду на Новопавловской верфи первым из 7 однотипных кораблей, в 1772 г. вошел в состав Азовской флотилии. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774. В 1772 под командованием лейтенанта Ф. Ф. Ушакова вместе с ФР «Первый» совершил переход из Таганрога до Кафы и далее до Балаклавы, позже занимал брандвахтенный пост у Керчи. В кампанию 1773 г. в составе эскадры капитана 2 ранга И. Г. Кинсбергена крейсировал между Керчью и Кафой, конвоировал греческие суда из Балаклавы в Козлов. В 1774–75 гг. в составе отрядов и эскадр крейсировал в Черном море, ходил из Керчи в Константинополь с дипломатической почтой, доставлял пленных турок из Таганрога в Синоп. В кампанию 1776 находился в Азовском море, на 1777 г. был «к службе благонадежен» находился при Таганрогском порте [Материалы ...1877: 506], назначен для выполнения описи Ахтиарской бухты. Размещения: 20,1 х 5 м. осадка 2,3 м, вооружение на 1771 г. 18 фн. гаубицы – 2, 4 фн. пушек – 6, на 1777 г. — 3 фн. пушек – 12, 1 фн. фальконетов — 4. Командиры: Ф. Ф. Ушаков (с 1772 до 9.1773), И. Л. Воронов (с 9.1773 до 5.1775), Л. Н. Сумароков (с 5.1775), В. И. Кушников (до 7.1776), С. И. Бестужев (в 7–9.1776), Н. А. Сорокин (1777) [Веселаго 1872: 572–573, Головачев 1872: 14, Чернышев 2002: 168–169, Лебедев 2011: 565].

Библиография

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1869 год. СПб., 1872,— 754 с.

Головачев В. Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб., 1872–260 с.,

Общий морской список. СПб. 1890, часть V.— 474с.

Иванов, А. В. Планы Херсонеса, Инкермана и Ахтиарской гавани снятые в 1772 г. Премьер-майором С. Н. Бурнашевым // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции, Москва: 2021.— С. 119–123.

Иванов, А. В. «Оставил... на ахтырской батарее 100 человек пехоты с орудием...». О времени строительства первых российских укреплений на берегах Ахтиарской гавани // Военно-исторический журнал. 2022.— № 9.— с. 94–101.

Материалы для истории российского флота. СПб. 1877,— т. 6.— 770с.

Колгушкин В. В. Описание старинных атласов карт и планов XVI, XVII, XVIII вв. и половины XIX в. хранящихся в архиве центрального картографического производства ВМФ. Л-д. 1958.— 270с.

Соколов А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853. СПб. 1855.— 353с.

Лебедев А. А. У истоков Черноморского флота. СПб. 2011.— 832с.

Озанин Н. П. Военный мореплаватель или, собрание разных на войне употребляемых судов: С показанием каким образом военные флоты должны быть устроены для сражения, также для атаки неприятельских, или защищения своих портов. СПб. 1788.— 250с.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. СПб. 2002.— 676 с.

Чернышёв А. А. Российский парусный флот. Справочник. М. 2002.— Т. 2.— 480 с.

Zaytsev A. K. The Three Earliest Charts of Akhtiar (Sevastopol') Harbour// Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography. 52, 2000,— p. 112–123.

Сокращения

РГВИА.— Российский государственный военно- исторический архив.

РГАВМФ.— Российский государственный архив военно-морского флота.

ГИМ.— Государственный исторический музей.

РГБ.— Российская государственная библиотека.

Калинина Т. М.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

ИСТОКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ О МОРЕ МЕОТИС

Kalinina T. M.

THE ORIGINS OF THE IDEAS OF ARAB GEOGRAPHERS ABOUT THE SEA MEOTIS

Воззрения некоторых арабских географов на разделение Черного и Азовского морей рассматривались ранее мной в ряде работ [Калинина 1988: 102, 104–105; она же 1999: 85–86; Джаксон, Калинина и др. 2007: 107–108]. Было указано и на связь Меотиды и водных бассейнов Севера Европы [Там же]. Однако вопрос требует дальнейшего изучения.

Напомню, что по данным ученого IX в. ал-Хорезми, который переработал «Географию» Птолемея, Меотис был назван ал-Хорезми «ал-Батихой», (т. е. «озером», как и все прочие озера Земли). Однако в подписи к цветному изображению Меотиды, сохранившемуся в рукописи 1037 г., озеро названо «Бата'их Майутис», где слово «Бата'их» является множественным числом от «Батиха». Не исключено, что ал-Хорезми передал таким образом латинское название «paludes Meotides», т. е. «Меотийские болота» — широко распространенное название Азовского моря в римской литературе.

По координатам труда ал-Хорезми озеро соединялось двумя водными потоками с Северным Внешним морем (Сарматским океаном Птолемея). Ал-Хорезми изменил материалы Птолемея о двух реках (Лик и Порит), впадавших в Меотиду на юге, и двух других реках (Турунт и Хесин), впадавших в Сарматский океан на севере, объединив их течения и показав как две реки, текущие из Меотиды (ал-Батихи) в Северное Внешнее море [Калинина 1988: 104].

Некогда я, как и ряд других исследователей, предполагала, что такая картина могла отражать начавшиеся торговые связи Причерноморья с Балтикой [Lewicki 1949: 52–67; Калинина 1988: 105; Коновалова, Мельникова 2018: 129–131; Джаксон, Коновалова и др., 2017: 290–291]. Это предположение можно трактовать лишь как вероятное. Однако заметных следов торговых связей северных стран с югом России в первой трети IX в., когда работал ал-Хорезми, археологические и нумизматические данные не подтверждают; при этом ко второй половине IX в. приток дирхемов в восточноевропейские земли вовсе прекратился [Кулешов 2016: 514–516; Коновалова, Мельникова 2018: 113–116; Kovalev 2011: 44 etc.]. Трудно полагать, что математик и теоретик, работавший в Багдаде и умерший ок. 847 г., мог основывать свои географические выкладки на конкретных знаниях о торговле в восточноевропейских землях.

Гораздо более вероятно, что, в целом основываясь на труде Птолемея, ученый использовал не только сочинения последнего. Арабские ученые освоили взгляд античных авторов на картину мира: теория Окружающего Океана, как и само название «Укийанус», деление Земли на три части — Европу, Азию и Ливию, понятие широтных зон-«климатов» были присущи арабским географам.

Конец первого и начало второго тысячелетий был временем, когда римская географическая наука, освоив античное наследие, стала самостоятельной отраслью. Понятия об окружающем Землю Океане, трехчастном делении Земли, о реках Танаис или Борисфен как границе между Европой и Азией, о северном расположении скифских и сарматских земель, о соединяющихся морях Понт и Меотис как заливах Средиземного моря были свойственны большинству римских географов [Подосинов, Скржинская 2011: 11]. Вместе с тем развитие науки привело римлян к изменениям в картине мира. Отход от античных познаний ойкумены римскими учеными временами приводил к ошибкам и недоразумениям.

В анонимном «Перипле Эритрейского моря», относимого большинством историков к концу I в. н. э., Меотис представлен как лежащее на севере озеро, за Понтом и Каспием (последний соединен с Океаном) [Lewicki 1949: 59]. Связь Меотиды с Северным океаном отмечал

Максим Тирский (II в. н. э.) [Джаксон, Калинина и др. 2007: 42]. Хорографическое сочинение и карта Марка Випсания Агриппы (64/63–12 гг. до н. э.) не сохранились, они известны лишь по фрагментам, но влияние работ Агриппы на воззрения римских ученых было весьма значимо [Подосинов 2002: 35–41]. Влиянием деформаций на карте Агриппы можно объяснить отсутствие соединения Черного и Азовского морей на карте из города Дура-Европос (III в. н. э.), Певтингеровой карте (восходящей к первым векам н. э., сохранившаяся копия XII–XIII вв.), на картах Юлия Гонория (IV–V вв.), Равеннского Анонима (рубеж VI–VII вв.). На них северное побережье Понта показано прямой линией, без изгиба и соединения с Меотидой; пространство между двумя морями показано как полоса суши [Подосинов 2002: 82, 140, 219, 340–341; Подосинов, Калинина 2005: 109–111]. Певтингерова карта отчетливо показывает речную связь этого озера с Северным океаном [Джаксон, Калинина и др., 2007: Рис. 3].

Кроме ал-Хорезми, ал-Мас‘уди (X в.) указывал на положение озера Меотис на севере Земли. В сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» он еще следовал античной традиции в описании Черного и Азовского морей (*Понта=Нитас* и *Меотиса=Майутис*) как соединяющихся бассейнов, настолько близких, что можно было менять их названия [Maçoudi 1861: 271]. Однако в последней своей «Книге предупреждения и пересмотра» он сменил точку зрения и сообщил, что озеро Майутис находится на севере, под северным полюсом, и соединяется с Понтом посредством текущей с севера же реки Танаис [BGA VIII: 66–67]. В «Зидже» ал-Баттани (ок. 858–929) в море Понт (*Бунтус*) впадает река Танаис, текущая со стороны севера из озера Меотис (*Майутис*) (ал-Баттани 1907: 27). Эти данные, с небольшими изменениями, встречается в сочинениях географа Ибн Руста (конец IX — начало X в.) [BGA VII: 85–86], церковного историка Агапия Манбиджского (2-я пол. X в.) (Kitab al-‘Unwan 1910: 620) и др. Ал-Идриси (1100–1166) считал, что Меотис находится на севере (Коновалова 2006: 249). Ал-Хараки (1084–1139), повторяя информацию предшественников, упоминал, что река Танаис выходит с севера из моря Меотис, который автор считает

морем варягов (*варанк*) (ал-Баттани 1899: 173, п. 4). Здесь прослеживается отголосок данных ал-Бируни, который, однако, не знал реки Танаис и моря Меотис, а морем варягов называл некий залив Окружающего океана вблизи болгар-мусульман (ал-Бируни 1976: 212).

Таким образом, можно полагать, что перемещение Меотиды на север и связь его с Понтом рекой Танаис, по воззрениям ряда арабских ученых, вероятнее всего, имеют корнями представления позднеантичных и римских ученых.

Библиография

АЛЬ-БИРУНИ АБУ РЕЙХАН МУХАММЕД ИБН АХМЕД. Избр. произведения. Ташкент, 1976.

ДЖАКСОН Т. Н., КАЛИНИНА Т. М., КОНОВАЛОВА И. Г., ПОДОСИНОВ А. В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.

ДЖАКСОН Т. Н., КОНОВАЛОВА И. Г., ПОДОСИНОВ А. В., ФРОЛОВ А. А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М., 2017.

КАЛИНИНА Т. М. Водные пространства северы Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 84–99.

КАЛИНИНА Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988.

КОНОВАЛОВА И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

КОНОВАЛОВА И. Г., МЕЛЬНИКОВА Е. А. Древняя Русь системе евразийских коммуникаций IX–X вв. М., 2018.

КУЛЕШОВ В. С. Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar: кат. Выставки/

Гос. Эрмитаж. М., 2016. С. 514–516.

ПОДОСИНОВ А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

ПОДОСИНОВ А. В., СКРЖИНСКАЯ М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011.

AL-BATTANI SIVE ALBATENII Opus Astronomicum. Mediolani, 1899–1907. Pt. 1–3.

KOVALEV R. K. Khazaria and Volga Bulgaria as Intermediaries in Trade Relations Between the Islamic Near East and the Rus' Lands During the Tenth to Early Eleventh Centuries: The Numismatic Evidence: Part I. // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2011, vol. 18 P. 43–156.

LEWICKI T. Bałtyk w opisach autorów arabskich IX–X w. // *Przegląd Orientalistyczny*. Wrocław, 1949. Zesc. 1. S. 52–67.

Сокращения

BGA VII — *Kitāb al-A‘lāk an-nafīsa VII* auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.

BGA VIII — *Kitāb at-tanbīh wa’l-ischrāf* auctore al-Masūdī... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.

Калиновский В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ СВЯЗЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Kalinovsky V. V.

CRIMEAN TATARS BETWEEN THE RUSSIAN AND OTTOMAN EMPIRES: ON THE ISSUE OF POLITICAL, IDEOLOGICAL AND RELIGIOUS TIES IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)»).

Исторические связи крымских татар с Турцией очевидны. Они продиктованы как единой религиозной традицией, так и несколькими веками общей истории. На разных этапах исторического процесса эти связи имели различный характер и до настоящего времени остаются важным фактором в политике и культуре черноморского региона. Вместе с тем, исторический опыт взаимодействия крымских татар с Турцией, в том числе в период существования Османской империи, до настоящего времени должным образом не изучен и не проанализирован. Особый интерес представляют политические, идеологические и религиозные связи крымских татар с Портой в начале XX века.

Это период характеризуется сразу несколькими особенностями. Во-первых, именно на начало XX века приходится последняя волна массовой эмиграции крымских татар из Российской империи в Османскую (пределы полуострова покинуло около 13 тысяч человек). Как отмечал Таврический губернатор В. Ф. Трепов, главной причиной переселения

становилась бедность, проистекавшая из экономической неустроенности и отсутствия земли у крымскотатарской общины [Российский государственный исторический архив, ф. 1263, оп. 2, д. 5757, л. 234]. Однако другой глава Таврической губернии В. В. Новицкий считал, что в эмиграции сыграла свою роль «пропаганда темных личностей», разжигавших в народе фанатизм и заставлявших его переселяться в Турцию [Российский государственный исторический архив, ф. 1276, оп. 17, д. 318, л. 211]. При этом значительная часть крымских татар все же возвращалась на родной полуостров. Во-вторых, обе страны в это время пережили революции, каждая из которых сказалась на их внешней и внутренней политике. Важно, что революции способствовали росту национального самосознания как в Османской, так и в Российской империи, в том числе — среди крымских татар.

В своей работе, написанной в заключении, видный деятель крымскотатарского национального движения Асан Сабри Айвазов отмечал: «Татары в течение 500 лет сильно ассимилировались: думали по-турецки, писали по-турецки, одевались по-турецки. Все учебники получали из Турции. Учителя и муллы воспитывались в Турции. <...> До империалистической войны Крымский полуостров больше напоминал турецкий вилайет, чем русскую губернию и внешне и внутренне. <...> У учителей на письменных столах стояли портреты турецких ученых, педагогов, поэтов и писателей. Это особенно усилилось после турецкой революции в 1908 г[оду]. <...> Поэтому можно смело сказать, что все татары Крыма были панисламистами, с одной стороны, и пантюркистами, с другой» [Последняя рукопись Сабри Айвазова: 26]. В другой части своей работы А. С. Айвазов указывал, что в ряде крымскотатарских школ-рушдие работали турецкие преподаватели, в том числе — младотурки по взглядам.

После революции 1905 года российские мусульмане, в том числе крымские татары, начали поступать в турецкие учебные заведения. Из Крыма в Стамбул приехало около сотни студентов. После 1908 года студентам стало позволено основывать свои общества и землячества. Так, в 1909 году было основано Общество крымских студентов. Целью подобных организаций была не только поддержка земляков, но и деятельность, направленная на пробуждение национального самосознания и приобщение к идеям тюркизма [Сибгатуллина 2010: 100–103]. Неизбежной в этом случае становилась и политическая активность, к которой с подозрением относились в Российской империи.

Борьба с влиянием Османской империи приобретала в России формы борьбы с пропагандой пантюркизма и панисламизма. Противодействием этим формам агитации в Таврической губернии занималось местное жандармское управление, поскольку это касалось не столько религиозных и национальных вопросов, а — в гораздо большей степени — основ существования государства. Примечательно, что сами же крымские татары уведомяли органы власти о пропаганде панисламизма в своей среде. Таврический губернатор П. Н. Апраксин во всеподданнейшем отчете за 1911 год констатировал: «Конечно, со стороны Турции и татар, получивших воспитание в Константинополе, существует тенденция к проповеди панисламизма, левые партии и печать стараются толкнуть татар на дорогу сепаратизма, но ни ошибки должностных лиц, ни козни внешних и внутренних врагов мирного развития могущества России не колеблют верности татар Русскому ЦАРИЮ» [Российский государственный исторический архив, ф. 1276, оп. 17, д. 318, л. 225–225 об.]. Следовательно, руководитель губернии полагал, что опасность для России и региона представляла не только турецкая пропаганда, но и деятельность крымских татар, получивших образование в Стамбуле. Во многом эти опасения подтвердились в более позднее время, и идеи, полученные во время обучения в Турции, нашли свое воплощение в России годы спустя. Достаточно сказать, что лидеры крымскотатарского национального движения Джафер Сейдамет и Номан Челебиджихан, одни из руководителей Курултая в 1917 году, познакомились друг с другом, когда проходили обучение в Турции в начале XX века.

Об идеалистическом восприятии П. Н. Апраксиным ситуации говорят причины, которые, как он считал, «охраняют» крымских татар «от измены России» (т. е. фактически от перехода на сторону Турции) такие факторы как императорские милости, доверие, выразившееся в формировании царской охраны во время пребывания в Крыму из числа крымских татар, «полнота религиозных, политических и гражданских прав» и особое внимание к Крымскому конному полку [Российский государственный исторический архив, ф. 1276, оп. 17, д. 318, л. 225 об.]. Стоит отметить, что российские власти не препятствовали совершению крымскими татарами хаджа через территорию Османской империи.

До сих пор не в достаточной степени изучен вопрос о влиянии Младотурецкой революции на крымскотатарское национальное движение. Вместе с тем без рассмотрения этого влияния невозможно до конца понять природу изменений, произошедших с движением в начале века. Неслучайно в ряде источников крымскотатарских политических активистов этого времени называют именно младотатарами. Можно найти и определенное смысловое родство в названии младотурецкой партии «Единение и прогресс» и знаменитом крымскотатарском лозунге, выдвинутом И. Гаспринским «Единство в мыслях, языке, делах». Выдающегося просветителя отдельные исследователи относят к числу наиболее ярких выразителей младотатарских идей. Как и младотурки, младотатары боролись за национальное единство и просвещение в народной среде. Таким образом, в младотатарской среде культурно-просветительские инициативы постепенно превратились в политические. Не в последнюю очередь, на фоне событий первой русской революции 1905–1907 годов и с оглядкой на победу Младотурецкой революции происходит радикализация крымскотатарской интеллигенции (в том числе — из круга редакции газеты «Терджиман»). При этом, существуя в российской политической парадигме, крымскотатарские лидеры симпатизировали и конституционным демократам, и социалистам-революционерам, находя в их программах близкие себе черты.

Таким образом, в начале XX века на связи крымских татар с Османской империей на политическом, идеологическом и религиозном уровне существенно повлияла Младотурецкая революция. Это существенно повлияло на дальнейшие события на полуострове — в том числе во время революционных преобразований 1917 года.

Библиография

- Российский государственный исторический архив, ф. 1263, оп. 2, д. 5757, л. 234.
Российский государственный исторический архив, ф. 1276, оп. 17, д. 318, л. 211.
Российский государственный исторический архив, ф. 1276, оп. 17, д. 318, л. 225–225 об.
Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1. / сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. Симферополь: Доля, 2009. С. 26.
СИБГАТУЛЛИНА А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 100–103.

Карашайски К. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

**«ОН ПРИБЫЛ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
ЧТОБЫ СДЕЛАТЬСЯ НАЕМНИКОМ»:
К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ХРИСОХИРА, «РОДИЧА»
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА**

Karashayski K. M.

**«HE ARRIVED IN CONSTANTINOPLE
TO BECOME A MERCENARY»: TO THE PROBLEM
OF IDENTIFICATION OF CHRYSOCHEIR, «KINSMAN»
OF PRINCE VLADIMIR**

Одной из самых загадочных персоналий в истории русско-византийских отношений первой половины XI в. является Хрисохир, «родич» Владимира Святославича и предводитель отряда наемников. Он упоминается Иоанном Скилицей в связи с неудачной попыткой найма на военную службу в Византийской империи и последующим разгромом его отряда. Византийский историк помещает это событие в широкий промежуток времени между смертью князя Владимира (15 июля 1015 г.) и последними годами правления императора Василия II (976–1025 гг.) [Scylitzae 1973: 367–368]. На сегодняшний день не вызывает сомнений скандинавское происхождение отряда Хрисохира [Androshchuk 2015: 44], который, очевидно, должен быть помещен в один ряд с дружинами наемников-северян под предводительством Сфенга (Свейна Хаконарсона) (1016 г.) [Филипчук 2009; Цукерман 2019: 475–479] и Аральта (Харальда Сигурдарсона) (1034–1043 гг.). Гипотезы о личности Хрисохира выстраиваются на основании следующих фактов из сообщения Скилицы: 1) родство с династией Рюриковичей; 2) имя или прозвище Хрисохир (Χρυσόχειρ — ср.-греч.

Златорук/Золотая Рука); 3) предводительство огромным отрядом в 800 воинов; 4) появление в Византии в период междоусобных войн на Руси; 5) конфликт с империей.

В историографии попытки объяснения имени Хрисохир склонялись либо в сторону греческого перевода скандинавского прозвища — Gullhand/Gullmund у А. А. Куника [Kunik 1844: 170–171], либо поиска аналогичного имени — Auðmundr/Eadmund у С. Блэндаля [Blöndal 1978: 49–50]. Нам неизвестны случаи прямого перевода имени служилого скандинава в византийских источниках, поэтому кажется логичным предположить, что Скилица приводит греческий перевод именно прозвища варяжского предводителя. «Золотые» прозвища скандинавской знати хорошо известны: Золотой Зуб, Щедрый на Золото и Скупой на Еду, Золотая Борода, Золотой Башмак, Золотые Ресницы, Скальд Золотых Ресниц, Золотоноша, Золотой.

По данным скандинавских нарративных источников, известны имена двух, не считая Свейна Хаконарсона/Сфенга в 1016 г., варяжских лидеров, которые в период 1015–1025 гг. побывали на Руси и в Византии, возглавляли там отряды вэрингов и погибли на востоке. Это знатный исландец Барди Убийца и датский ярл Эйлив Торгильссон. Барди был предводителем «большой дружины» в Гардарики в 1022–1025 гг. и погиб в морском сражении с превосходящими силами врага [Сага о Битве на Пустоши 2000: 110]. Однако, никаких указаний на наличие у Барди «золотого» прозвища или родства с Рюриковичами не встречается. О прибытии ярла Эйлива Торгильссона в Константинополь в период 1016–1020 гг. упоминается лишь в одной редакции «Саги о йомсвикингах»: «Эйлив отправился в Миклагард и стал там предводителем войска вэрингов, и в конце концов пал там» [Jómsvíkingasaga 1828: 161–162]. Но это сообщение о поездке ярла Эйлива в Византию спорно и противоречит другим версиям его биографии [Blöndal 1978: 201–202]. Линию родства Эйлива и его брата Ульва с княжеской династией Руси можно провести лишь с большой натяжкой, либо принимая позднейшую генеалогию, определяющую их в качестве боковой ветви дома Мунсё, либо через сообщение Адама Бременского о браке Эстрид Датской, известной в качестве супруги ярла Ульва,

с «сыном короля Руси» [Адам Бременский 2011: 52, 121]. Не существует и никаких намеков на «золотое» прозвище Эйлива.

Говоря о золотых атрибутах, велик соблазн связать Хресохира с хладирским ярлом Хаконом Эйрикссоном (летописным Якуном), обладателем «золотой луды» и «золотого обода», участвовавшего на стороне Ярослава в его войне с Мстиславом в 1024 г. [Прицак 1997: 440–454]. Подобная идентификация означала бы, что после Лиственской битвы ярл Хакон отправился в Византию и погиб там в 1025 г., что никак не соответствует ни данным о его дальнейшей судьбе в Норвегии, ни факту его гибели в проливе Петтландсфьорд. В этой связи интерес представляет гипотеза о существовании брата или родственника ярла Хакона, известного по Киево-Печерскому патерику Африкана, «въ земли Варяжской князя» [Киево-Печерский патерик 1999: 7], отца варяга Шимона. Исследователи видят в Африкане неизвестного по скандинавским нарративным источникам представителя рода ярлов Ладе, некоего *Афреки (*Afreki) (родился около 990/995 г. — умер до 1027/28 г.) [Прицак 1997: 450–452], Альфрика (Alfríkr) или Эйрика (Eiríkr). Действительно, в качестве родственника ярла Хакона по двум руническим камням из Сёдерманланда идентифицируется человек по имени Альрик [Михеев 2008: 31–32].

Таким образом, Альфрик должен был быть сыном ярла Эйрика Хаконарсона и племянником ярла Свейна Хаконарсона. Последний приходился свояком («братом») Ярославу Владимировичу, что, действительно, делало Хакона с Альфриком княжескими родичами. Наиболее ярким элементом в приключениях ярла Хакона/Якуна на Руси в 1024 г. является его знаменитая «золотая луда» (тканый золотом плащ), дважды упоминаемая летописцем, а «Сага об Олаве Святом» размещает на его голове «золотой обруч» (gullhláði) [Успенский, Литвина 2016]. Киево-Печерский патерик указывает в собственности Африкана «поясь ... имущъ вѣса 50 гривен злата, и вѣнецъ злат», которые он поместил на самостоятельно изготовленное распятие [Киево-Печерский патерик 1999: 8]. Так, драгоценный элемент костюма, проявление мастерства или особой щедрости могли послужить основанием для получения прозвища «Золотая Рука».

Исходя из данной версии, события можно реконструировать следующим образом. Ярлы Хакон и Альфрик Эйрикссоны с дружинами в качестве наемников появляются на службе у своего родича Ярослава в 1024 г. [Пріцак 1997: 452] и терпят поражение в битве при Листвене осенью того же года. Хакон возвращается «за море», на запад, а Альфрик решает отправиться в Византию. К такому решению его мог подтолкнуть опыт похода его дяди, Свейна Хаконарсона (Сфенга), участвовавшего в качестве наемника в удачном походе византийского полководца Варды Дуки (Монга) в Хазарию в 1016 г. В отряд Альфрика, вероятно, вливаются и те варяги, которые изначально не были его дружинниками, но стремились «добыть себе добра» (ведь проигранная Лиственская битва добычи не принесла), что объясняет огромную численность отряда — 800 воинов. В конце весны — начале лета 1025 г. это войско прибывает в Константинополь, где как раз готовилась экспедиция для похода на Сицилию под началом Ореста (сообщение об этом у Скилицы следует сразу после похода Хрисохира и непосредственно перед смертью Василия II 15 декабря 1025 г.). Предводитель, представившись, вероятно, в качестве Альфрика Золотой Руки (Хрисохира) и родича киевского князя (наличие благородного происхождения являлось обязательным условием для обретения иноземцем-наемником высокого титула и выгодных условий службы), начинает переговоры о найме. Переговоры провалились из-за отказа варягов предварительно сдать оружие, после чего Хрисохир проходит через Пропонтиду и близ Авидоса с боем прорывается в Эгейское море. Варяжский отряд, должно быть, пытаясь осуществить грабительский рейд, проплыл к острову Лемнос, но был там обманут и уничтожен флотом стратига фемы Кивирреотов и силами стратига Самоса, Давида из Охрида и дуки Фессалоники, Никифора Кавасилы [Scylitzae 1973: 367–368].

Если наша догадка верна, то это уже второй случай пребывания представителей рода хладирских ярлов со своими дружинами в Византии в первой половине XI в.: сначала Свейна Хаконарсона (Сфенга) (1016 г.), а затем его племянника, Альфрика Эйрикссона (Хрисохира) (1025 г.). Скилица характеризует обоих в качестве родственников правящей династии Руси, называя Сфенга «братом» Владимира (в действительности, свояк

Ярослава), а Хрисохира «родичем» Владимира (в действительности, родственник того же князя). Гипотетический Альфрик в таком случае предстает перед нами чрезвычайно неудачливым предводителем, разгромленным сначала на Руси, а затем и загубившим весь свой отряд в Византии, что может служить объяснением полного отсутствия упоминаний о нем в скандинавских текстах.

Библиография

Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Адам Бременский и др. Славянские хроники. М., 2011. С. 7–150.

Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 7–81.

МИХЕЕВ С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // ДРВМ. М., 2008. № 2 (32). С. 27–32.

ПРИЦАК О. Й. Походження Русі. К., 1997. Т. 1.

Сага о Битве на Пустоши // Исландские саги / Пер. и общая ред. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 44–110.

УСПЕНСКИЙ Ф. Б., ЛИТВИНА А. Ф. Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // ДРВМ. 2016. № 1 (63). С. 27–40.

ФИЛИПЧУК О. М. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг — брат Володимира Святого? // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Чернівці, 2009. Вип. 8. С. 58–70.

ЦУКЕРМАН К. Английский след в ранней летописи, или летописец шутит // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 457–482.

ANDROSHCHUK F. Byzantine Imperial Seals in Southern Rus // Byzantine and Rus' Seals. К., 2015. P. 43–53.

BLÖNDAL S. The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978.

Fornmanna sögur eptir gömlum handritum / Útg. C. C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1828. Vol. XI.

Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. B., 1973.

KUNIK E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. SPb., 1844.

Катюшин А. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ПРОВАЛ РОССИЙСКОГО ПРОЕКТА «НЕЗАВИСИМОГО» ГОСУДАРСТВА МУСУЛЬМАН*

Katyushin A.

THE FINAL YEARS OF THE CRIMEAN KHANATE: THE FALL OF THE RUSSIAN PROJECT OF AN «INDEPENDENT» MUSLIM STATE

Недовольство татар политикой Шагин-Гирея вылилось в крупное восстание, начавшееся осенью 1777 г. и охватившее весь Крымский полуостров. Волнения переросли в серьёзные стычки русских отрядов с вооружёнными татарами. Бунт длился уже три месяца, когда Екатерина II почти что решилась на отступление из восставших районов изнурённых русских войск за Перекоп. Одновременно с армией надлежало вывести из Крыма местных христиан, перетерпевших уже значительные притеснения от мятежников. Обеспечение безопасности Шагин-Гирея с его приближенными в складывавшихся условиях продолжало входить в число приоритетных задач русских военных [Дубровин 1885 Т. 2: 221–225]. Однако восстание против Шагин-Гирея все же удалось подавить в начале февраля 1778 г. [Дубровин 1885 Т. 2: 221–225].

В то время, когда в Стамбуле велись оживленные дискуссии по поводу вопроса войны с Россией из-за Крыма [Дубровин 1885. Т. 2: 369–370],

* Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

российские власти приступили к подготовке выхода крымских христиан с территории полуострова, осуществленного в июле-сентябре 1778 г. [Дубровин 1885. Т. 2: 590, 710 сл.]. Это переселение, обозлившее Шагин-Гирея [Дубровин 1885. Т. 2: 587–588, 592–593], и вызывавшее недоумение у его современников [Дубровин 1885. Т. 2: 97–98, 322], неоднозначно оценивается до сих пор [Дмитриева 2020: 20]. Надо подчеркнуть, что Екатерина II в 1778 г. рассматривала Крым как поле будущего сражения с Оттоманской Портой [Дубровин 1885 Т. 2: 221–225], итог которого, как и любого боя, был непредсказуем. Учитывая это обстоятельство, нужно признать, что заблаговременный вывод единоверного и лояльного России населения из-под грядущей военной опасности выглядит идеологически верным.

Российские правящие элиты и после 1778 г. продолжали делать ставку на Шагин-Гирея, укрепляя его власть. Важной проблемой отечественной внешней политики оставался тогда вопрос официального признания Оттоманской Портой Шагин-Гирея в качестве крымского хана. Россия не могла вывести свои войска с полуострова, как требовали османы, и как она должна была бы сделать в соответствии с Кючук-Кайнарджийским трактатом: такой поступок в текущей ситуации привел бы к немедленному низложению Шагин-Гирея. То, что Крым в таком случае вернется в прежние отношения с Портой, кажется, не сомневался никто. Поэтому Екатерина II называла вопрос полной легитимизации Шагин-Гирея в переговорах с османами «кондицией *sine qua non*» [Дубровин 1885. Т. 3: 8, сл.].

В конце февраля 1779 г. русский посланник в Стамбуле А. С. Стахивев вступил в продолжительную «негоциацию» с уполномоченным Оттоманской Порты по процедурным вопросам признания крымского хана. Предстояло, используя понятную договаривающимся сторонам и не допускающую двойного толкования терминологию, разработать и утвердить декларации, верительные грамоты и другие документы [Дубровин 1885. Т. 3: 86 сл.].

10 марта 1779 г. Россия и Порта заключили Айналы-Кавакскую «изъяснительную» конвенцию, уточнявшую и подтверждавшую основные положения Кючук-Кайнарджийского мирного трактата. Кроме прочего, в тексте конвенции был зафиксирован порядок султанского благословения

крымского хана. Россия должна была вывести войска с территории полуострова в течение трех месяцев, а с Кубани — трёх месяцев и двадцати пяти дней с момента заключения договора [Дружинина 1955: 332, 362].

В рескрипте генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву от 17 апреля 1779 г. Екатерина II рекомендовала, выводя войска из Крыма, укрепить некоторым количеством военных гарнизоны Керчи и Еникале. Резиденту при Шагин-Гирее А. Д. Константинову были посланы особые инструкции, с помощью которых он должен был «учредить поведение свое с ханом, с правительством и частными людьми уже без пособия военного» [Дубровин 1885. Т. 3: 147, 154]. Российские войска к 1 июня 1779 г. вышли из Крыма, «исключая почтенного г. резидента и несколько человек, его свиту составляющих» [Дубровин 1885. Т. 3: 329, 351].

После долгих проволочек с турецкой стороны официальное утверждение Шагин-Гирея Оттоманской Портой все же состоялось 14 октября 1779 г. [Дубровин 1885. Т. 3: 439 сл.].

Шагин-Гирей, сделав местом своего пребывания крупный город-порт Кефе (в русских документах — Кефа), возобновляет попытки создания полков по западному образцу, пытается завести артиллерию и вступает в переговоры с российскими властями по поводу поставки в Крым металлов, необходимых для монетной чеканки [Дубровин 1885. Т. 3: 604 сл.].

Хан, вскоре после султанского благословения, начинает развивать вопрос о законных границах Крымского государства, надеясь, между прочим, при помощи России добиться признания турецкой крепости Суджук и всех земель в её окрестностях и по левому берегу р. Кубань татарскими владениями [Дубровин 1885. Т. 3: 480 сл.]. Однако входить в новые опасные споры с Оттоманской Портой теперь было не в интересах Российской империи [Дубровин 1885. Т. 3: 549 сл.].

Между тем, на Кубани постепенно нарастают беспорядки, вызванные противоречиями между населяющими его народами и непокорностью некоторых родоплеменных объединений, промышлявших привычными грабежами. Кроме того, недовольство вызывала здесь деятельность чиновников Шагин-Гирея в отношении податного населения [Дубровин 1885. Т. 4: 118 сл., 151 сл.]. На Северо-Западном Кавказе находился, впро-

чем, ограниченный контингент русской армии, выполнявший миротворческие функции [Дубровин 1885. Т. 4: 158–160], что не решало, конечно, проблем с волнениями в регионе в целом.

Весной 1782 г. началось очередное восстание против Шагин-Гирея, возглавленное его братьями, султанами Батыр-Гиреем и Арслан-Гиреем. Бунтовщики съехались в Тамань, изгнав оттуда ханского каймакама. Набранная прежде Шагин-Гиреем гвардия в этом мятеже показала свою полную несостоятельность, не желая действовать против единоверцев [Дубровин 1885. Т. 4: 426 сл.]. Восставшие султаны, якобы признавая Кючук-Кайнарджийский трактат, заявляли, что бунт направлен только против власти Шагин-Гирея, который «причиняет народам татарским обиды и притеснения» [Дубровин 1885. Т. 4: 437 сл.].

10 мая 1782 г. восстание перекинулось на Крым. Живший возле Керчи султан Халим-Гирей, собрав недовольных ханом крымских жителей и при поддержке переехавших с Кубани абазинских и черкесских отрядов, выступил против Шагин-Гирея. 14 мая повстанцы пришли к предместью Кефе. На следующий день Шагин-Гирей и русский резидент П. П. Веселицкий со своими людьми были вынуждены бежать морем в Керчь, под защиту русского гарнизона крепости. Кефе оказалась в руках мятежников [Дубровин 1885. Т. 4: 516, 524 сл.]. Вскоре Веселицкий получает агентурные данные о том, что Батыр-Гирей переехал в Крым и послал в Порту нарочного с извещением о бегстве хана и просьбой о назначении нового правителя «на древних обрядах» [Дубровин 1885. Т. 4: 527]. Повстанцы обвиняли Шагин-Гирея в преступлениях «против закона и веры» [Дубровин 1885. Т. 4: 648, 699 сл.].

В июне 1782 г., в разгар мятежа, Шагин-Гирей предлагает Екатерине II построить базу русского флота в «Ахтиярской древнего Херсона гавани» за некоторое высочайшее пожалование. [Дубровин 1885. Т. 4: 612].

Для прекращения бунта России в октябре 1782 г. пришлось направить войска в Крым. Вместе с армией на полуостров уже во второй раз был введен Шагин-Гирей, незадолго до этого вывезенный из Керчи в Северное Приазовье. Операция по восстановлению порядка в Крыму прошла «без пролития крови и... всякого изнурения войск...» [Сб. РИО 1880:

230]. Татары, включая предводителей бунта, спешили явиться к Шагин-Гирею с покаянием [Дубровин 1885. Т. 4: 887–888].

14 декабря 1782 г. Г. А. Потемкину был направлен «секретнейший» высочайший рескрипт «о необходимости присоединить к России Крым при первом к тому поводе...». В рескрипте признавалась несостоятельность установленного в Крыму политического режима, из-за которого Россия все время несла огромные чрезвычайные расходы и потери. Однако окончательное присоединение Крыма признавалось возможным при шести необходимых условиях и как ответ на недружелюбные действия Порты. В ином случае следовало ограничиться лишь занятием Ахтиярской гавани [Сб. РИО 1880: 221 сл.].

Такая осторожность имела свои причины. Чрезвычайный посланник в Стамбуле Я. И. Булгаков с конца 1781 г. вел переговоры по заключению с Портой крайне важного для России торгового трактата. Трактат должен был упорядочить торговлю в черноморском регионе и открыть русским судам беспрепятственный путь в Средиземное море. Турецкая сторона всячески затягивала переговоры [Дубровин 1885. Т. 4: 30, 65–355, 369, 383, 482 сл.]. Существенный успех в этом деле был достигнут Булгаковым только к концу 1782 г. [Дубровин 1885. Т. 4: 966–969] и обострять отношения с Портой в этот момент было, конечно, неразумно.

Однако принципиально решение о подготовке к ликвидации «независимого» Крымского ханства и окончательном присоединении Крыма к России было принято именно в декабре 1782 г. и поэтапно осуществлено в следующем году.

Крымский хан, поступивший с мятежниками поначалу показательно гуманно, со временем поразил своих покровителей беспощадной жестокостью к недавним противникам, ускорив тем самым свое отречение, произошедшее, по видимому, в мае 1783 г. [РА 1884: 19–21; Сб. РИО 1880: 231–233; Смирнов 1889: 228–229].

Библиография

ДМИТРИЕВА В. В. Переселение христианского населения из Крыма в Приазовье в 1778–1780 гг. // Национальная ассоциация учёных. № 54–3. 2020. С. 18–21.

ДРУЖИНИНА Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение) / отв. ред. Б. Б. Кафенгауз. М., 1955.

ДУБРОВИН Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения: в 4-х т. СПб., 1885–1889.

РА — Русский архив. Кн. 2. М., 1894.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. Т. 27. СПб, 1880.

СМИРНОВ В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

Колганова В. А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ ЧУМЫ СЕРЕДИНЫ XIV в. НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)*

Kolganova V. A.

THE IMPACT OF THE PLAGUE PANDEMIC OF THE MIDDLE OF THE XIV CENTURY ON THE RELIGIOUS LIFE OF THE POPULATION OF EUROPE AND THE MIDDLE EAST (ACCORDING TO WRITTEN SOURCES)

«Черная смерть» — эпидемия чумы, разразившаяся в 1346–1352 гг. и затронувшая практически все регионы Европы и Ближнего Востока. По разным подсчетам болезнь унесла от 30 до 50% населения Старого Света [Benedictow 2004: 382–383; Jedwab et al. 2019: 33]. Пандемия середины XIV в. и ее последствия затронули все сферы жизни средневекового общества. Целью данной работы является анализ влияния «Черной смерти» на религиозную жизнь жителей Европы и Ближнего Востока, нашедшего отражение в письменных источниках.

Одним из ключевых последствий пандемии в Европе стало падение авторитета церкви [Zaddach 1971: 67; Bergdolt 2017: 162–172]. Необходимость проведения обрядов заставляла представителей духовенства находиться в тесном контакте с больными и умершими и, соответственно, становилась причиной высокого уровня смертности среди этого сословия [Ziegler 1969:

* Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

261; Zaddach 1971: 23; Bergdolt 2017: 164]. Многие священники добросовестно исполняли свои обязанности. Современник пандемии, французский врач Симон де Кувин отмечал примеры мужества духовенства в Авиньоне: «Случалось, что болезнь со всей своей яростью набрасывалась на святых врачевателей души, священников, как раз в тот момент, когда они вручали больному дар благодати. И внезапно они умирали, иногда раньше, чем те, только из-за прикосновения к телу или дыхания больного чумой» [Bergdolt 2017: 163].

Однако, ряд представителей духовенства покидали свои приходы из-за страха смерти. Кроме того, ряд священников требовал за свои услуги высокой оплаты [Ziegler 1969: 261]. Епископ Рочестера в Англии в письме от 27 июня 1349 г. требовал от духовенства своего округа не повышать оплату под угрозой суровых наказаний. Аналогичные меры предпринимали архиепископ Кентерберийский и епископ Винчестера [Zaddach 1971: 61]. При этом, епископы Личфилда и Йорка всеми возможными способами избегали контактов с больными [Zaddach 1971: 62].

Высокая смертность среди духовенства вызвало упрощение процедуры получения сана. В частности, епископ Норвича получил разрешение на рукоположение шестидесяти клериков в возрасте до 21 года, а также вдовцов зрелого возраста [Ziegler 1969: 262]. Нехватка священников повлекла за собой изменения в обряде исповеди. Епископ Бата и Уэльса Ральф Шрусбери в циркуляре от 17 января 1349 г. дал разрешения исповедоваться мирянам, в том числе, женщинам [Zaddach 1971: 61].

События пандемии повлекли за собой ряд изменений в богослужебной практике. В Англии распространилась практика ежедневных молитв о прекращении чумы и здоровье короля [Norroх 1995: 111]. Их важность отмечал упомянутый выше епископ Бата и Уэльса: «...если мы не будем усердно и непрестанно молиться, то моровая язва протянет свои ядовитые ветви в государство, поразит и истребит всех жителей» [Holmes 1896: 555].

В течение пандемии распространилась практика торжественных процессий, направленных на предотвращение чумы. Эдуард III (1327–1377) в 1348 г. поручил архиепископу Кентерберийскому организовывать подобные шествия в Англии каждую среду и пятницу с дарованием индульгенций всем участникам [Norroх 1995: 113–114]. Аналогичные процессии

проводились в Париже, Франкфурте, Вене, Флоренции, Сиене, Катанье и других городах. Отметим, что шествие во Флоренции было запрещено городскими властями, справедливо опасавшимися роста заболеваемости [Zaddach 1971: 60].

Идея спасения от чумы путем искупления грехов вызвала рост благотворительной деятельности. Объем частных пожертвований больницам во Франции вырос на 50% в период с 1300 по 1350 г. В Англии в годы пандемии были построены 70 новых больниц [Gottfried 1983: 85]. Кроме того, получила распространение практика частных месс, что в определенной мере нарушало монополию церкви на богослужение [Gottfried 1983: 85].

Другим способом искупления грехов было флагелланство [Ziegler 1969: 84–109; Harrison 2000: 266–272]. Движение флагеллантов (от лат. «бичующиеся»), возникшее в XIII в., в годы «Черной смерти» получило значительное распространение, в первую очередь, на территории Германии [Potthast 1859: 280–282]. Основной его идеей было искупление грехов через телесные муки. Флагелланты перемещались между городами многочисленными процессиями, нанося себе удары бичами, сопровождаемыми молитвами и песнопениями [Ziegler 1969: 84–110]. Хроника Фриче Клозенера (1360–1362 гг.) описано прибытие процессии флагеллантов в Страсбург. Ее участники призывали местных жителей присоединиться к их паломничеству на тридцать три с половиной дня, символизирующих срок земной жизни Христа, в течение которых они должны были подвергать себя телесным мукам. Наградой за это должно было стать очищение от грехов. Как отмечает хронист, призывы флагеллантов встретили отклик у жителей Страсбурга, доверявших им больше, чем местным священникам [Abert 2005: 129–131].

Стремительный рост влияния флагеллантов, прежде поддерживаемых церковью, стал причиной запрета движения. В 1349 г. папа Климент VI (1342–1352) издал буллу, осуждавшую флагеллантов за неуважение к церкви, создание собственного устава, проведение нетрадиционных для христианства обрядов [Ziegler 1969: 94–95].

Еще одним явлением религиозной жизни европейцев в годы пандемии стал рост антисемитских настроений. Традиционная ненависть к евреям,

обвиняемым духовенством в убийстве Христа, была усилена рядом проходивших в 1348 г. в Испании и Франции судебных процессов, на которых представители еврейской общины обвинялись в попытках отравления колодцев и других источников воды [Abert 2005: 145–150]. Результатом стали массовые погромы во всех регионах Европы за исключением Англии, откуда община была изгнана в 1290 г. [Colet et al. 2014: 82].

Масштаб гонений иллюстрирует указ короля Арагона Педро IV (1336–1387) от 23 декабря 1349 г. о восстановлении финансовой документации, уничтоженной во время погрома в каталонском городе Таррега, в результате которого погибло около 300 евреев, а их имущество было разграблено [Abert 2005: 142–143]. Данные письменного источника недавно получили подтверждение археологическими материалами. В ходе раскопок в Тарреге в 2007 г. были открыты несколько братских могил с останками не менее 150 человек [Colet et al. 2014: 73–79].

Следует отметить, что гонения евреев осуждались церковью и светскими властями. Буллой Климента VI участники погромов отлучались от церкви [Simonsohn 1988: 64–65]. В мае 1348 г. указом Педро IV губернатором провинций Арагона было поручена защита еврейских общин и предотвращение погромов [Ziegler 1969: 107].

Ближневосточный набор письменных источников, освещающих события «Черной смерти», значительно меньше европейского. Этот факт не позволяет в полной мере оценить влияние эпидемии на религиозную жизнь населения региона. Судя по трактату Ибн аль-Варди «Весть о чуме» мусульмане Ближнего Востока рассматривали эпидемию как посланное Аллахом испытание на пути к раю, в отличие от европейцев, воспринимавших чуму в качестве божественной кары за грехи. Согласно аль-Варди «Эта чума для мусульман — мученичество и награда, а для неверующих — наказание и порицание. Когда мусульманин терпит несчастье, тогда терпение — это его поклонение. Нашим Пророком, да благословит его Аллах и да приветствует, было установлено, что пораженные чумой являются мучениками. Эта благородная традиция верна и гарантирует мученичество. И эта тайна должна быть приятна истинно верующему» [Dols 1974: 454].

Несмотря на разницу в восприятии чумы, на Ближнем Востоке также проводились коллективные богослужения. Арабский историк и богослов Ибн Катхир упоминает публичные молитвы с чтением отрывков из Корана, проводившиеся в Дамаске в 1348 г. После того, как смертность в городе достигла сотни человек в день, власти призвали жителей поститься в течение трех дней, а на четвертый посетить мечеть и смиренно умолять Бога спасти землю от чумы [Abert 2005: 111]. Интересно отметить, что среди участников этих богослужений Ибн Катхир упоминает представителей других религий — христиан и иудеев [Abert 2005: 112].

Пандемия чумы середины XIV в. оказала значительное влияние на разные аспекты религиозной жизни европейцев. Ключевым из них представляется снижение авторитета церкви, оказавшейся неспособной обеспечить физическое и духовное спасение паствы. По мнению некоторых исследователей, этот фактор сыграл свою роль в зарождении движения Реформации [Ziegler 1969: 270; Zaddach 1971: 1–2].

Библиография

- ABERT J. The Black Death. The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents. New York, 2005.
- Benedictow O. J. The Black Death 1346–1352: the complete history.— Woodbrige, 2004.
- BERGDOLT K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen, 2017.
- COLET A., SANTIVERI J.X., VENTURA J.R., SAULA O., EULÀLIA SUBIRÀ DE GALDÀCANO M., JAUREGUI C. The Black Death and Its Consequences for the Jewish Community in Tàrrega: Lessons from History and Archeology. Kalamazoo, 2014.
- DOLS M. Ibn al-WardI's Risatah al-naba' Un al-waha', A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East. Beirut. 1974.
- GOTTFRIED R. The black death; natural and human disaster in Medieval Europe. New York, 1983.
- HARRISON D. Stora Döden: Den Värsta Katastrof Som Drabbat Europa. Stockholm. 2000.
- HOLMES T. M. The register of Ralph of Shrewsbury, Bishop of Bath and Wells, 1329–1363. From the original in the registry at Wells. London, 1896.
- HORROX R. The Black Death. Manchester, 1995.

JEDWAB R., JOHNSON N., KOYAMA M. *Pandemic, Places, and Populations: Evidence from the Black Death*. Munich, 2019.

POTTHAST A. *Liber de Rebus Memorabilioribus sive Chronicon Henrici de Hervordia*. Gottingae. 1859.

SIMONSOHN S. *The Apostolic See and the Jews*. Toronto, 1988.

ZADDACH B. I. *Die Folgen des Schwarzen Todes (1347–51) für den Klerus Mitteleuropas (Forschungen zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte)*. Stuttgart, 1971.

ZIEGLER Ph. *The Black Death*. London, 1969.

Конкин Д. В.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЭЛИТЫ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Konkin D. V.

TO THE QUESTION OF THE POLITICAL PREFERENCES OF THE CRIMEAN TATAR ELITE ON THE EVE AND AFTER THE ANNEXATION OF CRIMEA TO THE RUSSIAN EMPIRE

XVIII век — время глобальных геополитических изменений в Северном Причерноморье. Постепенно и неотвратно растет присутствие Российской империи в регионе, стремящейся обрести собственный выход к морскому побережью и обезопасить свои южные рубежи от набегов. Одновременно теряет свои позиции Османская империя, которую настигает череда внутренних и международных кризисов. В таких обстоятельствах Крымское ханство, оказавшись в центре столкновения ведущих геополитических игроков, обрело все свойства фронтирного государства: несамостоятельного, переменчивого, вынужденного менять свои векторы развития в зависимости от краткосрочных вызовов. Слабая ханская власть неминуемо отражалась на внутренней жизни рядового населения и привилегированных сословий. Элита для выживания в условиях постоянных военных угроз вынуждена была искать варианты обеспечения собственной стабильности среди внешних акторов, как непосредственно представленных в Причерноморье, так и находившихся в отдалении от границ ханства.

Нас интересует, прежде всего, российское влияние на внутрикрымские проблемы. И тут в конце 30-х гг. XVIII в., едва ли не впервые, фиксируется известие, что определенная часть крымских татар была готова принять подданство Российской империи. Об этом сообщал Б. Х. Миних в своем всеподданнейшем донесении от 22 апреля 1739 г. В частности, военачальник докладывал, что когда крымский хан в очередной раз попытался набрать войско для сражения с русской армией, обещая своим соплеменникам «в нынешней компании не толико знатный сикурс» (т.е. помощь, подкрепление войск), но и доставку «провианта и проч. довольного», то в ответ услышал упрек, «что уже 3-й год тем их обнадеживает, но они ничего не получают и претерпевают крайнюю нужду». И за это «в глаза» бранили не только хана, но и турецкого султана. А в конце же и вовсе «откровенно сказали», что если в текущем году российская армия снова вступит в Крым, то «они принуждены будут В.И.В. (т.е. царице Анне Иоанновне) покориться» [СВИМ 1903: 99–100]. Понятно, что такая реакция возникла вследствие разорительных для крымских жителей походов Б. Х. Миниха и П. П. Ласси, случившихся в предыдущее трехлетие (1736–1738 гг.), и опасения нового вторжения. Но, тем не менее, важно, что столь радикальная смена внутривосточного вектора уже не представлялась для крымских мусульман чем-либо невозможным. Связано это было, очевидно, с обретением понимания местными жителями долговременного геополитического усиления и неизбежного дальнейшего присутствия России в макрорегионе Причерноморья, а также с установлением российскими представителями прямых контактов с влиятельными кланами и чиновниками ханства.

О том, что такая задача ставилась перед российскими дипломатами можно судить из секретных инструкций выданных крымскому поверенному А. Шестакову в 1758 г., а затем консулу А. Ф. Никифорову в 1763 г. Шестакову, помимо урегулирования приграничных конфликтов и защиты интересов российских подданных, в секретной части предписывалось узнать «о воле народа турецкого (т.е., по-видимому, татарского — К.Д.) и о повиновении к султану, також о едисанском народе, в каком намерении ныне оный и где кочевьем стоит», а также разрешалось тратить казенные

средства на подкуп «тамошней старшины» для лоббирования необходимых решений [Уляницкий 1899: CCLVI–CCLVII]. В подробной тайной инструкции консулу Никифорову, апробированной уже самой императрицей Екатериной II, среди прочего, велено «надежных приятелей из ханских фаворитов или служителей тамошней канцелярии пенсиою или временною дачею подарков для сообщения обо всем достоверных известий себе приискать...» [СИРИО 1885: 494]. Также в продолжение ногайской тематики, сообщалось о неоднократном прибытии в Санкт-Петербург посланцев от едисанцев с просьбой принять орду в российское подданство, в связи с чем, российскому консулу необходимо было осторожно узнать, не готов ли и сам хан оказаться «в здешнем» (т.е. российском) подданстве или объявить себя «самодержавным и ни от кого независимым государем» [СИРИО 1885: 500]. Деятельность Никифорова в Крыму завершилась провалом. В результате инцидента с консульским служащим было нанесено оскорбление бахчисарайским муфтию и кадиаскеру [Уляницкий 1899: CCXCV–CCC]. Религиозный скандал в череде других дипломатических недоработок стал причиной отзыва консула из Крыма [Соловьев 1895–1896: 77].

В дальнейшем российской дипломатической службой, по-видимому, была проделана определенная работа над ошибками. Как результат, неизменные обязательства чтить религию мусульман стало важным фактором успешного вхождения Крымского ханства в состав Российской империи. Следует напомнить, что в манифесте о присоединении от 8 апреля 1783 г. особо оговаривалось обязательство императрицы и ее преемников «охранять и защищать...лица, имущество, храмы и природную веру» новых подданных [ПСЗРИ-1: 898, № 15708].

Результаты адресной работы с верхушкой крымского духовенства проявлялись в позитивной оценке последним внутренних преобразований в Крыму последовавших после присоединения. Например, в 1784 г., в связи с учреждением Таврической области, Г. А. Потемкин выдал таврическому муфтию Мусалав-эфенди особую грамоту, в которой подтверждались положения апрельского манифеста 1783 г. касательно обещаний Екатерины II не препятствовать в исповедании ислама крымским жителям. Ответ-

ное послание муфтия, составленное 24 июня 1784 г., было наполнено восточными изысканными благодарностями императрице. Мусалав-эфенди сообщал, что народ крымский «весьма доволен своим нынешним спокойствием и благоденствием, усерднейше молит Бога, чтобы он удостоил их быть под скипетром и властью столь великой во свете монархини Нашей Государыни...» [РНБ. Д. 469: 1]. Вторил главе крымских мусульман и кадий арабатского кадылыка Куб-эд-Дин эфенди. Он сообщал, что собрал духовенство и жителей своего кадылыка на общий сход, на котором была зачитана полученная от муфтия грамота с заверениями императрицы «в нашем законе и вере милосерднейше не препятствовать». В результате собравшиеся «столь много были обрадованы, что одному только создателю известно, прося усерднейше да продлит Бог Всепресветлейший Царей Царице и нашей благотворительнице множайшие лета благополучия и сильного властвования» [РНБ. Д. 467: 1]. В этом же деле внизу была приписка, что в подобном ключе написаны были еще пять писем «от кадиев, всего духовенства и всех жителей» [Там же].

Что касается позиции родовой крымско-татарской элиты, то примечательно хранящееся в РНБ в фонде В. С. Попова «Письмо уполномоченных от жителей Крыма генералу Игельстрому с сообщением о нежелании жителей (кроме указанных в списке) переселяться из России» [РНБ. Д. 477: 1–2]. Документ без даты, но по контексту и размещению в описи фонда, понятно, что письмо написано не позднее 1784 г. Уполномоченными являлись Мегметша Ширинский (глава Крымского правительства 1783–1784 гг.) и Кутлу Шах ага (по-видимому, Кутлуша ага Киятов, Акмечетский каймакан, см. [Лашков 1888: 36]). Оба утверждали, что крымские жители, в целом, довольны российским покровительством и переселяться из Крыма не собирались, за исключением 14 мурз, список которых приводился в конце послания. Среди пожелавших эмигрировать числился один бей Ширинский, один бей Аргинский, а также беи Даирские и Барыньские(?). Таким образом, основная часть бейских родов в первые годы российского присутствия в Крыму покидать полуостров не планировало.

Библиография

ЛАШКОВ Ф. Ф. Камеральное описание Крыма 1784 г. (Продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 6. С. 36–63.

[ПСЗРИ-1]. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 21. СПб., 1830.

[РНБ]. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 609. Попов В. С.

СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. 2-е изд. СПб.: Тип. тов-ва «Обществ. польза», [ценз. 1895–1896].

[СВИМ]. Сборник военно-исторических материалов. Вып. XIII. Всеподданнейшие донесения Гр. Миниха. Ч. III. Донесения 1739 года и генералитетские рассуждения. СПб.: Военная тип., 1903.

[СИРИО]. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 48. СПб., 1885.

УЛЯНИЦКИЙ В. А. Русские консульства за границею в XVIII веке. Ч. II. Приложения. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899.

Костромичев Д. А.

ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СНАБЖЕНИИ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА ХЕРСОНЕСА В ТАВРИКЕ

Kostromichev D. A.

NEW DATA ON THE SUPPLY OF THE ROMAN GARRISON OF CHERSONESE IN TAURICA

В ходе раскопок Южного пригорода Херсонеса в 2022 году было найдено горло амфоры с хорошо сохранившейся надписью, нанесенной красной краской. Находка была сделана в слое мусорной свалки, исследованном на южном склоне Херсонесской балки, примерно в 70 метрах к югу от башни XIII городских оборонительных стен. Материалы из слоя, полученные в результате раскопок, ещё не обработаны в полной мере¹. Появление слоя, предварительно, можно датировать началом позднеримского времени, т. е. концом II — первой половиной III в. н. э.

Горло амфоры сохранилось целиком до уровня основания ручек. Глина амфоры красная (Munsell 2.5YR 6/4–6/6), с темно-бежевым закалом. Глина с равномерной примесью желтой слюды, кварцевого песка и железистых частиц. Единично встречаются известняковые частицы. Поверхность покрыта светлым ангобом. Горло в нижней части усеченно-коническое, в верхней части воронковидное. Венчик утолщенный, со скошенной внутрь поверхностью. Овальные в сечении ручки закреплены в месте наибольшего сужения горла и на плечиках. В нижней

¹ Раскопки проводились отрядом музея-заповедника «Херсонес Таврический». Благодарю владельца открытого листа С.Л. Соловьева за разрешение опубликовать находку.

части горла горизонтальный желобок. Сохранившаяся высота предмета 20,6 см. Венчик слегка сплюснутый, его размеры 14 × 14,7 см. Сечение ручек 3,2 × 2 см.

На поверхность горла нанесена двустрочная курсивная надпись. Латинский язык надписи позволяет отнести этот эпиграфический памятник к категории *tituli picti*². Первая строка надписи читается уверенно. В начале написано слово *legio* в обычном для эпиграфики сокращении LEG. Далее следует номер легиона: XI. На принадлежность последних двух знаков цифрам указывают горизонтальные галы сверху и снизу. Аналогичный прием часто встречается на штампах для керамики [см., например: Orreanu 2011: pl. I, 1, 2, 4, 7, 9, 10, pl. II, 2–4, pl. IV, 2], а также в курсивных надписях для обозначения номеров легионов [Dyczek 1999: fig. 145, 16, fig. 146, 2, 3]. Знаки второй строки расположены под цифрами первой, хотя на горле достаточно места для размещения всей надписи в одну строку. Вторую строку сложнее интерпретировать с уверенностью. Здесь расположены два знака. Первый может быть прочтен как l или как t, второй похож на курсивный вариант буквы z. Контекст первой строки позволяет, впрочем, предположить, что вторая строка содержит название XI легиона «Клавдиев» (*Claudia*) в сокращенной форме CL. Предлагаю полностью читать *titulus pictus* как *legio XI Claudia*. Возможно, надпись подразумевает прочтение в ином падеже. Если надпись указывает на легион, как на адресат товара, то правильным будет прочтение надписи в дательном падеже: *legioni XI Claudiae*. Если же надпись поставлена получателем, как знак принадлежности товара, то в этом случае уместней прочтение в родительном падеже *legionis XI Claudiae*. Вероятность того или иного варианта прочтения зависит от наших знаний об организации снабжения римских легионов.

Найденный фрагмент амфоры относится к хорошо известному типу «амфор с воронковидным горлом». Этот тип фигурирует в различных типологиях амфор римского времени, включая первую научную классификацию амфорной тары римского времени, основанную на прочтении курсивных надписей краской. В типологии Г. Дресселя амфоры с ворон-

² Подробнее об этой категории надписей см: Ильяшенко 2013: 9-25.

ковидным горлом получили название форма 24 [Dressel 1899: pl. II]. В базовой для северопричерноморского региона классификации И. Б. Зеест эти амфоры известны как тип 90 [Зеест 1960: 117, табл. XXXVII, 90]. Этот тип амфорной тары был широко распространен в Восточном Средиземноморье и Причерноморье на протяжении длительного времени. От позднего эллинизма до раннесредневекового времени происходила трансформация морфологии этих амфор. Основываясь на надписях, нанесенных на амфоры с воронковидным горлом, считается, что на всем протяжении существования, эти амфоры использовались как тара для транспортировки оливкового масла [Opař 2007: 633; Dyczek 2016: 566]³.

Опираясь на данный вывод и учитывая содержание надписи, можно с уверенностью заключить, что найденная амфора являлась тарой для транспортировки оливкового масла, предназначенного для нужд XI Клавдиева легиона римской армии. Оливковое масло входило в обязательный рацион военнослужащих [Kehne 2007: 324]. Также оно использовалось как топливо для светильников и для других технических нужд. Обнаружение амфоры в Херсонесе означает, что это была финальная точка транспортировки продукта. Однако, надпись свидетельствует о том, что доставка масла осуществлялась не напрямую от центра производства до херсонесского гарнизона. Поставка была предназначена легиону, который базировался в другом месте. В Херсонесе находилась лишь небольшая часть этого подразделения. Следовательно, поставка данного конкретного продукта в Херсонес осуществлялась после его перераспределения из места первоначального назначения.

Для определения региона, из которого осуществлялось снабжение XI Клавдиева легиона, а затем и гарнизона Херсонеса оливковым маслом, важными являются наблюдения о месте производства амфор с воронковидным горлом. Исследователи полагают, что это не был единственный производственный центр. Об этом свидетельствуют некоторые различия в составе глины морфологически близких экземпляров. Амфоры производились в регионе Ионии и на островах Эгейского моря [Dyczek 1999: fig. 143, 144]. В городе Эрифры и на острове Кос были открыты мастерские

³ Существует и другое мнение, согласно которому амфоры Dressel 24 использовались также для транспортировки вина. См.: Klenina 2018: 363.

по производству этих амфор [Oraiț 2007: 628]. Возможно, они производились также в Кимах [Reynolds 2021: 327].

Горло с южного склона Херсонесской балки наиболее близко по деталям оформления к образцам из подвала ЕХ Танаиса середины II [Науменко 2008: 274, ил. 4, 1], зольника на склоне горы Митридат [Голофаст 2010, 97, 98, 103, 104, рис. 10, 3; 24, 1, 2], другим находкам первой половины III в. [Oraiț 2007: 629, fig. 2, 4–6], а также середины и второй половины III в [Oraiț 2014: fig. 4, 5, 7; Reynolds 2021: 332]. Дата амфоры, определенная по аналогиям, в целом совпадает с данными о присутствии частей XI Клавдиева легиона в Херсонесе.

Многочисленные данные не оставляют сомнений в том, что римский экспедиционный корпус в юго-западном Крыму во II и первых двух третях III веков формировался из войск, размещенных в провинции Нижняя Мёзия. XI Клавдиев легион впервые появился в Нижней Мёзии в самом начале II в., в ходе Дакийских войн. Со 115–117 гг. легион был размещен в Дуросторе, где оставался как минимум до эпохи Домината [Matei-Popescu 2010: p. 133–140]. Присутствие части XI Клавдиева легиона в Херсонесе подтверждается данными лапидарной эпиграфики и клеймами на черепице [Соломоник 1983: кат. 8, 10, 29, 31, 32; Зубарь 1994: 57, 58; Gudea 2006: 466–469]. Вместе с тем нет никаких сомнений, что одновременно с солдатами этого легиона, службу в юго-западном Крыму проходили солдаты других подразделений. С середины II до середины III в. все римские отряды в Крыму структурно были объединены в вексильцию войск Нижней Мёзии (*vexillatio exercitus Moesiae Inferioris*) [Сарновски 2000: 270–272].

Вопросы обеспечения гарнизона юго-западного Крыма оружием, амуницией и продуктами питания до сих пор решались на теоретическом уровне, методом сравнения с данными о других гарнизонах в Римской империи. Конкретные сведения из пунктов дислокации в Крыму для II–III в. отсутствовали [Зубарь 1994: 79; Кленина 2014: 31]. Новая находка не только впервые дает археологическое свидетельство снабжения гарнизона Херсонеса импортным продуктом, но и позволяет установить определенные детали этого процесса. Следует упомянуть, что оливковое масло

не могло производиться на месте, так как Крым не входил в ареал произрастания оливы [Cordova, Lehman 2003: 1498]. В интересующий нас римский период наряду с некоторыми синопскими амфорами [Внуков 2006: 232, 233], одним из основных видов тары для перевозки масла в Херсонесе, вероятно⁴, являлись амфоры с воронковидным горлом. Данный вывод основан на общих представлениях о видах и назначении амфорной тары в Восточном Средиземноморье, среди которой лишь несколько типов ассоциируются с транспортировкой масла. Амфоры Dressel 24 — самые распространенные из них [Reynolds 2021: 310]. Находки фрагментов этих амфор в Херсонесе не редки. Фрагменты найдены не только в жилых и хозяйственных постройках города [Ушаков и др. 2006: 192, 193, рис. 7, 7, 21, 22, 24, 25, 27–32; Кутайсов, Труфанов 2014: 241, рис. 8, 8; Дорошко, Дорошко, Ушаков 2021: 128, рис. 3, 2], но и на памятниках сельской округи [Созник 2005: 241, рис. 3, 3, 7; Савеля 2013–2014: 183, рис. 7, 1, 2], в местах базирования римских войск [Кленина 2000: 132, 133, рис. 25, 8–11; Ковалевская, Сарновски 2018: 139, рис. 2, 6]. Известно шесть археологически целых экземпляров из округи города и могильника Совхоз 10 [Klenina 2018: 363, 364, 373, 374, cat. 56–60; fig. 28; Тюрин, Филиппенко, Макаев 2010: 207, рис. 3, 1–4]. Ещё один фракционный экземпляр был использован в качестве погребальной урны в могиле I–III вв. в некрополе Херсонеса [Журавлев, Костромичев 2017: 40, табл. 9, 1].

Многочисленность этих находок свидетельствует о том, что круг потребления оливкового масла выходил далеко за рамки римского гарнизона. Основными покупателями масла в амфорах с воронковидным горлом, безусловно, являлись жители города и округи. Находка горла амфоры с указанием на римский легион позволяет утверждать, что снабжение оливковым маслом римских солдат происходило из того же региона, который был обычным источником импорта для городского рынка.

Обеспечение солдат и офицеров римской армии продуктами питания было частью системы анноны, сложившейся в окончательном виде к концу

⁴ На настоящий момент анализы содержимого амфор, найденных в Херсонесе, отсутствуют. Следовательно, нельзя уверенно и безоговорочно закреплять за той или иной формой тары какой-то определенный продукт, поставлявшийся на местный рынок.

III в., но элементы её появились ещё в начале этого столетия [Негин 2014: 30]. В рамках этой системы часть налогов, направленных на содержание армии, выплачивалась в натуральном виде. Для Херсонеса аннона засвидетельствована письменными источниками более позднего времени. В IV в. анноной обеспечивался легион баллистариев. Константин Багрянородный рассказывает о снабжении города тысячей аннон, а также предоставлении городу ежегодно «жил, пеньки, железа и оливкового масла для изготовления ваших хироволист» [Константин Багрянородный 1991: 255].

Во II и III веке системе натурального налога предшествовала система военных заказов. В рамках этой системы конкретные подразделения получали денежное финансирование и сами заключали контракты с поставщиками [Негин 2014: 27]. Херсонесская надпись, скорее, свидетельствует о поставке товара в конкретное подразделение, нежели о поставке в виде натурального налога. Из этого можно заключить, что амфора с маслом была частью закупки XI Клавдиева легиона в крупном производственном центре Эгейского моря.

Снабжение римской армии маслом хорошо задокументировано надписями на амфорах в западных провинциях Римской империи, в отличие от восточных провинций, где таких данных не много. Некоторым исключением являются гарнизоны Нижнего Дуная [Reynolds 2021: 309]. В этом регионе зафиксировано присутствие большого количества фрагментов амфор Dressel 24 в местах размещения римских гарнизонов, где данный тип являлся наиболее распространенным типом импортной тары [Dyczek 1999: 145, fig. 143; Dyczek 2006: 569; Reynolds 2021: 327–329]. На поставки для римской армии прямо указывают надписи на этих амфорах. Известно три *tituli* с указанием на V Македонский легион [Dyczek 1999: 149, fig. 145, 2, 16, 17, kat. 189–191] и три *tituli* I Италийского легиона [Dyczek 1999: 149, fig. 146, 2, 3, 6, kat. 230, 231, 234]. О том, что товары в амфорах не были единственными продуктами, поставлявшимися в Нижнедунайскую армию из региона Ионии свидетельствуют свинцовые пломбы, найденные в римских городских центрах Добруджи. Здесь найдено более пятидесяти печатей с названиями семнадцати городов запада Малой Азии [Chiriac, Munteanu 2014: 304ff]. Авторы публикации относят их к 60-м гг.

IV в., однако они могут датироваться шире. Товары, запечатанные свинцовыми пломбами, явно поступали в рамках системы обеспечения армии по налаженному пути снабжения.

Конкретный механизм поставок продуктов в армию остается не ясным из-за недостатка источников. В частности, остается дискуссионным баланс между закупками продукции у торговцев или производителей и реквизициями в виде натуральных налогов. Также не решен вопрос о том, опиралось ли снабжение на местных, локальных производителей или были задействованы крупные производственные центры, находящиеся на больших расстояниях от мест дислокации гарнизонов [Негин 2014: 27]. В нашем случае задача снабжения оливковым маслом необходимым для местного гарнизона, как, впрочем, и для армии Нижнего Дуная, однозначно, решалась с помощью импорта.

Источники фиксируют различные уровни государственного контроля за обеспечением армии, начиная от императора, заканчивая должностными лицами конкретных подразделений [Негин 2014: 24–27]. Вероятно, разветвленного административного аппарата снабжения на уровне всей империи или даже отдельных провинций не существовало. Снабжение было в основном задачей подразделений, обладающих известной степенью самодостаточности и мобильности. Основной организационной единицей, очевидно, был легион.

В составе легионов задача контроля за поставками из удаленных портов возлагалась на примипилов, в подчинении которых были центурионы фрументарии [Kehne 2007: 327]. Интересна серия надписей из штабквартир V Македонского и I Италийского легионов — Эска и Нов. Надписи нанесены на постаменты статуй, установленных примипилами в честь выхода в отставку. В них примипилы называют регионы и города, из которых они осуществляли снабжение: Флавий Зосим — из провинции Азия, города Эфес; Флавий Татиан — из провинции Сирия; Флавий Агапит и Флавий Диоген — из провинции островов [Rizos 2015: 298, 299].

Организация транспортировки товаров из отдаленных производственных центров в подразделения могла происходить тремя основными способами. Эти варианты зависят от того, кто брал на себя организацию

транспорта. Это могли быть сами городские центры, организующие транспорт своими силами. Города могли нанимать подрядчиков. Возможен вариант, когда армия самостоятельно занималась транспортировкой [Breeze 2000: 60ff]. Из этих вариантов для нашего случая наилучшим образом подходит первый или второй вариант. Именно в рамках общей крупной поставки в которую входили товары не только для выполнения военного контракта, но и предназначенные для продажи на «гражданском» рынке, требовалось обозначение адресата. Если бы поставка полностью состояла только из товара для одного адресата, надпись была бы излишней. Также надпись была бы не уместна, если бы продукт приобретался на рынке и транспортировался к месту потребления военным кораблем.

Нанесение надписи после доставки товара на крупный военный склад, где хранились и распределялись запасы для нескольких легионов, возможно, но маловероятно. Хотя такие склады могли существовать и управляться администрацией провинции, например, прокураторами [Kehne 2007: 327, 328], нет конкретных сведений о существовании такого центра в Нижней Мёзии.

Херсонесская надпись подчеркивает главную роль подразделений в организации снабжения во второй половине II — первой половине III в. Важным обстоятельством является тот факт, что в данном случае не может вестись речь о непосредственном прямом снабжении римских войск в Таврике из мест производства импортных продуктов. Местная вексилляция носила смешанный характер, состояла из частей легионов и вспомогательных войск. Если бы эта вексилляция осуществляла закупки, как самостоятельная организационная единица, то в надписи на амфоре было бы упомянуто её название или иное географическое указание, связанное с Таврикой. Очевидно, снабжение римских подразделений в Крыму осуществлялось не из импортных товаров, закупаемых на местном рынке и не путем прямого импорта, а из складов подразделений в Нижней Мёзии.

Таким образом, наиболее реалистичным представляется следующая реконструкция пути появления амфоры в Херсонесе. Снабженец XI Клавдиева легиона заключил контракт на поставку товара с властями определенной провинции, или, что вероятней, с властями определенного города.

Товар, предназначенный для конкретного легиона, обозначался надписью в месте отправки, чтобы выделить его среди массы аналогичного товара, предназначенного для других подразделений и для продажи на рынках Причерноморья. Товар был доставлен морским путем. Где-то на территории Нижней Мёзии (возможно, в Дуросторе) амфора поступила на склады легиона. Отсюда амфора была перераспределена и отправлена в Херсонес для снабжения солдат легиона, проходивших здесь службу в составе смешанной вексилляции войск Нижней Мёзии.

Библиография

- ВНУКОВ С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э.— II в. н.э. Ч. 2: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. 320 с.
- ГОЛОФАСТ Л. А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. Вып. 16. 2010. С. 82–139.
- ДОРОШКО В.В., ДОРОШКО О.П., УШАКОВ С. В. Комплекс находок из раскопок цистерны раннеримского времени в ХСVII квартале Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 22. 2021. С. 127–156.
- ЖУРАВЛЕВ Д.В., КОСТРОМИЧЕВ Д. А. Комплексы с ювелирными изделиями из Херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909–1910 гг. М., 2017.
- ЗЕЕСТ И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. Вып. 83. 1960.
- ЗУБАРЬ В. М. Херсонес Таврический и римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.
- КОВАЛЕВСКАЯ Л.А., САРНОВСКИ Т. Тарная и кухонная керамика римского поста на высоте Казацкая в округе Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 18. 2018. С. 137–152.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении Империей. М., 1991. 497 с.
- КЛЕНИНА Е. Ю. Тарная керамика / В кн. Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 134–140.
- КЛЕНИНА Е. Ю. Снабжение римских легионеров во II–III вв. н.э. на примере Новы (*Moesia Inferior*) и Херсонеса в Таврике // Античная древность и средние века. Вып. 42. Екатеринбург, 2014. С. 27–37.
- КУТАЙСОВ В.А., ТРУФАНОВ А. А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // История и археология Крыма.— Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.— Вып. 1.— С. 234–280.

- ИЛЬЯШЕНКО С. М. Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н. э. // БИ. Вып. 29. 2013.
- НАУМЕНКО С. А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времен // *Novensia*. Warszawa, 2008. Vol. 18–19. S. 267–289.
- НЕГИН А. Е. Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения // *Stratum plus*. Nr. 4. 2014. С. 15–138.
- САВЕЛЯ О. Я. Результаты археологических наблюдений на ул. Калича в Балаклаве в 2012 году // ХСб. Вып. 18. 2013–2014. С. 181–193.
- САРНОВСКИ Т. К вопросу о римской оккупации Южного Крыма в свете новых данных / В кн. Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 269–272.
- СОЗНИК В. В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // БИ. Вып. 8. 2005. С. 238–262.
- СОЛОМОНИК Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- ТЮРИН М. И., ФИЛИППЕНКО А. А., МАКАЕВ И. И. Средиземноморский позднеэллинистический амфорный импорт в нижнем течении р. Бельбек (краткий обзор) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Том 1 / Отв. ред. А. Д. Васильев; сост. Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина, В. В. Прудников — М., 2020. С. 204–212.
- УШАКОВ С. В., ДОРОШКО В. В., КРОПОТОВ С. И., МАКАЕВ И. И., СТРУКОВА Е. В. Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в ХС VII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. Вып. 15. 2006. С. 191–216.
- BREEZE D. J. Supplying the army // *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für E. Birley* / G. Alföldy et al. (eds.). Stuttgart, 2000. P. 59–64.
- CHIRIAC C., MUNTEANU L. Trade Connections between Asia Minor and the Western Pontic Area in the 4th Century CE. Some Sphragistic Considerations // *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods* / ed.: Cojocaru V., Coşkun A., Dana M. Cluj-Napoca, 2014. P. 299–330.
- CORDOVA C. E., LEHMAN P. H. Archaeopalynology of synanthropic vegetation in the chora of Chersonesos, Crimea, Ukraine // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 30. 2003. P. 1483–1501.
- DRESSEL H. *Corpus Inscriptionum Latinarum* XV, 2, *Inscriptiones Urbis Romae latinae. Instrumentum domesticum. Pars posterioris fasciculus I*. Berlin, 1899.
- DYCZEK P. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. Dystrybucja amfor i transportowanych w nich produktów w I–III w. po Chr. Warszawa, 1999.
- DYCZEK P. Amphorae from the Barracks of legio VIII Augusta and legio I Italica in Novae // *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*. Vol. 44. 2016. P. 563–570.
- GUDEA N. Der untermoesische Donaulimes und die Verteidigung der moesischen Nord- und Westküste des Schwarzen Meeres: limes et litus Moesiae inferioris (86–275 n. Chr.) //

Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 52 Jahrgang. Teil 2. 2005. S. 317–566.

KEHNE P. War- and Peacetime Logistics: Supplying Imperial Armies in East and West // A Companion to the Roman Army / Ed. By P. Erdkamp. Malden, MA, 2007. P. 323–338.

KLENINA E. Chersonesus Taurica in the Principate. Some Aspects of the Economic History According to Archaeological Data. Poznań, 2018.

MATEI-POPESCU F. The Roman Army in Moesia Inferior. Bucureşti, 2010.

OPAIȚ A. From DR 24 to LR 2? // Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean. International Conference on Late Roman Coarse Wares Aix-en-Provence, France. 2 vol. / Ed. by Bonifay M., Trégliat J.-Chr. / BAR international series. 1662. Oxford, 2007. P. 627–643.

OPREANU C. H. New Approaches to the Knowledge of the Military Tile Stamps from the Auxiliary Forts of Dacia // Ephemeris Napocensis. Vol. XXI. 2011. P. 145–159.

REYNOLDS P. The oil supply in the Roman East: identifying modes of production, containers and contents in the eastern Empire // Roman Amphora Contents. Reflecting on the Maritime Trade of Foodstuffs in Antiquity. Proceedings of the Roman Amphora Contents International Interactive Conference (RACIIC) (Cadiz, 5–7 October 2015), edited by Darío Bernal-Casasola, Michel Bonifay, Alessandra Pecci and Victoria Leitch. Oxford, 2021 (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 17). P. 307–354.

RIZOS E. Remarks on the logistics and infrastructure of the Annona Militaris in Eastern Mediterranean and Aegean areas // Antiquité Tardive. Vol. 23. 2015. P. 287–302.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ХСб — Херсонесский сборник

Крол А. А.

Научно-исследовательский институт и музей антропологии
им. Д. Н. Анучина Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Толмачева Е. Г.

Российский православный университет им. Апостола Иоанна Богослова,
Центр палеоэнологических исследований, г. Москва

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕРАХЕЙБ (АЛЬ-АЛЛАКИ) НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ: ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ

Krol A. A., Tolmacheva E. G.

MEDIEVAL DERAHEIB (AL-ALLAQI) AT THE CROSSROADS OF TRADE ROUTES: ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Памятник Дерахейб, известный в средние века как Аль-Алаки, благодаря своему выгодному географическому расположению — на расстоянии около 400 км от Нила и 200 км от Красного моря, в районе области Вади-аль-Алаки, являлся в эпоху Средневековья значительным центром пересечения караванных путей от красноморского порта Айзаб к египетскому Асуану (рис. 1.1.).

Не маловажным является и тот факт, что сама область Вади-аль-Алаки еще с середины IV тыс. до н.э. и вплоть до Нового и Новейшего времени была важной зоной геополитических и экономических интересов Египта, территорией соприкосновения и активных культурных контактов различных египетских государств как с цивилизациями древней и средневековой Нубии, так и с жителями Нубийской пустыни — маджаями-блемиями-беджа [Крол 2020: 203].

Также следует отметить значение Аль-Алаки (Дерахейба) как древнего и современного центра золотодобычи. По Вади-аль-Алаки шел один из путей, который соединял политическую столицу Верхнего Египта Асуан и красноморское побережье [Крол 2020: 208].

Первое упоминание об Аль-Алаки относится во второй половине IX века: о нем оставил сведения арабский историк, географ и путешественник аль-Якуби (ум. 897) в «Книге стран»: «...Вādī ал-‘Аллākī подобна большому городу; в ней смешанное население из арабов и неарабов — золотоискателей; в ней рынки и торговля...Вādī ал-‘Аллākī и то, что вокруг нее,— рудники самородков; в любом месте, которое прилегает к ней, работают купцы всех племен, а кроме купцов — черные рабы, которые заняты рытьем земли, потом вынимают самородки, подобно желтому мышьяку, а затем плавят [Арабские источники 1960: 44].

В сочинении мусульманского ученого, писателя и путешественника Якута аль-Хамави (1179–1229) «Алфавитный перечень стран» содержатся важные сведения уже о городе Аль-Алаки. «Ал-Аллākī — крепость в стране буджа, [расположенной] на юге земли Египта. Близ него, между Ал-Аллākī и городом Асуан, на обширном пространстве находится золотой рудник. Человек копает землю, и если что-либо в ней найдет, то часть находки принадлежит копающему, а часть — султану ал-‘Аллākī [Арабские источники 1985: 142].

Конечным пунктом движения караванов из Асуана, останавливавшихся в Аль-Алаки был красноморский порт Айзаб, который также имел чрезвычайно выгодное географическое положение: от азиатского берега Красного моря его отделяло лишь 250 км, что делало его незаменимым на маршруте хаджа. Отплыв из Айзаба, паломники через сутки причаливали к портам Аль-Джар (по направлению к Медине) или Джидда (в сторону Мекки) [Крол 2020: 209].

В X–XI веках Айзаб был важнейшим египетским портом, через который шел главный поток товаров из Йемена, Абиссинии, Занзибара, Индии и Китая. Расцвет Айзаба приходится на время правления династии Фатимидов (972–1171), в правление которых торговля стала одним из главных источников процветания государства. Именно отсюда товары сухопутным

путем доставлялись до Нила, а затем по течению реки — в средиземноморские порты Египта [Крол 2020: 210].

В источниках среди индийских товаров упоминаются корица и перец [Арабские источники 1985: 62]. Из Юго-Восточной Азии и Индии в Айзаб привозили шеллак, гвоздику, ароматическую древесину, индиго [Goitein, Friedman 2007: 29, 45, 348, примеч. 73]. Через Айзаб в Египет, а затем в Европу доставлялась китайская керамика, в частности фарфор и селадон [Mikami 1988: 16].

Итак, изучение письменных источников позволили нам выдвинуть гипотезу о важном значении региона Вади-аль-Алаки в Красноморской и Средиземноморской торговле в IX–XI веках. Эта гипотеза находит свое подтверждение в ходе проведения археологических раскопок Нубийской археолого-антропологической экспедицией Научно-исследовательского института и музея антропологии им. Д. Н. Анучина Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб в 2018–2022 годы [подробнее о памятнике см., например: Крол и др., 2019; 2021; 2023].

Памятник включает в себя несколько археологических объектов, на которых были сосредоточено основное внимание археологов: Северная крепость, Южная крепость, Городище, Южный некрополь, поселения золотодобытчиков и т. д. (рис. 1.2.). В настоящее время проводятся исследования средневековых слоев, относящихся к IX–XIII вв. (рис. 2.1.)

О возможном значении Дерахейба как важного центра караванной торговли и его роли как перевалочного пункта на паломнических маршрутах свидетельствуют исследования Северной крепости (рис. 2.2.), где в 2020 году были начаты раскопки с целью установления конструктивных особенностей объекта, а также возможной даты основания [Крол и др., 2021, 2023]. Объект Северная крепость (СК) представляет собой фортификационное сооружение квадратной в плане формы 26,50 × 26,50 м. Участок 10×10 м, примыкающий к юго-западной стене СК был дополнительно обнесен стеной в более позднее время. Углы СК укреплены контрфорсами, стены сложены из плит сланца, уложенных на связующий раствор. Внутри СК представляет собой комплекс разновременных построек, перекрытых завалами стен.

Исследования экспедиции МГУ, в частности, находка в слое, связанном со строительством (или перестройкой) крепости фельса эмира Ахмеда Ибн Тулуна (рис. 3.1.), правившего в Египте в 868–884 года, позволяют предполагать, что Северная крепость была возведена во второй половине IX века [подробнее см.: Крол и др., 2023].

Один из важнейших участков работ российской экспедиции располагался у прямоугольного (55×65 см) сквозного проема в центре северо-западной стены Северной крепости, под которым находился холм грабительского выброса из Помещения I, расположенного внутри Крепости. Среди находок из грабительского выброса и перекопа следует выделить керамику (асуанская гончарная керамика, нубийская лепная и гончарная, поливная керамика), предметы, связанные с бытом обитателей Крепости: украшения (бусины, серьга), фрагменты изделий из стекла, около 200 фрагментов тканей. Можно предположить, что на завершающем периоде существования Северной крепости Помещение I использовалось для выброса разнородного мусора и содержимого отхожих мест [Крол и др., 2023].

Особое значение среди археологического текстиля имеют находки индийского импорта — образцов хлопковых тканей с Z-круткой, на которые декор синего цвета нанесён в технике набойки или по резерву, предварительно датированных XI веком (рис. 3.2.), а также нескольких образцов сирийского шелка с изображениями восьмиконечных звезд и птиц (рис. 3.3.), выполненные в технике лампас, датированные XI в. [подробнее об этой ткани см: Толмачева, 2022]. Изделия из идентичных шёлковых тканей, хранящиеся в музейных коллекциях, позволяют предположить, что они использовались для изготовления статусных головных уборов — мужских шапок-калансув, которые носили в эпоху средневековья высокопоставленные представители знати.

Исследования Северной крепости проводились и в сезоне февраля — марта 2022. Под сквозным проемом в центре северо-западной стены был заложен шурф 2×2 м. и глубиной 220 см. Анализ находок (керамика, кости животных, угли) свидетельствует, что здесь располагался многометровый зольник, образовавшийся за период функционирования замка.

Одной из важнейших характеристик керамических комплексов Дерахейба стало присутствие предметов роскоши, люстровой иракской керамики (рис. 3.4.). Большинство найденных в Дерахейбе фрагментов люстровой керамики относятся к группе монохромного иракского люстра X века., для которого характерно кремовое или желтоватое т.н. «басрское» тесто и оливково-зеленый, светло-коричневый декор с металлическим отблеском. Эта керамика представлена фрагментами венчиков и тулова небольших чаш с фигуративными изображениями на внутренней поверхности.

Также встречается на памятнике и китайский импорт — фрагменты керамики с селадоновой глазурью, а также тарная керамика для перевозки оливкового масла из Палестины, IX–X веков.

На основании данных письменных и археологических источников можно говорить о функционировании в Дерахейбе (Аль-Алаки) крупного поселения, возникшего вокруг, предположительно, замка местного правителя (Северная крепость) и золотых приисков, которое являлось важным пунктом, находившимся на пересечение сухопутных и морских торговых путей.

Библиография

КРОЛ А. А. Сведения арабских источников IX–XV вв. по истории региона Вāди ал-‘Аллāки (Египет, Судан)// Аравийский древности. Сборник статей в честь 70-ти летия Александра Всеволодовича Седова. Москва, 2020, 203–217

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники VII–X веков. Л., 1960

GOITEIN S.D., FRIEDMAN M. A. India Traders of the Middle Ages. Documents from the Cairo Geniza ‘India Book’. Leiden, 2007

MIKAMI T. Chinese Ceramics from Medieval Sites in Egypt. Cultural and Economic Relations between East and West: Sea Routes / Ed. by Prince Takahito Mikasa // Bulletin of the Middle Eastern Culture Center in Japan. Vol. 2. Wiesbaden, 1988

КРОЛ А.А., БЕРЕЗИНА Н.Я., ЗАЙЦЕВ Ю.П., РЕШЕТНИКОВА Н. А. Сезон 2018 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан)// Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, 2019, № 2, 134–144

КРОЛ А. А., ГОРДЕЕВ Ф. И., ЗАЙЦЕВ Ю. П., СЕМЕНОВ Е. В., СЛЕПЧЕНКО С. М., ТОЛМАЧЁВА Е. Г. Сезон 2020 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2021, № 4, 126–145.

КРОЛ А. А., Березина Н. Я. ГОРДЕЕВ Ф. И., Калинина О. С., ТОЛМАЧЁВА Е. Г., Чиркова А. Х., Лейбова Н. А. Исследования Нубийской Археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея Антропологии МГУ в центральном Атбае (2017–2022)// Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции 2021–2022 гг. Избранные доклады, Москва, 2023, 258–296

ТОЛМАЧЕВА Е. Г. Находки арабо-византийского текстиля на памятнике Дерахейб (Судан)// ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар (Севастополь — Балаклава, 29 мая — 2 июня 2022 г.). Материалы научной конференции, Симферополь, 247–249

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА

Материалы VII Международной научной конференции
(Севастополь, 29 мая - 5 июня 2023 года)

Том 1

Ответственный редактор В.В. Лебединский
Редакторы-составители Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина
Макет и верстка А.С. Яшин

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 07.05.2023
Формат 60×84 1/8 Усл. печ. л. 24,88. Гарнитура Times.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 9679

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Т8 Издательские технологии».
109316, Россия, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

ISBN 978-5-907671-28-7

9 785907 671287

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»